

Игорь ХВАРЦКИЙ

ДОМ НА ОКРАИНЕ

*Рассказы, пьесы,
стихотворения,
статьи*

Абгосиздат
Сухум
2015

ББК 84(5Абх) 6-44

Х 66

Хварцкия, И.И.

Х 66 Дом на окраине. Рассказы, пьеса, стихотворения, статьи.

Абгосиздат. Сухум, 2015. – 320 с.

«Дом на окраине» объединяет и ранее опубликованные вещи, и новые рассказы. Многие из них, на первый взгляд, как будто говорят о пустяках («Черный лебедь», «Фотография», «Ядовитое дерево» и др.), но чем-то цепляют за душу, как-то воздействуют на настроение и заставляют внимательнее взглядываться не только в окружающее нас, но и в прошлое, искать в нем истоки настоящего.

В некоторых рассказах читатель узнает облик довоенного Сухума и его колоритных обитателей, есть горькие вещи о недавней войне.

В книге также представлены стихи в переводе на абхазский язык и пьеса «Дворец Аэта», рассказы и эссе, посвященные пребыванию в Абхазии выдающихся русских писателей и путешественников XIX столетия и некоторые главы из совместного труда И. И. Хварцкия и Л. Л. Регельсона «Земля Адама»(Сухум,1997), посвященные сравнительному исследованию мифологии древних народов в контексте Ветхого Завета.

© Хварцкия, И.И., 2015

© Абгосиздат, 2015

ДОМ НА ОКРАИНЕ

Персики были необыкновенного вкуса. А персиковые косточки, с глубокими морщинами на поверхности, напоминали лицо столетней старушки. Антон Павлович открыл бутыль с вином, и наполнил пунцовой «маджаркой» бокал. Вино это подарил ему епископ Сухумский Геннадий, повстречавшийся ему верхом на лошади в Новом Афоне. Архиерей сопровождал писателя до монастыря, показал ему монастырское хозяйство и внутреннее убранство храма великомученика Пантелеймона. В монастырской лавке Антон Павлович купил образок для матери, потом он поднялся на вершину Иверской горы.

Барон Фридрих фон Боденштедт, автор альбома «По Малой и Большой Абхазии», оказавшись на этой же горе, за сто лет до русского писателя, в восхищении восклицал: «Херлих!»

Чехов в записной книжке оставил только одну строчку: «Кто был в Новом Афоне и не поднялся на Иверскую гору, тот подобен тому, кто в Риме побывал и не увидел Римского Папу!».

Вечером прогулялся один по берегу моря, переночевал в монастырской гостинице, засыпал и просыпался под шум прибоя.

Рано утром отправился в Сухум на корабле и уже через два часа сидел на балконе сухумской гостиницы. Все было таинственно вокруг, хотелось даже что-то написать об этом уголке земли, об этих людях, прогуливающихся по приморскому бульвару, во многом

странных, с их загадочной жизнью. Антон Павлович подумал о художнике Исааке Левитане, который смог бы изобразить эту щедрую природу, так не похожую на российскую! Но Левитан находится сейчас в небольшом городке Плес, на Волге, вместе с Софьей Кувшинниковой... Сейчас Антону Павловичу хотелось поделиться своим душевным настроением с другом.

«Я в Абхазии! – записал он в записной книжке. – Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительна до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо, поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное – горы, горы и горы, без конца и края...»

Константин Паустовский через много лет напишет о картинах Левитана: «Они не ошеломляют глаз. Они скромны и точны, подобно чеховским рассказам, но чем дальше взглядаешься в них, тем все милее становится тишина провинциальных посадов, знакомых рек и поселков».

…В ноздри ударил густой виноградный дух. Медленно потягивая «маджарку», чем-то напоминающую любимое шампанское, писатель окинул взглядом набережную Сухума с балкона гостиницы «Ориенталь». Внимание его привлекла группа абхазских князей с двумя дамами, одна из которых – молодая блондинка с черными глазами, показалась ему ослепительно красивой! Он взял карандаш и продолжил письмо: «Сижу я сейчас на балконе, а мимо прохаживаются абхазы в костюмах маскарадных капюшонов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море».

– Чайник поставить? – из дома вышла и направилась ко мне по дорожке сада Ольга.

– Попозже, – сказал я, не без труда возвращаясь к действительности.

Она прошла мимо меня, направляясь на террасу, или как она называет – балкон. Это особенный балкон, без него сад немыслим. Он словно нависает над пляжем.

Дом Ольги утопает в райском саду на берегу моря, между железной дорогой и морем, за восточной границей города, на правой стороне реки Келасур, недалеко от береговой башни Великой Абхазской стены, которая тянется в сторону гор как высохшее русло времени...

Стоя на террасе, увитой глицинией, она окинула зорким взглядом пляж и ненавистных ей отдыхающих. Особенно ее раздражают женщины с детьми, купающиеся всегда с громким визгом.

После того, как мама Ольги, знаменитая художница Ольга Брендель в 1999 году умерла, дочь осталась одна и стала хранительницей и дома, и маминых картин, и сада с двумя столетними реликтовыми дубами, и даже окрестностей этой уникальной усадьбы на берегу моря. Ольга даже вынудила покинуть эти места некоего пенсионера, в прошлом преподавателя философии, который из бревен и камней, выносимых морем, воздвиг на песке некую собственную Вселенную.

Вначале я даже помогал ему таскать бревна и камни, но потом, откровенно говоря, и меня стала раздражать энергия, с которой этот истощенный человек, чем-то напоминавший муравья, перекатывал по пляжному песку пятидесятиграммовые камни, чтобы завершить задуманный им дизайн. Однажды он даже признался мне, что хочет юридически оформить на себя этот участок пляжа. Я конечно, предполагаю, чтобы единственным архитектором прибрежных пейзажей было море. Потом, когда он покинул этот берег, море стало заносить песком нагроможденные философом камни, и теперь они уже погрузились в него настолько, что даже напоминают древние ацангуары на альпийских лугах.

Признаться, я люблю берег моря больше всего зимой, когда он пуст, а на водной глади снуют только утки-нырки, а закаты поражают своей лиловой окраской.

– Интересно, когда польет? Думаю, даже завтра... Древесные лягушки молчат, но море бузит, – проговорила Ольга, возвращаясь с террасы. Ольга часто говорит о погоде и почему-то именно о дожде. И сейчас ее непоколебимая уверенность в том, что скоро пойдет дождь, даже немного отвлекла меня от удручающей жары, которая обычно в это время – как-никак середина августа! – должна потихоньку спадать.

Сто двадцать с лишним лет тому назад, сидя на балконе сухумской гостиницы «Гранд-отель», спасаясь от солнца, Антон Павлович Чехов писал своему приятелю Исааку Левитану: «Жарко невыносимо! Варюсь в собственном поте. Мой красный шнурок на сорочке раскис от пота и пустил красный сок; рубаха, лоб, и подмышки хоть выжми. Кое-как спасаюсь купаньем... Вечереет... Скоро поеду на пароходе. Вы не поверите, голубчик, до какой степени вкусны здесь персики! Величиной с большое яблоко, бархатные, сочные... Ешь, а нутро так и ползет по пальцам».

– Мухи жужжат и лягушки заквакали, барометр стоит... А над университетом – гадость! – голос Ольги вернул меня в реальность. «Может и вправду пойдет дождь...» – мысленно соглашаюсь я, поворачиваясь в сторону горы, в зелени которой утопает здание Абхазского университета.

«Гадостью» она называет дождевые облака, которые на самом деле еще еле-еле прорисовываются на ярко-синем небе. Они еще очень далеко, в горах Кавказа, над вершиной Чумкузбы. И если уж над Чумкузбой появляются темные облака, – это, конечно, к дождю!

Ольга прожила всю жизнь на берегу моря и погоду определяет по тому, как солнце садится в море; иногда, рано утром она всматривается в морской бескрайний горизонт. В то же время она подкрепляет собственные прогнозы с показаниями очень редкого дореволюци-

онного барометра. Дед Ольги привез этот чувствительный прибор из Цусимы, после русско-японской войны. Прежде чем оказаться в домике у моря, барометр безотказно служил на боевом корабле. Теперь он висит у Ольги в спальне, на видном месте, рядом с портретом деда. Дед Ольги внешне напоминает то ли чеховских героев, то ли самого Чехова – пенсне и бородкой.

Ольга, в основном, проводит время за письменным столом: пишет историю изобразительного искусства Абхазии, а когда устает писать, уходит в сад и начинает с такой же неутомимостью руками выкорчевывать сорняки.

В саду растут два огромных реликтовых дуба – осколки Каштакского леса, чем-то напоминающие береговую башню Великой Абхазской стены. Громадными руками ветвей дубы ласкают, обнимают весь сад и даже дом, удерживая на себе царство суеты, гомона, трели всевозможных птиц, а листва тихо напевает колыбельные песни птицам, под аккомпанемент морского прибоя.

Ольге особенно нравятся вороны, называет их подругами, карканье их ласкает ее слух, а наблюдать за ними, когда птицы, красиво фланируя над усадьбой, опускаются на берег и важно расхаживают по пляжу, напоминая денди во фраках – одно удовольствие для нее! Иногда и мне кажется, что вместо карканья я слышу меццо-сопрано, как у одной моей знакомой певицы.

Море вечно меняется: то, оно ярко-голубое, то – темно-синее, то – серое. Когда оно спокойно, на еле заметных волнах покачиваются стаи чаек и уток-ныроков. Порой в нем просыпается необузданная сила, под шум ветра вздывающиеся волны издают громогласный вой, а бурлящая белоснежная пена заполняет весь берег.

После шторма воздух свеж особенно, ветер слабеет, а блики солнца вновь начинают весело играть на поверхности моря.

– Господи, кого только у нас не было... – глубоко вздыхает Ольга, садится рядом и предается воспоминаниям.

ниям. Она много раз рассказывала о том, что два знаменитых человека – великий поэт Михаил Лермонтов и художник-передвижник Григорий Мясоедов – находятся в родственных отношениях с семьей Бренделей.

А о тех, кто побывал в этом доме на морском берегу, конечно стоит рассказать!

Сергей Михалков, родственник деда Ольги через Петра Глебова (жена его была двоюродной сестрой Ольги-старшей), бывал здесь и каждый раз дарил ей, еще девочке, свои книги с автографом. Ольга часто с сожалением говорит о том, что знаменитый режиссер Никита Михалков почему-то не помог дочке Пети, красавице Ленке, тоже актрисе, сделать карьеру, хотя роль Григория Мелехова в замечательном фильме «Тихий Дон» блестяще сыграл сам Петя Глебов. Фазиль Искандер, которого она называет Зючкой, его детским именем, не только дарил ей свои произведения, но и ловил рыбу с ее отцом – Евгением. Они заходили на лодке далеко в открытое море. Федя и Петя Глебовы – тоже часто отдыхали здесь. Владимир Золотарев, ведущий математик в Советском Союзе, обращался к Ольге только на «вы». Художник Иван Цомая, друг семьи Бренделей, водил на охоту самых почетных гостей этого дома. Кстати, в молодости Иван Павлович как лучший охотник, сопровождал в горной охоте Нестора Лакоба. А когда знаменитого руководителя Абхазии в конце 1936 года, вызвав к себе в Тбилиси отравил Берия, он водил на охоту Сталина и Берия, когда они отдыхали в Абхазии.

Племянник Ольги, московский журналист Борис Войцеховский, вспоминает, что Иван Павлович, раскорившись вдребезги с женой, последние свои годы прожил в Каштаке. Оказывается, дядя Ваня (как его называл Борис) был фанатом газет. «Советскую Абхазию» он прочитывал от корки до корки, смакуя каждую заметочку и выискивая чрезвычайно смешные строчки даже в самых серьезных текстах.

Возможно, именно это объясняет то, что любимой газетной рубрикой Ивана Павловича был раздел некрологов.

– Опа-ра! – неожиданно воскликнул он с присущим сарказмом, характерным для некоторых сухумцев мегрельского происхождения. Он всплескивал руками и произносил громко: «Родные скорбят о безвременной кончине Пипики Засировны!» И после повторял эту «Пипику Засировну» еще несколько раз, смакуя имя покойной и произнося его то так, то этак, пока не доводил всех домашних до настоящей истерики.

А про таких гостей, как юморист Лион Измайлов и поэтесса Лариса Рубальская, писатель Николай Жуков и московский прокурор Георгий Чебурахин и других, даже излишне говорить здесь, даже не стоит упоминать о них. Но, особняком от них стоит Константин, или Котик Гедеванишили, тоже прокурор, которому Вахтанг Кварацхелия придумал прозвище – Бегемот, потому, что был большого роста и с большим животом. Когда Бегемот, или Беги приезжал в Каштак, обязательно к нему в гости заходил наш Зураб Ачба. Сейчас Ольга ждет приезда из Москвы Виктора Абрамяна, замечательного скрипача и внука Ефрема Эшба.

– Что нашел Вахтанг в Свете Беселия, не пойму, он такой интересный мужчина, а она?.. – неожиданно спрашивает меня Ольга.

– А кто она? – спрашиваю я.

– Жена его... – удрученно произносит Ольга, опустив голову.

Особенно мне запомнился рассказ Ольги о Борисе Абрамовиче Петрушевском, известном в Советском Союзе специалисте в области сейсмологии, который приезжал к ним каждое лето.

Он и во время отдыха продолжал работать. Любил устроиться за столиком в саду, рядом ставил двухлитровый кувшин с вином «Изабелла». Когда он заканчивал работу, кувшин уже был пуст.

– Я нарекла его Землетрусом. Приезжал он с женой Варварой Александровной, но мы ее звали просто Варечка... В Москве Петрушевские жили на улице Беговой, в шикарном двухэтажном деревянном доме. Интересно, сохранился ли этот дом, и если сохранился, кто в нем сейчас живет? – задает она вопрос самой себе. На Ольгу, как сон, начинают наплывать воспоминания, но она тут же неожиданно перебивает саму себя:

– Чайник поставить?

Я киваю, и прошу, чтобы вместо лимона к чаю принесла шивомикан, который иногда приносит Маргарита Орелкина из своего сада.

За чашкой чая вспоминаем соседей, которые лет шестьдесят тому назад занимали вторую половину этого дома на берегу моря: врача и коллекционера Иезекиила Лазаревича Фишкова с женой Александрой Дмитриевной и художника Валентина Семеновича Контарева.

Ольга хорошо помнит, как в пожилом уже возрасте, худенькая и опрятная Александра Дмитриевна, жена доктора Фишкова, увлеклась собачками-болонками. Вначале их было у нее две, а потом количество собачек «доросло» до пятнадцати. Каждый день она выводила во двор и прогуливала своих любимиц. В прохладную погоду каждая была одета в специально сшитый жилетик. Потом она кормила собачек из ложечки, предварительно усадив их на ступеньки внутренней лестницы дома. Интересно, что очень скоро собачки безо всякого принуждения рассаживались по местам на лестнице и скромно, без суеты, сосредоточенно ждали, когда выйдет из кухни Александра Дмитриевна с миской, полной собачьей каши и ложечкой для кормления в руке.

В те времена доктор Фишков и художник Контарев прославились в округе как целители. В качестве снадобья они использовали пчелиный яд. Ольга помнит, как желающие лечиться стояли в очереди возле ворот.

Очередь доходила до железной дороги, то есть была не меньше десяти метров. Пациенты, пришедшие пораньше других, толпились в прихожей комнате.

Справедливости ради считаю нужным заметить, что искусство врачевания пчелиным ядом доктор Фишков заимствовал у художника Валентина Семеновича, который научился этому искусству, как, впрочем, и многим другим премудростям, на Ближнем Востоке.

Ольга рассказывает о том, как ее дед Владимир Брендель, потомственный дворянин с немецко-шведскими корнями и Валентин Контарев, дворянин и донской казак, познакомились. Владимир Николаевич увлекался игрой на виолончели, но инструмента не было у него. По совету музыкантов, Владимир Брендель вместе с дочерью отправляется к Валентину Контареву. Маэстро пригласил гостей войти в дом. Ольге Брендель в то время было около восьми лет, ходила она в короткой юбке. Ее приглашают сесть, она поднимает юбку, садясь на диван. И, о Боже, вскакивает со страшным визгом от страха! Ее тельце почувствовало что-то страшно холодное и двигающееся. Вскочив, она увидала удава, который мирно спал. Но, его потревожили и он зашевелился. И на всю жизнь сохранила Ольга Брендель чувство, охватившее ее в тот момент, – холод и отвращение; возможно, с тех пор ей стали страшно неприятны встречи со змеями и ящерицами.

Как потом выяснилось, Контарев в то время жил с циркачкой Азазе-Чухан, которая выступала в цирке с удавом. Удав был стар и постоянно нежился на диване.

Валентин Семенович помог приобрести виолончель, но, что самое главное, Владимир Николаевич увидел в нем эрудированного человека и интересного собеседника: круг интересов их совпадал. Они вместе и построили этот дом на берегу моря. Потеряв после революции целое имение под Москвой, ветеринарный врач, столбовой дворянин Владимир Николаевич Брендель и его жена, Анна Александровна Жебровская,

тоже дворянского рода, окончившая московскую гимназию, а затем высшие женские курсы, великолепно владевшая иностранными языками, преобрели дом на самом берегу моря в Сухуме. Маленькой Оленьке тогда было четыре года.

Как-то вечером, гуляя с женой по бульвару, около ресторана «Рица», Владимир Николаевич услышал великолепную музыку Бетховена, и его заинтересовал, так сказать, родник, из которого лилась чудесная музыка. В зале ресторана «Рица» звучали – виолончель, рояль и скрипка. Впоследствии чета Брендель знакомится с исполнителями: Павлом Альфонсовичем Рейнвальдом, его женой Ольгой Петровной Вепрейской и ее сестрой Марией Петровной. Рейнвальд и Вепрейские были не только превосходные музыканты, но всесторонне образованные люди, интересовались литературой и изобразительным искусством. И как было приятно погружаться в атмосферу непринужденной беседы об искусстве в сопровождении музыки: Грига, Баха, Листа, Бетховена...

Интересно, что художник Валентин Контарев родился, когда в Абхазии побывал Антон Павлович Чехов – в 1888 году. О масштабе его личности, о многогранности его таланта можно судить еще и по тому, что он окончил школу живописи и ваяния в классе Валентина Серова, Московскую консерваторию по классу скрипки, а также прослушал курс лекций в медицинском институте.

Валентин Семенович приглашал к себе в гости и устраивал угощения. Думается, далеко не каждому придется мысль вместо скатерти использовать банановый лист. А вот у Валентина Семеновича такая идея возникла. Он брал кинжал, выходил во двор, одним махом срезал лист и затем стелил его на стол. И как-то особо экзотично смотрелись на нем блюда его собственного приготовления. Чаще всего это была различная дичь в зависимости от сезона. Валентин Семенович очень любил бывать на природе, и к тому же он был великолепным охотником.

Бывало, во время трапезы Валентин Семенович исчезал куда-то, а через некоторое время из коридорчика его крохотного жилища начинали доноситься звуки скрипки. Играли он произведения Грига и, конечно, «Гуляя казак за Дунаем». Все это создавало особую неповторимую атмосферу прекрасного, остроту чувства жизни.

С 12 лет Ольга Брендель-старшая начинает брать у Валентина Контарева уроки живописи. Но не основам живописи в первую очередь научил художник девочку. Он готовит рейки и на первом уроке показывает, как нужно собирать подрамник, как натягивать холст. Как часто впоследствии эти уроки спасали уже зрелого художника Ольгу Брендель!

«Что же я буду писать?» – думала она. И маэстро ставит букет цветов, красивый, пахнущий так, что аромат наполняет всю комнату. И сначала неуверенно, но потом все смелее кладет девочка мазок за мазком, а учитель в это время знакомит ее с теорией создания живописного произведения.

С первых же уроков между ними сложились дружеские отношения, художник очень полюбил Олеся и дал ей особое имя – Мамзель-Стрекозель.

Контарев по-прежнему ведет богемный образ жизни: у него в гостях постоянно много художников. Часто бывает у него Борис Петров. Немало у него друзей и среди врачей, в том числе хирург Варлам Шервашидзе. Хирург очень часто обращался к художнику с просьбой сделать зарисовки во время проводимых им операций. Эти материалы очень помогали Шервашидзе в последующей его работе. Ведь это были зарисовки не просто художника, а художника с медицинским образованием.

...Прогуливаясь в окрестностях Сухума, Валентин Контарев и Владимир Брендель приняли решение совместно построить здесь в Каштаке, на берегу моря дом, рядом с домом преподавателя английского языка Валентины Скультэ. Проект будущего дома попросили выполнить художника Бориса Петрова.

– Как можно познакомиться с творчеством Бориса Петрова по одному натюрморту «Орхидеи», который находится в картинной галерее Абхазии... Ведь он был великолепным живописцем! – с негодованием Ольга обращается ко мне. – На месте кинотеатра «Олимпия», помню, был открыт гастроном и весь фриз этого магазина был составлен из отдельных пейзажей: «Пейзаж с морем», «Цветущий персик», «Олеандры», а так же натюрмортов. А где эти работы сейчас?..

– Как закончил свою жизнь Валентин Контарев? – спрашиваю я Ольгу.

– Мама рассказывала о том, как в 1951 году его посадили в тюрьму, за анекдот про Берия, рассказанный в кругу соседей. Донес на него сосед-мегрел. Из тюрьмы он вернулся другим человеком. Теперь он был похож на векового дуба, высохшего наполовину. В последнее время художник часто лежал на тахте, у себя в мастерской. К этому времени он завел семь черных котов, которых никогда не выпускал из комнаты. При появлении посторонних, они шарахались в разные стороны. Когда он отдыхал, грудь была обнажена и на всем теле, от головы до ног, устраивались все семь черных котов. В таком положении он и умер... По-настоящему он любил только красавицу – Ариадну Сабанскую, преподавательницу математики, но она променяла Сухум на Новосибирск. В рассказе Фазиля Искандера «Морской скорпион» есть один персонаж: старик-художник с сумрачным лицом, по фамилии Сундарев. Это и есть Валентин Контарев.

Но вернемся в Сухум 1888 года, в гостиницу «Гранд-отель». Кстати, немного забегая вперед, скажу, что именно этот год был особенно богат именитыми гостями Абхазии. Достаточно вспомнить Царскую Августейшую чету, посетившую Новый Афон и мужской монастырь Симона Кананита, строительство которого было завершено в том же году, а так же, конечно, графиню Прасковью Сергеевну Уварову, которая при-

ехала на корабле и буквально исходила всю Абхазию. Однако, о ней мы поговорим в другом месте...

Антон Павлович взял в руки и перелистал лежащее на столе иллюстрированное приложение к газете «Кавказ». Внимание его привлек портрет сидящего мужчины в черкеске, с благородным лицом и красивой гривой волос на голове в кампании вокруг него стоящих своих сородичей. Если бы не кавказская черкеска, можно было бы вполне принять его за европейского аристократа. Фотографию сопровождала статья, в которой речь шла об «абхазском князе Михаиле (Алмахсите) Маршания, владельце села Джгерда с окрестностями, одного из представителей мощного княжеского клана горной Абхазии. Он в 1866 году вместе с родственником Адамуром пришел на помощь осажденному восставшими абхазами в Цебельдинской крепости Мрамба русскому гарнизону. За помощь князь получил офицерский чин и остался жить с семьей в Цебельде после выселения оттуда восставших его единоплеменников».

Но, поводом для газетной статьи стала другая история, связанная с князем.

Алмахсит Маршания, представлявший потомков происходивших от князя Тлапса Маршания, согласившись на встречу с кровным врагом семьи, князем Саатбеем Маршания, представлявшим потомков, происходивших от князя Учарди Маршания, которую организовал для примирения кровников из одного рода кутаисский генерал-губернатор, князь Г.Р. Эристов, во время примирительной речи губернатора выстрелом убил Саатбэя.

Автором другой публикации газеты – «Воспоминания кавказского офицера» был Федор Федорович Торнау, происходивший из курляндских баронов. Офицер-разведчик был заброшен на Кавказ в начале 30-х годов XIX столетия. В Абхазии он появился в 1825 году и первым делом нанес визит владельцу Михаилу Шервашидзе, сделав ему щедрые подарки. Около полугода пожив в

Абхазии, барон предпринял поход к северокавказским абазинам через горы и перевалы Главного Кавказского хребта, с целью установить приблизительное количество мужчин, способных носить оружие среди абхазских и абазинских племен. Спутником барона и предводителем этого небольшого отряда в этом сложном походе согласился известный дворянин Соломон Миканба из Анухвы. К тому времени пребывание барона в Абхазии стало небезопасным для него. Встречая его, горцы не спрашивали о цели его приезда в Абхазию. Но, заинтересовался его личностью Кац Маргания – первый сподвижник владетельного князя, генерал царской армии. «Ты – молодая лиса, а я – старый волк, не будем лукавить друг перед другом, – сказал ему однажды Кац, догадавшийся о его секретной миссии. – Лучше побереги свою голову, она нужна тебе для другого дела. Знаменитый абрек Багаркан-ипа Маршания поклялся поймать тебя и привезти в Цебельду живого или мертвого, если ты не перестанешь ездить по Абхазии. Он сказал, что позволит надеть на себя через плечо прялку вместо ружья, если не сдержит своего слова». Как-то Торнау случайно столкнулся с отчаянным абреком в лесу, но разведчик не растерявшиесь, поднял правую руку и приветствовал абрека по-абхазски, затем ловко спрыгнув с коня чесанул в заросли, воспользовавшись минутной заминкой врага. Багаркан-ипа, разрывая кинжалом колючки, бежал за ним но, в конце-концов потерял его из вида...

Антон Павлович с интересом прочитал отрывок сочинения барона Федора Торнау о том, как во время перехода через перевал, его спутники – абхазы убили последнего кавказского зубра. Чехову даже захотелось подняться в горы Кавказа и увидеть воочию картину, нарисованную бароном:

«Еще на горе нам был слышен шум водопада. Этот шум увеличивался по мере того, как мы спускались ниже, и когда я, достигнув глубины ущелья, оборотился назад, то

увидел одно из самых величественных зрелищ, встречавшихся мне в горах. Снежная кора, толщиною в двадцать саженей и более, покрывавшая покатость горы, кончалась отвесным обрывом, и из-под нее вырывался огромный ток воды, падавший с высоты пятидесяти саженей, дробился внизу о скалы, преграждавшие ему дорогу, разливался на множество отдельных потоков, прыгал через камни, раскиданные по теснине, и потом уже сливался в одну быструю струю, изливавшуюся змеею по широкому ущелью. Это был источник большого Зеленчуга, или Энджик-су.»

...Жара была нестерпимая. Завтра корабль отчалил от этого берега и он уедет навсегда из Абхазии. Антон Павлович взял ручку, подумал, и мысленно беседуя с Исааком Левитаном, написал в записной книжке: «Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Подлец я за то, что не умею рисовать...».

Это желание Чехова попытался осуществить другой писатель – Константин Георгиевич Паустовский. Судьба привела его в Абхазию в первый год после установления Советской власти, когда по всей России свирепствовали голод и революционный хаос, здесь был оазис счастливой и спокойной жизни, где не было ни голода, ни стона, ни плача. «Этот рай назывался Абхазией» – писал он, подтверждая этим то, что Абхазия для Россиипробрела такое же значение «святой земли», что Израиль для Запада. Кажется, судьба привела его в Сухум для того, чтобы уковечить хотя бы некоторые из тех «тысячи сюжетов», глядевших на Чехова «с каждого кустика, со всех теней и полутеней» в повести «Бросок на юг».

Рано утром, еще находясь в каюте корабля, стоявшего на рейде в Сухумской бухте, Константин Георгиевич уловил запахи цветов и растений, доносившихся с городских улиц: «С города наплывали терпкие запахи, сливаясь с чуть ощутимым шелковистым веянием роз. Запахи то сплетались в тугой клубок, сжимая воздух до

густоты сиропа, то расплетались на отдельные волокна, и тогда я улавливал дыхание азалий, лавров, эвкалиптов, олеандров, глициний...»

Как только Паустовский сошел с корабля на абхазский берег, он оказался в гуще захватывающих, драматичных событий, связанных с кровной местью, жертвой которого стал князь Чачба, который после долгой разлуки с Родиной приехал из Турции в свой родной Сухум. Не успел князь открыть дверь собственного дома на Сухумской горе, он был убит своим кровным врагом, князем Эмухвари, у порога собственного дома, на глазах у жены и маленького сына.

Константин Паустовский побывал в разных углах Абхазии: в Новом Афоне, где он вместе с Исааком Бабелем попробовал превосходное монастырское вино «Маджарка», от которого обостряются все чувства; в его память врезалось увиденное в селе Эшера – необыкновенно красивое лицо случайно убитого юноши; поднялся на озеро Амткел и провел неделю в горах, под душераздирающий вой шакалов.

Писатель присматривается внимательно к непривычной, удивительной жизни маленькой республики: например, председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба, увидев шагающего по пыльной улице князя Чачба-Шервашидзе, остановив свою машину, выходит к нему навстречу и, согласно абхазскому обычаю, целует почтенного старца в плечо.

Но, больше всего его поразило горное озеро Амткел: «Хрустальность (а может быть, вернее – кристальность) отражения в его воде было настолько совершенно, что отличить отражение берегов и гор от настоящих было невозможно.

Как бы два Кавказа существовали вокруг. Один вздымался к высокому небу, а другой уходил в сияющую бездну под нашими ногами. По дну этой бездны

медленно передвигались, как и по небу, одинаковые перистые облака.

Это было удивительное занятие: ловить рыбу в жидким сапфире и со странной жадностью насыщать свои глаза всем, что располагалось вокруг – от узора трещин на плоском камне до поплавка и связанных пучком сухих листьев клена. В момент клева листья складывались, как веер, и медленно погружались в воду.

Я убил до вечера. На камнях меня заставал закат. Однажды я невольно вскрикнул от неожиданности, когда поднял глаза от поплавка и вдруг увидел отражение солнца в ледниках, как бы обагренных кровью.

Я вскрикнул невольно и рассердился на себя за то, что не сдержался. Но, слишком огромен был дым облаков и слишком алмазен был блеск льдов на вершине Маруха.

Во время заката у подножия Главного хребта я видел одно из самых величественных зрелищ на земле – разлив такого цветового блеска, что казалось, на этой высоте над уровнем моря у наших глаз появляется дополнительное свойство: видеть гораздо больше красок, чем в глубине долин, в степях и на морских побережьях.

На шестой день у нас кончились продукты, и мы ушли с озера Амтхел-Азанда».

Сегодня жара была нестерпимая. Я взял полотенце, открыв калитку, вышел на пляж и окинул взглядом изгиб Сухумской бухты. Точно так же, летом 1888 года, Антон Павлович Чехов вышел из гостиницы «Ориенталь», собираясь искупаться в море, рядом с развалинами Сухумской крепости. Медленно входя в прохладную, спасительную, морскую воду, я оглянулся в сторону берега.

«Барометр страшно падает, муhi жужжат, лягушки заквакали... – донесся до меня голос Ольги с балкона. – Над Алеко – ай, ай, ай!» – тревожно смотрит она в сторону горы Чумкузба. Иногда Ольга вместо университета называет имя ректора, к которому она питает благоговейные чувства.

АЛЕКСАНДР ДЮМА, АБХАЗСКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ И МЕГРЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК

В середине 19 века Александр Дюма-отец, отправившийся в Россию, проезжает по Военно-грузинской дороге, описывая свои впечатления. В 1859 году в Париже выходит его трехтомник «Кавказ». За три месяца, проведенных на Кавказе, Дюма увидел и услышал многое и описал не только свои личные впечатления.

К сожалению Дюма не побывал в Абхазии, поскольку его маршрут проходил стороной, но все-таки некоторые упоминания о ней встречаются на страницах его путешествия. Приведу некоторые из них:

«Между Мегрелией и Абхазией расположена небольшая свободная страна, состоящая почти из двух тысяч семейств, называющаяся Самурзаканью. Там сохраняется во всей силе обычай кровной мести. Несколько лет назад местный князь – старик женился на молодой девушке. У него был сын почти одинаковых лет с его женой, который, подобно дон Карлосу, влюбился в свою мачеху; она тоже, как видно, была неравнодушна к нему. Старый князь, узнав об этом, отоспал жену к ее семейству. Такое оскорбление вызвало месть. Это случилось около трех лет назад. Старый князь, жена его и сын еще живы. Но тридцать четыре человека уже убиты с обеих сторон».

Дюма одной фразой описывает знаменитое Ингурское сражение 1855 года, в котором, как пишет Георгий Дзидзария, принимали участие немало абхазов, в числе которых был и мой предок, Дмитрий Хварцкий,

«знаток древностей Абжуйского участка», по свидетельству Константина Мачавариани. В этом же бою погиб первый абхазский этнограф Соломон Званба, которому прострелили голову. Но Дюма интересует лишь анекдот, приключившийся в самом конце:

«После Чолокского сражения, когда мегрельцы и русские под предводительством князя Андроникова разбили турок, победители бросились грабить лагерь пэши. Священнику, тоже участвовавшему в сражении, вздумалось принять участие и в грабеже. Он случайно попал в палатку казначея – здесь был сундук с ключом в замке. Батюшка отпер его: сундук был полон золота. К сожалению, он был слишком тяжел, чтобы святой отец мог унести его – его заметили бы все, а этого он опасался. И, запустив обе руки в золото, святой отец стал набивать им свои карманы. Пока прибыли солдаты, он успел уже набрать, наверное, тысяч двадцать франков.

– Идите, идите, друзья мои! – крикнул им священник. – Вот золото, берите его сколько вашей душе угодно, что до меня, я не ищу благ в этом мире. – И он прозрительно посмотрел на сундук, показывая всем своим видом, что намерен удалиться.

Столь редкое бескорыстие тронуло солдат до слез.

– Вот это да, – не удержались они. – Вот так славный священник!

Известно, что величайшая честь, какую только русский солдат может оказать любимому и уважаемому им человеку, состоит в том, что его качают на руках, и в мгновение ока солдаты подхватили попа. К великому их изумлению, произошло совершенно неожиданное явление: из карманов духовного лица настоящим дождем на солдат посыпалось золото. Поначалу солдаты подумали, что свершилось чудо, а потому удвоили свое рвение, но увидев, что поп перестал наделять их золотым дождем, быстро догадались, какого происхождения было это чудо».

С очевидным удовольствием Дюма передает и следующий эпизод:

«Когда умер последний Дадиани, каждый родственник и друг покойного должен был входить в церковь, поддерживаемый людьми с обеих сторон, будто бы от усталости сгибать колени, иступленно голосить, кричать, бить себя в грудь, рвать на себе платье – словом, разыгрывать целый спектакль. При этом случались забавные сценки. Например, сосед покойного, владетель Абхазии Михаил Шервашидзе, в качестве родственника считал себя обязанным разделить эту печаль – по крайне мере внешне. Поддерживаемый двумя людьми, он совершил традиционный в таких случаях обряд: кричал, плакал, стенал. Вдруг вблизи церкви послышались крики, более усердные, но другого рода: люди князя прибыли на лошадях, украденных у мегрелов, и те, узнав об этом, потребовали их назад. Княгиня велела им молчать на том основании, будто частные интересы должны умолкнуть перед великим несчастьем, постигшим страну».

Верный своему женолюбию, Дюма в конце своего путешествия заявляет, «что мегрельские женщины – особенно блондинки с черными глазами и брюнетки с голубыми – самые прекрасные творения на земном шаре». Возможно в числе этих блондинок с черными глазами и аристократической бледностью на лице были и абхазские женщины из рода Чачба-Шервашидзе, Ачба, Эмхаа, Маршан и Инал-Ипа, потому что Дадиани родились именно с этими княжескими родами Абхазии.

СВЕТ ГОРЫ ДЫДРЫПШ

Летом 1888 года графиня Прасковья Уварова путешествовала по Абхазии и посетила почти все святые и достопримечательные места, осмотрела древние храмы, как действующие, так и разрушенные.

«Я не сочла себя вправе, – пишет она в своей книге «Путевые заметки по Абхазии, Аджарии, Шевшетии и Посховскому участку», – не обратить внимание читателя как на архитектурные детали, так и на красоту ущелий, гор и потоков, которые вполне достойны служить прелестной рамкой этим остаткам древнего величия ... Возвышаются отроги Главного Кавказского хребта, в глубоких долинах которых находят начало те реки и речки, которые почти на каждом шагу впадают в море и, питая луга и нивы, обращают все эти пространства в благословенный край, которым мы к несчастию, до сих пор не умеем пользоваться».

Где-то в пределах Сочи, пробираясь по лесистой местности верхом на лошади, она встречает пешехода-охотника в бурке, башлыке и с ружьем – первое живое существо за время ее странствования.

«Грустные думы наводит на меня это безлюдье: права ли Россия, покорив этот чудный край и обезлютив его совершенно?! Уютно и тепло в этих ущельях, и понятно, что прежнее население: Натухайцы, Шапсуги, Абухи и Абадзехи с горем покидали свое насиженное гнездо. Нынешние поселенцы Армяне пришли из Малой Азии, и потому не похожи на Кавказских армян.

...Тихо и спокойно в этих ущельях, точно Тироль или Швейцария. Со всех сторон струятся ключи, и величественные буки, грабы и чинары, перевитые, полузадущенные итальянским плющем, *klemais* в полном цвету и диким виноградом, приковывают наши взгляды».

Абхазия сильно взволновала графиню: «...перед нами широкая, горная возвышенность, лесистая, зеленеющая, засаженная как лучший парк; волнами, уступами спускается она к морю; за ней высокие твердыни Кавказа, скалистая высокая стена, по которой падают водопады и играют лучи восходящего солнца».

– Приветствуя тебя, Кавказ! – восклицает она с палубы корабля.

Тонкая наблюдательность ее проявляется во всем. Например, осмотрев великолепный Пицундский храм VI века, она восторгается его совершенством, но не может удержаться и от подобного замечания: «Внутри все отштукатурено, выбелено и вычищено так, как умеют делать это только в нашей невежественной России».

О Драндском соборе она пишет: «Все подштукатурено и замазано так, что сердце сжимается. Не знаешь чего желать и что лучше – чтобы древности Кавказа оставались втуне, неизвестные ни для кого, заросшие и закрытые от глаз путешественников, или чтобы являлись радетели вроде Драндских и Афонских монахов, обративших драгоценный памятник старины не то в казенный госпиталь, не то в цирк. На запросы насчет перестроек, монахи отвечают сперва с уверенностью невежд, в скором времени конфузятся и не знают чем оправдаться. Первую реставрацию предпринял грузинский протоиерей Мачивариани, расписавший окна и заменивший северные и южные двери безобразнейшими итальянскими окнами. Афонские монахи докончили все остальное».

Созерцая роскошную природу Абхазии, графиня обращает внимание на мшистые, развесистые громад-

ные деревья, частью уже лежащие и гниющие среди зарождающейся поросли. Она пишет: «Не так ли исчезают и вымирают древние народы Кавказа, с их традициями, верованиями и сказаниями?»

Кажется иной раз, что она как бы сливается с природой: «Блеснуло море, туманное, далекое, неотделяющееся от горизонта... безбрежная, неведомая пучина, не то море, не то небо... и во всяком случае также недосыгаемая для нас, как и будущая загробная жизнь. Горы затянуты туманом... будто флером покрылись они, благодаря близости моря».

В характере абхаза она отмечает обманчивую медлительность: «...Обыкновенно кровь течет у него в жилах тихо и спокойно, не беспокоя, не волнуя его. Смотря на эти смуглые фигуры, сидящие около вас, или развалившихся в полнейшей апатии; видя их потом в движении, на лошади или в разговоре, с искрившимися глазами, приходишь к убеждению, что кажущаяся неподвижность их не есть *dolce fare niente* итальянцев, а скорей какое то небрежение ко всему мирскому, какая-то замкнутость, самопознание и сильное расположение к созерцательной жизни, что должно было, впрочем, неминуемо развиться в виду красоты края, его гор, лесов и тесных ущелий. В такой стране, при таких условиях, из таких людей должны были прежде всего выходить древние пустынники, столпники и подвижники».

Не ускользают от ее внимания и «красавцы мегрельцы в черных черкесках и белых башлыках», которые то и дело присоединяются к ней, указывая горные тропы и рассказывая местные предания. Графиня жалеет этих безземельных на родине мегрельцев и приветствует их массовое заселение Абхазии...

Поражает ужасная неосведомленность или предвзятость подавляющего большинства исследователей истории Абхазии. Графиня Уварова пишет: «Анакопия или Никопсия основана греками на реке Апсар или

Аспар, ныне Псыртсха. Византийцы построили здесь церковь во имя Симона Кананита; римляне – Нагорную крепость, генуезцы же – Приморскую крепость XIII века. С половины VII века Анакония сделалась резиденцией греческих архонтов, которые позднее, в 786 году сделались независимыми и приняли титул Абхазских царей».

Конечно, истребленный на Родине в XIX веке народ не мог иметь своих царей в VIII веке!

Самое неожиданное в этой истории – это то, что графиня поднялась на вершину горы Дыдрыпш, где никогда не ступала нога женщины.

П. Уварова старается вникнуть в суть верований абхазов и понять культ святой горы: «Здесь молятся неведомому Богу: достоинства и свойства которого никто не сумел более определить. Никто также не мог ответить на вопрос – остался ли обычай этот от языческих времен, или следует в нем видеть признак древнейшего христианского богослужения».

6 августа группа, в которую входили: начальник Гудаутского участка Карра-Мурза с братом-переводчиком, всадниками, князем Мурзаканом Ачба отправилась в Ачандару. Вечером путешественники переночевали в доме князя, который организовал для своих спутников целый пир.

«Луна взошла и осветила окрестность. Посреди двора разложили костер, вокруг которого расположились успевшие собраться к князю односельчане, между которыми оказались несколько лиц из высшего сословия. Слепец, брат князя (Жана Ачба – автор) пропел несколько героических поэм под звук местного трехструнного инструмента; ему вторили все присутствующие. Тихо, жалобно пел несчастный певец, но вдруг все встрепенулись, поднялись, голос певца раздался и сильнее, и бодрее – раздалась песня о прежних боях, прежней славе, прежних набегах. Удалили в ладоши и

вышло двое удальцов и протанцевали лезгинку... Танцевали все, многие с шашкой в руке, и чем-то дерзким, разбойническим отзывался танец этих вооруженных, чернобровых, чернооких жителей гор».

Рано утром, группа, верхом на лошадях, направилась к горе Дыдрыпш. Подъехав к подножью и спешившись здесь, все идут к священному грабу: абхазы, местные проводники, и даже проводник мегрелец крестятся, подходя к дереву. Среди сопровождающих находится и «старший представитель семьи Чичба, которому доверен присмотр за Дыдрыпшем и приведения к присяге у граба».

Графиня осматривает висевшие на ветвях векового дерева: «Древний железный шишак с золотой насечкой, секира с короткой ручкой, золотой насечкой и такою же арабской надписью и железный перегнутый, довольно толстый прут; у подножия дерева стоит старый ружейный ствол и несколько железных восточных чашек». (В советское время эти предметы были похищены какими-то «исследователями» из Тбилиси и их пособниками из местных жителей – автор).

Дальше священного граба никто из абхазов не решается подниматься. «И когда мы заявили желание идти далее, то проводники оставили нас с недовольными лицами, а может быть, и вовсе воспрепятствовали бы нашему восхождению, если не было бы с нами начальника их Кара-Мурзы, – пишет она, – остался при нас только один мегрелец, который, как местный человек не побоялся взять на себя греха восхождения. Следует, впрочем, прибавить, что он относился к абхазскому поверью о святости места с полным благоговением, рассказывал, что не раз видел, как молниеносный ангел пролетал с Дыдрыпша в Лдзаа и обратно...».

Этот мегрел рассказал Уваровой о турке, умершем после Дыдрыпша, «но это было наказание, посланное

ему за неверие, Он шел туда с насмешкой, с полной уверенностью, что ему все возможно, все дозволено».

После двух часов весьма затруднительного восхождения, группа дошла до вершины, и как выразилась П. Уварова, «не нашли ничего кроме каменного остатка здания, сложенного из дикаря и заваленного изнутри камнем и листвой.

Может быть, при раскопке что-нибудь и нашлось бы, но как предпринять раскопки в священном месте?»

Нужно сказать, что поход на вершину Дыдрыпша предпринимали и другие «исследователи», например, А. Пасхалов, записавший абхазское предание, рассказанное стариком Чичба, который, как указывалось, находился в числе его спутников при подъеме на гору Дыдрыпш. В ответ на вопрос Пасхалова о причине почитания этой горы Чичба привел следующее предание: «Во время оное раздавались тут выстрелы, и каждый раз, перед опасностью для абхазов, откуда выстрелы, кто стрелял, было неизвестно. В старое время нас часто беспокоили враги, иноплеменные и другие народы. Они появлялись тут полчищем, с целью перейти гору, завладеть нашей землей и заполнить нас самих, но святая гора не допускала их далее своей вершины.

На Дыдрыпше начиналась перестрелка без войска, т.е. без войска с нашей стороны, и враги каждый раз отступали, отраженные невидимой рукой. Иногда вершина горы покрывалась страшной темнотой, что служило признаком появления врагов. Однажды, когда враги собрались на вершине и отдыхали там под тенью одного большого дерева, то это дерево на другой день высохло совсем с корнем...» (А. Пасхалов. Дыдрыпш – святая гора в Абхазии. – Кавказ, 1874, № 141).

Из представителей дореволюционной абхазской интеллигенции, А. И. Чукбар посвятил статью абхазским святынищам. Приведем цитату:

«Аныха – божество, которое существует извечно. Не было времени, когда его не было», – как сказал один из абхазов. Лдзаа (Пицунда) – ее всегдашнее местопребывание: дубовая роща (от моря в верстах четырех). Она показывается в виде огненного, блестящего с головой и хвостом шара, отбрасывающего искры при полете. Направление полета всегда с юго-запада на северо-восток и обратно. Объясняют это так, что в это время Анан Лдзаа-ных сообщается с Аныпс-ных в селе Ачандара, который находится от Лдзаа в этом направлении. Оба эти божества, по представлениям абхазов неразрывны, составляют как бы одну семью. Есть древняя абхазская легенда о Лдзаа-ных.

Давно, когда еще море покрывало Лдзаа и священные дубы стояли у самого моря, и когда вблизи этих дубов в море впадала большая река, жил в Лдзаа добрый человек. У него был единственный сын, горячо им любимый. Как-то раз неожиданно мальчик этот исчез. Все поиски оказались безуспешными. Тогда народ обратился с мольбой к Анан Лдзаа-ных. Долго молились все. Наконец через два дня молений показалась Анан Лдзаа-ных в виде густого облака. Через минуту облако с шумом устремилось к морю. Превратившись по пути в огонь, оно исчезло, в морской пучине. Море тотчас с шумом отхлынуло, огромная река превратилась, в ручеек, и на берегу показался бездыханный труп сына доброго человека. Так, Анан Лдзаа-ных помогла доброму человеку найти тело сына. На открывшемся месте поселились люди. Уже потом были воздвигнуты храм Анан Лдзаа-ных и крепость. (По-видимому, тут подразумевается Пицундский храм с окружающей его стеной). Из слов абхаза, который рассказал мне это, я, мог заключить, что и Пицундский храм считают местом пребывания Анан Лдзаа-ных. К сожалению, я не имел возможности выяснить этот вопрос поточнее. В

настоящее время для Анан Лдзаа-ных имеется в Лдзаа небольшое деревянное помещение. Ключ от него у особого жреца. Там и происходят все празднества в честь Анан Лдзаа-ных.. Там же абхазы приносят так называемую очистительную присягу.

Как упоминалось выше, Анан Лдзаа-ных считается ближайшей покровительницей зачернореченской части Абхазии. Особенно, как нечто родное, близкое, ее считают жители Лдзаа. (Антон Чукбар. Журнал «Сотрудник Закавказской миссии», № 8-11, Сухум, 1915).

...Теперь, кажется, я понимаю, почему абхазы являются хранителями Семи Святынь-Аных. Благоговейно ограждая их, в то же время, они никогда не закрывали доступ любому человеку к ним, даже женщине, если она этого очень хотела, как мы видим в случае с графиней Уваровой. Может быть этот ее грех стал причиной того, что после Октябрьского переворота в России, она покинула Родину и где-то в Словении нашла место своего вечного упокоения, вдали не только от Абхазии, но и родной России.

Графиня Уварова пыталась вникнуть в суть абхазских религиозных верований. И сегодня, пока нет четко сформированного мнения по этому вопросу, хотя благоговейное отношение к Святыне и сегодня живет в народе. Именно это, так пронзительно ощутила путешественница.

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ УКРОТИТЕЛЬ СЛОВА

ПЛАТОН И ОХОТА С ЯСТРЕБОМ

Это было где-то в середине 80-х годов.

Однажды я встретил Фазиля Искандера около здания редакции республиканских газет. Было немного странно и необычно видеть его одного, потому что он всегда собирал вокруг себя многочисленных почитателей своего таланта. Я, конечно же, обрадовался, увидев его одного. Мне вначале показалось, что он ждет кого-то, но оказалось, что Фазиль ищет проводника, или, вернее, спутника, для поездки в какую-нибудь деревню, для беседы с укротителем ястребов.

Излишне, наверное, говорить здесь о том, что я тут же вызвался сопровождать его. Через некоторое время мы на легковой машине мчались в сторону села Звандрипши. Доехав до реки Хипста, наша машина свернула на проселочную дорогу. Вскоре мы оказались в моем дедовском доме. Тетя Женя быстро стала накрывать на стол, а я пошел за Платоном (так звали соседа, который славился как искусный мастер ловли и укрощения ястреба – этой красивой, гордой, хищной птицы). Кстати, ястреба нелегко дрессировать, тем более научить его ловить перепела.

Платон обрадовался узнав, что такой знаменитый писатель как Фазиль Искандер интересуется его искусством укротителя хищной птицы. Вскоре мы сидели за

столом, и между тостами Платон очень эмоционально рассказывал о хитросплетениях и тонкостях укрощения ястреба, о разновидностях этой гордой птицы. Фазиль ничего не записывал, но внимательно слушал знатока ястребиной охоты. А мне было особенно интересно, в качестве свидетеля уникальной беседы: ведь не так часто предоставляется возможность заглянуть в творческую мастерскую большого писателя, увидеть «кухню» создания будущего произведения.

— Между прочим, — заметил Платон, — один мегрел укротил вместо ястреба ворону.

— Как? — удивился Фазиль, — для чего он ее «укротил»?

— Просто так, для интереса, — ответил Платон, — я его не раз видел: идет по Золотому Берегу под палящим солнцем, смотрит в небо, ища свою ворону, зовет ее: «Кар-кар-кар!». Вдруг, откуда ни возьмись, ворона ле-тит к нему, садится на голову, и он идет по полю с вороной на голове...

Поздно вечером мы рас прощались с хозяевами, сели в машину и поехали обратно в Сухум. Фазиль сидел молча, погрузившись в размышления.

...В том же году, в журнале «Юность» был опубликован рассказ писателя «Чик на охоте». Прочитав рассказ, я вновь явственно ощутил атмосферу того чудного дня в Звандрипште, но меня поразило то, как Фазиль творчески переосмыслил услышанное и увиденное. Наряду с тонкими особенностями ястребиной охоты, в рассказе «Чик на охоте» писатель с присущим ему юмором обыграл и историю укрощения вороны. У вороны в рассказе появилась верная спутница жизни — ворониха, и, естественно, не обошлось без острой сюжетной драмы.

Так я оказался свидетелем, и отчасти участником создания нового произведения выдающегося писателя, в котором в очередной раз Фазиль Искандер проявил себя как непревзойденный «укротитель» слова.

В ГОСТЯХ У МАРГАРИТЫ ОРЕЛКИНОЙ

Я не согласна, он не укротитель слова, – сказала Маргарита Орелкина. Это было 6 марта, в день 80-летия Фазиля. Она сидела в привычной своей позе, поглаживая одну из своих кошек. За окном негромко рокотало море, участвую фоном и комментатором в нашей беседе. Я смотрел то на волны, то на ее лицо, чем-то напоминающее византийскую фреску, то на черную кошку Кляксу, которая сидела выше других на «капитанском мостице», уютно устроившись в открытой форточке окна, окидывая взглядом остальные шестнадцать, тоже сидевших в разных позах на своих местах, занимая как бы свои боевые позиции в ожидании ужина, одновременно чутко реагируя на малейшие движения строгой Маргариты, стараясь угадать момент, когда она, наконец, закончит разговор со мной и приступит к настоящему делу.

– Он не укрощает слово, слово изначально ему подчиняется, – продолжала она после паузы. И неожиданно воодушевившись, стала убеждать:

– Укрощение подразумевает какое-то сопротивление, противодействие. Этого у Фазиля совершенно не ощущается, он не подчиняет себе слово, слово ему послушно. Скорее Фазиль – неистощимый, неиссякаемый источник, он всего себя с безудержной щедростью отдает миру и еще больше обретает в себе. Он весь нараспашку, не утаивает ни крупицы, всех оделяя своей философской глубиной, неисчерпаемой добротой, особенным, необыкновенным юмором – без злости, едкости, сарказма. Этот юмор, какая-то бесконечно милая ирония сопут-

ствуют ему даже в самых трагических темах, таких как «Пиры Валтасара», в самых драматических ситуациях...

Я, немного оторопев от такого напористого выступления, вступился:

– А как быть с тем, что один очень «начитанный» абхазский писатель заявил, что не нашел в его творчестве ни одной экзистенциальной фразы?

– Пусть ищет эти фразы у Кьеркегора. Он не найдет их и у Достоевского...

Я упорно продолжал свою мысль:

– Мне кажется, что писатель, в творчестве которого присутствует чувство веры, должен каким-то образом укрощать себя, свои страсти, – я сам ощущал на себе последствия долгого общения со святоотеческой литературой.

– Фазиль не укрощает и себя – он всего себя раздает людям, все свое богатство, все свои страсти. И даже 80 лет не могут его укротить, – неожиданно завершила свою речь Маргарита и решительно встала, чтобы покормить кошек. При этом кошка, сидевшая у нее на коленях, ловко спрыгнула на пол.

Попрощавшись с хозяйкой райского уголка, я спустился со двора, прямо на пляж, и направился по берегу моря в сторону Келасурского моста.

Почему-то, в памяти всплыли строки из стихотворения Искандера «Христос»:

Христос предвидел, что предаст Иуда,
Но почему ж не свершил он Чуда?
Уча добру он допустил злодейство.
Чем объяснить печальное бездейство?

В Евангелии от Луки есть ответ: «...И знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка».

«Но, это не вера, Фазиль просто верен себе», – возможно, так прокомментировала бы Маргарита Орелкина этот стих.

Некоторое время я постоял на берегу реки, вглядываясь в бурный поток.

ПОЧЕМУ ТАК ТРУДНО ВЕРИТЬ В БОГА?

Л. Регельсон. И. Хвафцкий .«Земля Адама».

Сухум, 1997. Глава «Сотворение человека»

Среди создателей современной культуры было множество одаренных и благородных людей, которые отвергли как преступные внушения преисподних сил, так и лукавые нашептывания «князя, господствующего в воздухе», но при этом попали во власть скептического, недоверчивого настроения, замкнувшегося на материальном мире и на человеке с его приземленными текущими проблемами. При этом теряется из виду вся перспектива человеческого развития, картина жизни замыкается в узкий промежуток между рождением и смертью и никакие реальности духовного мира не принимаются всерьез. Одним из самых подходящих занятий при таком настроении становится ироническая критика Творца, хотя и «несуществующего», за нелогичность, непоследовательность и безрезультатность Его планов и действий. Нелепость бытия служит, таким образом, доказательством того, что никого Творца нет; при этом автор критики неосознанно подразумевает, что на месте Творца он бы все сделал лучше – нам, однако, неизвестен ни один случай, когда эта мысль была бы продумана всерьез и до конца.

Поскольку наша книга посвящена «земле Адама», то нам кажется уместным привести здесь некоторые размышления одного из лучших сынов этой земли, впавшего однажды в подобное настроение и со свойственным ему тонким психологизмом посвятившего в него своих читателей. С этой целью приведем доста-

точно обширную выдержку из всемирно известного романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема»:

«В этот еще свежий зной, в этот тихий однообразный шелест папоротников словно так и видишь Творца, который сформировал эту Землю с ее упрощенной растительностью и таким же упрощенным и потому, в конце концов, ошибочным представлением о конечной судьбе ее будущих обитателей, так и видишь Творца, который пробирается по таким же папоротникам вон к тому зеленому холму, с которого он, надо полагать, надеется спланировать в мировое пространство.

Но есть что-то странное в походке Творца, да и к холму этому он почему-то не прямо срезает, а как-то по касательной движется: то ли к холму, то ли мимо проходит...

А-а, доходит до нас, это он пытается обмануть называющую за его спиной догадку о его бегстве, боится, что вот-вот за его спиной прорвется вопль оставленного мира, недоработанного замысла:

– Как?! И это все?

– Да нет, я еще пока не ухожу, – как бы говорит на всякий случай его походка, – я еще внесу немало усовершенствований...

И вот он идет, улыбаясь рассеянной улыбкой неудачника, и крылья его вяло волочатся за его спиной. Кстати, рассеянная улыбка неудачника призвана именно рассеять у окружающих впечатление о его неудачах. Она, эта улыбка, говорит: «А стоит ли так пристально присматриваться к моим неудачам? Давайте рассеем их на протяжении всей моей жизни в виде цепочки островов с общепринятыми масштабами: на 1000 подлецов один человек»...

Творец наш идет себе, улыбаясь рассеянной улыбкой неудачника, крылья его вяло волочатся за спиной, словно поглаживая кучерявые вершины папоротниковых кустов, которые, сбросив с себя эти вяло проволочившие-

ся крылья, каждый раз сердито распрямляются. Кстати, вот также вот в будущем, через каких-нибудь миллионы лет, детская головенка будет сбрасывать руку родителя, собирающегося в кабак и по этому поводу рефлексирующего и с чувством тайной вины треплющего по голове своего малыша, одновременно выбирая удобный миг, чтобы улизнуть из дома, и она, эта детская головенка, понимая, что тут уже ничего не поможет, отец все равно уйдет, сердито стряхивает его руку: «Ну иди!»

Но все это детали далекого будущего, и Творец наш, естественно, не подозревая обо всем этом, движется к своему холму все той же уклончивой походкой. Но теперь в его замедленной уклончивости мы замечаем не только желание скрыть свое дезертирство (первое в мире), но отчасти в его походке сквозит и трогательная человеческая надежда: а вдруг еще что-нибудь успеет, придумает, покамест добредет до своего холма.

Но ничего не придумывается, да и не может придуматься, потому что дело сделано, Земля заверчена, и каждый миг ее существования бесконечно осложнит бы его расчеты, потому что каждый миг порождает новое соотношение вещей и каждая конечная картина никогда не будет конечной картиной, потому что даже мгновенья, которое уйдет на ее осознание, будет достаточно, чтобы последние сведения стали предпоследними... Ведь не скажешь жизни, истории и еще чему-то там, что мчится, омывая нас и смывая с нас все: надежды, мысли, а потом и самую плоть до самого скелета, – ведь не скажешь всему этому: «Стой! Куда прешь?! Земля закрыта на переучет идей!»

Вот почему он уходит к своему холму такой неуверенной, такой интеллигентной походкой, и на всей его фигуре печать самых худших предчувствий (будущих, конечно), стыдливо сбалансированная еще более будущей русской надеждой: Авось как-нибудь обойдетсya... (Фазиль Искандер, стр. 406-408.)

Велика, все-таки, сила художника!

Пока трудолюбивая мысль связывает концы с концами, да еще проверяет на прочность каждую нитку, или строит здание, тщательно подгоняя один камень к другому, легкокрылая эмоция, мимолетный образ, нисколько не заботясь о скучной логике, выпархивает из головы художника и так же беззаботно поселяется в сердце читателя или зрителя. И вот так, на скорую руку свитое в сердце гнездо оказывается порой более живучим и долговечным, чем тяжеловесные построения разума. Грустно вздохнув о нашей неспособности состязаться с Мастером на его же поле, прибегнем все к той же логике, которая хотя и не в чести в повседневной жизни, но без которой, что ни говори, ни дом не построишь, ни детей не воспитаешь, ни книжку не напишешь.

И первое, что нас удивляет в рассуждениях столь дорогого нам человека: предъявляя претензии к Творцу по поводу папоротников, он почему-то забывает, что главным делом и главной заботой Творца служат вовсе не папоротники, а сам Фазиль Искандер с тончайшими движениями его души, с его жизненной драмой, с его мучительными усилиями выбраться из тупика скептических мыслей. И вот тут мы никак не можем согласиться с уважаемым Фазилем, что Творец оказался неудачником; Бог с ними, с папоротниками, но один такой успех оказывается важнее целых зарослей даже и вполне удачной, совсем неоднообразной и очень сложной растительности. А то, что на тысячу подлецов один человек, то это, во-первых, не так уж мало, а во-вторых, каждый подлец тоже немножко человек, а для кого-то близкого совсем даже и не плохой человек! Здесь так и просится на язык, что каждый честный человек, хоть иногда, хоть раз в жизни, но бывает немножко подлецом – даже вот и святейший апостол Петр. Ну представим себе, что на тысячу честнейших людей приходился бы только один подлец – да его на-

расхват приглашали бы на все застолья как драгоценную диковинку. А если бы вообще все люди оказались идеальными, честнейшими и совершенными с самого начала! Впрочем, с какого начала? С начала нашей эры или с каменного века? Со школьной скамьи или с первых слов, или со дня появления на свет? Или, может быть, с того сокровенного момента, когда две родительские клетки образовали таинственную завязь, из которой потом непостижимым образом вырастают писатели и их критики? Если мы представим себе, что все было создано идеальным и законченным с самого начала, то не понадобилось бы никакой истории, никакой борьбы, никакого томления по недостижимому пока совершенству. Но само это томление откуда-то взялось же в нас, столь несовершенных и ограниченных, с больным телом и страдающей душой.

И если бы апостол Петр никогда не предавал Учителя, то разве чем-то не обеднела его вечная душа, если бы из нее ушла память о драгоценном, хоть и горьком, миге раскаяния. Наш непревзойденный оппонент, конечно, не упустит нашу оплошность и скажет: Ага, и вы вступили в мир русских пословиц: не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься! На это мы ответим, что вовсе не оправдываем ни предательства, ни любой другой грех, но мы оправдываем Творца (это оправдание нужно не столько Ему, сколько нам), Который сотворил человека, способного грешить или не грешить, способного быть подлецом или быть честным, способного исправлять свои ошибки или продолжать доказывать правоту своей неправды.

Нам, конечно, трудно посмотреть на мир глазами Творца и хоть немного вникнуть в Его проблемы, которые мы для Него с такой щедростью создаем. Но у нас все же есть дети, которые столь же неутомимо создают для нас проблемы, как мы для своего Творца. И положа руку на сердце, скажем: неужели мы были бы счастливы,

если бы наши дети всегда, без малейшего исключения были правильными и безупречными и всегда хотели бы и делали только то, что хотим и ждем от них мы? С другой стороны, хорошо ли было бы для наших детей, если бы мы немедленно исполняли всякое их желание? Тогда из них выросли бы не только подлецы, но люди, не способные вообще ни к чему стремиться и ничего исправлять. И если малыш сердится на отца за то, что тот уходит в кабак, то ведь он точно так же сердится, когда отец запирается в кабинете, чтобы писать книжку, или уходит в Союз писателей, чтобы эту книжку обсуждать.

Надо признать, что наш оппонент все-таки делает попытку войти в заботы Творца, но делает это, на наш взгляд, не очень удачно. По его мнению, Творец не в состоянии справиться с гераклитовой проблемой: какая может быть истина и как внести в жизнь что-то разумное, если все течет, все изменяется и нельзя дважды вступить в одну и ту же реку? Конечно, мы могли бы уйти от ответа, сказав: если мы чего-то не понимаем, то это еще не значит, что это невозможно. В конце концов Творец, создавший само время с его прошлым, настоящим и будущим, как-нибудь справится с этой проблемой, тем более что для своего времени не плохо с ней справился и Гераклит. Если Бог и создал камень, который Он Сам не в состоянии поднять – то это – человек, особенно такой мудрый как Искандер: надеемся, впрочем, что и этот камень Он поднимет и сумеет разобраться даже со всеми нами. Но мы с нашим собеседником Фазилем уже не в том возрасте, чтобы удовлетворяться такими, хотя и справедливыми, сен-тенциями, указывающими на нашу ограниченность. Так вот, даже и в нашей ограниченности будет неверно утверждать, что прошлое – это то, чего уже нет, а будущее – это то, чего еще нет. На самом деле, прошлое для нас отчасти тоже есть – благодаря чудесному дару памяти; будущее тоже отчасти есть сейчас – благо-

даря способности предвидения. Так что даже мы отчасти способны оценивать прошлое, исправлять настоящее и разумно планировать будущее: конечно, у нас, в отличие от Бога, все «отчасти».

Кстати, возникает впечатление, что многоопытный Мастер на этот раз ошибся и Творца с кем-то перепутал. Если мы рассмотрим основные библейские образы Бога, то ни в одном из них не найдем, например, крыльев. Может быть, уроженец Чегема, погружаясь мистической памятью и художественным воображением в далекое прошлое своих родных эдемских холмов, увидел не Творца, но одного из тех ангелов, которые упорно занимаются не своим делом и поэтому действительно оказываются хроническими неудачниками. Меткое указание художника на «неуверенность и интеллигентную походку» позволяет думать, что он принял за Творца того ангела – скептика, который с самого начала был недоволен самой идеей сотворения человека и все время пытается переделать мир по-своему, «лучше и справедливее», чем это сделал настоящий Творец. Мы о нем достаточно подробно говорили в первой главе этой книги. Конечно, каждый волен выбирать себе друзей, но нам все же кажется, что это не совсем подходящая компания для Искандера, с его подлинно адамитской творческой мощью, с его реализмом и человечностью, с его чуткой совестью и кровной привязанностью к родной земле.

И нам, более чем кому-либо, понятно благородное нетерпение Фазиля, который не хочет мириться с болезненным состоянием мира, в котором все еще господствует смерть, «смывая с нас все: надежды, мысли и самую плоть до самого скелета». Если это действительно так и если нет бессмертия души и воскресения тела, если мир не идет к тому, чтобы стать Божиим царством, то мы поневоле присоединились бы к столь горькой оценке Фазиля о неудаче творения. Как говорил еще

апостол Павел, «если мы только в этой жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1Кор. 15:19). Добавим от себя: сколь же несчастен человек, который не надеется на Христа даже в этой жизни. И сколь же велика адамитская сила духа, разбуженная в человеке Творцом, если даже при таком безнадежно-унылом состоянии ума он сохраняет в себе лучшие человеческие стремления и чувства, с такой щедростью излитые на весь мир в бессмертных творениях Фазиля Исакандера: «Стоянка Человека», «Созвездие Козлотура», «Сандро из Чегема». Но за нежеланием поверить в Творца нередко скрывается какая-то глубокая и за taенная личная обида, чем-то оскорблена гордость. Каждый из нас порой накапливает подобные обиды и затем предъявляет за них высший счет обществу, миру, бытию в целом или даже Самому Богу.

Завершая наше несколько затянувшееся отступление, скажем несколько слов и в защиту не совсем спра-ведливо задетого папоротника. Во-первых, это один из самых ранних опытов Творца, одно из самых древнейших растений, современник молодого и совсем не-зрелого мира, в котором еще даже не было динозавров. Как один из первых набросков, он, может быть, не так уж и плох: дивные каштаны и кедры появятся позже, но ведь не все сразу и не будь в свое время папоротника, не появилось бы и все последующее.

Наконец, когда Фазиль в окружении друзей будет по-тягивать из хрустального бокала молодое красное вино «амачар», мы позволим себе почтительно напомнить ему, что это вино процежено через все тот же скромный непритязательный папоротник.

С сожалением завершая наш заочный спор со столь благородным оппонентом, мы вынуждены перейти к оппонентам менее благородным, ибо все резче и на-стойчивей звучит их назойливый, хриплый голос.

Если для людей с пантеистическим мировосприятием идея творения непонятна, то для пророков «Абсолютной Революции» эта идея глубоко ненавистна. Уже упоминавшийся А. Г. Дутин от имени всей своей традиции бросает открытый вызов:

«Идеология Творец-Творение или креационизм во всех своих формах и вариациях всегда противоположна гностическому подходу «полярно-райской» идеологии, которой тематика Творения или несовпадение Творца и Твари вообще чужда. Собственно, между этими двумя типами мировоззрения и проходит основная линия идеологической борьбы в истории... Как предельная форма антиклерикализм гнозиса и концепция Злого Творца, Злого Демиурга. Концепция Злого Демиурга основывается на том, что, если факт разделения на Творца и Творение по тем или иным причинам нельзя более не признавать, от этого ни Творец, ни Творение не становятся духовно позитивными, а значит, и сам этот Творец никто иной, как Злостный Узурпатор, а Творение ничто иное, как злая, временная иллюзия, завеса над Раем» (А. Дутин, стр. 88–89).

Носители «полярно-райской» (в нашем понимании – антихристовой) идеологии объявляют, таким образом, беспощадную войну верующим сыном Адама – за то, что они продолжают верить в Бога, Который Адама сотворил.

САБЛЯ ГАСАНБЕЯ

Утром 26 сентября 2006 года датский корабль «Эсберн Снаре», на борту которого был гроб с прахом императрицы Марии Федоровны, прибыл в порт Кронштадта.

В Исаакиевском соборе Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II на церемонии перезахоронения императрицы Марии Федоровны отслужил панихиду.

«Дочь Датского королевского дома и верная супруга российского императора, пройдя через горнило испытаний, потеряв сыновей и внуков, оказавшись за пределами России Мария Федоровна не утратила любви к русскому народу» – сказал Алексий II.

Из Исаакиевского собора траурный кортеж направился в Петропавловскую крепость. В Соборе – усыпальнице российских императоров, императрицу Марию Федоровну с почестями похоронили рядом с мужем, императором Александром III.

Принцесса Мария София Фредерика Дагмар (будущая Императрица Мария Федоровна) родилась в 1847 году в Копенгагене в семье будущего короля Кристиана IX.

В 1866 году принцесса Дагмар вышла замуж за наследника Российского императорского престола Александра Александровича, который с 1881 года до своей смерти в 1894 году правил страной под именем императора Александра III. В связи с замужеством принцесса Дагмар приняла православие и взяла себе имя Мария

Федоровна. У нее родились шестеро детей, в том числе – будущий император Николай II.

Императрица Мария Федоровна на протяжении всей своей жизни активно занималась благотворительной деятельностью и внесла значительный вклад в совершенствование системы образования в России. В годы Первой мировой войны Мария Федоровна вела большую работу на посту главы Российского общества Красного Креста.

Мария Федоровна провела в России более 50 лет, пережила Первую мировую войну и революцию, ставшую жизнью двум ее сыновьям и пяти внукам.

26 марта 1918 года императрица похоронила супруга – князя Георгия Дмитриевича Шервашидзе в склепе Айтодорской церкви в Ялте. Мы не оговорились, императрица была связана с князем морганатическим браком. Князь скончался после перенесенного ареста в Ялте, пережив всего на один месяц троюродного брата Георгия Михайловича – последнего светлейшего князя Абхазии.

По указанию Петроградского Совета уже в апреле 1917 года в Ялту приезжает следственная комиссия для произведения обысков среди арестованных, включая и императрицу-мать Марию Федоровну.

11 апреля 1919 года императрица Мария Федоровна на борту британского дредноута «Мальборо» покинула Россию.

Через 88 лет прах ее вернется в Россию на корабле, но душа ее навечно осталась с князем Шервашидзе.

Полностью стереть факт настоящих взаимоотношений абхазского князя и императрицы не удалось, поэтому возникла иная версия: «На основании фальшивых «дневников» фрейлины Анны Воробовой, опубликованных Алексеем Толстым в 20-х годах имеется утверждение, что будучи при особе вдовствующей императрицы, Георгий Дмитриевич вступил с ней в брак, но данный факт не подтверждается другими документами» (Ю. Чиковани. Род абхазских князей Шервашидзе).

В то лето, 1888 года, царская семья отдыхала в Крыму, в своем Ливадийском имении, когда настоятель, вновь построенного по повелению Александра III монастыря апостола Симона Кананита в Новом Афоне, пригласил Августейшую царскую семью почтить обитель своим посещением.

24 сентября 1888 года корабль под императорским штандартом бросил якорь в двух километрах от берега в Новом Афоне. Торжественную встречу царской семьи на берегу возглавил Тифлисский генерал-губернатор Георгий Дмитриевич Шервашидзе.

Два дня провела в Новом Афоне императорская семья, наслаждаясь роскошной природой Абхазии, великолепным прудом с лебедями, искусственным водопадом, любуясь величественным храмом, беседовала с теми, кто обустраивал монастырь.

Сорокалетний князь Шервашидзе привлек внимание императрицы приятной внешностью (в особенностях ее поразили его темно-зеленые глазища, которые испускали невидимые искры) и умением расположить к себе. Потом были годы переписки и редких встреч между ними, после смерти Александра III. Обоих объединяли проблемы образования в империи, благотворительная деятельность, помочь малоимущему населению, а также страсть к редким книгам.

В 1905 году Георгий Дмитриевич получил должность заведующего канцелярией императрицы и чин обер-гофмейстера. Граф С. Ю. Витте называл его своим «большим приятелем» и пишет о случаях, когда князь оказывал помочь ему и многим видным государственным деятелям в переговорах с императрицей и лицами царского окружения по вопросам, касающимся экономических, политических, финансовых и других прогрессивных преобразований России.

В 1907 году они поженились. Часть наиболее редких книг петербургского собрания он перевез в Гатчину, разместив их на антресолях Арсенального каре дворца,

рядом с половиной Марии Федоровны. «Интересно отметить, что в том же году 28 апреля Николаем II была снята «виновность» с абхазского населения, что, возможно, было следствием заключения этого супружеского союза» (Ш. Инал-Ипа. Антропонимия абхазов.)

К отречению Николая II Георгий Дмитриевич отнесся крайне отрицательно. Из Крыма он телеграфировал некоторым лицам из ближайшего окружения царя: «Как вы могли допустить это!» Он был одним из тех немногих, кто мог реально помешать отречению императора от власти. Но, в это время он был в Крыму...

Существует мнение известного абхазского ученого Ш. Инал-Ипа: «Несмотря на то, что брак был морганатическим, т.е. без права престолонаследия, после отречения Николая II, его мать с дворцовыми окружением предпринимала попытки возведения на престол сына Георгия Дмитриевича – Дмитрия Георгиевича, но вихрь революционных событий все смел». (Ш. Д. Инал-Ипа. Антропонимия абхазов).

Принцесса Дагмар, вдовствующая Императрица Мария Федоровна, скончалась 13 октября 1928 года и была похоронена в усыпальнице Датских королей – Роскильдском Соборе.

* * *

Когда Георгию Дмитриевичу было два года, его мать умерла, и он был отдан на воспитание супруге Кутаисского генерал-губернатора Н. П. Колюбакина, известной детской писательнице Александре Крижановской. Отец Георгия – Дмитрий, ротмистр лейб-гвардии казачьего полка, был начальником отдела Сухумского округа, когда началась Крымская война. На предложение турецкого главнокомандующего Омер-паши к Шервашидзе перейти на его сторону Дмитрий Хасанович ответил отказом. За это имение князя было разорено турками при отступлении.

В 1856 году Н. Н. Муравьев писал графу Орлову: «Покинув вместе с нашими войсками Абхазию, престарелую мать и имение, полковник кн. Шервашидзе до самого окончания войны не переставал сражаться с врагом в наших рядах».

В 1858 году, в то время, когда маленький Георгий учился в Петербургском пансионате, его отец был отправлен. Через некоторое время Александра Александровна Калюбакина вместе с Георгием, для завершения его воспитания, едет в Париж, а в 1869 году Шервашидзе успешно оканчивает Московский университет и направляется в Тифлис, там он становится чиновником особых поручений при начальнике Главного управления Кавказского наместничества в 1874 году.

Через пятнадцать лет, будучи Тифлисским генерал-губернатором, князь Шервашидзе встречает царскую семью в Новом Афоне...

Георгий Дмитриевич был внуком Гасанбея Шервашидзе, «человека с железным характером», по определению В. Потто. После смерти своего брата по отцу Сафарбея (Георгия) он должен был стать владельцем, но генералы Ермолов и Вельяминов предпочли Михаила (Ахмудбея), сына Сафарбея, которому в ту пору было 16 лет. Желая усилить влияние своего сына, мать Михаила, Тамара Дадиани, (тетка правителя Мегрелии Левана Дадиани), пользуясь своей близостью к русской администрации, добилась высылки из Абхазии Гасанбея в 1821 году. Сухумский комендант пригласил Гасанбея в крепость под предлогом беседы, и когда удалой князь вошел в его дом, на него набросилась толпа солдат, свалила его на пол, сорвала с него оружие и связала веревками. Свита князя, стоявшая во дворе, услышав шум, бросилась к нему на помощь с обнаженными шашками, но встретившие их солдаты, заколов штыками двух абхазов, остальных разоружили. Князь был выслан в Сибирь на шесть лет.

Вероломный захват Гасанбея вызвал массовое волнение в Абхазии, спровоцировав всенародное движение, которое возглавил Асланбей. После шестилетней ссылки, по ходатайству графа Паскевича, он был возвращен на родину. Учитывая популярность Гасанбея в народе, владетель Михаил предложил ему стать владельцем вместо себя, но Гасанбей отказался, понимая суть этого притворного предложения. Торжественно, при народе он отказался от всяких прав на владчество, но потребовал вернуть ему конфискованную саблю и закрепленный за ним удел – центральную часть Абхазии. Михаил вынужден был согласиться с требованием своего дяди.

Всю свою жизнь Гасанбей поддерживал владетеля Михаила, оказав ему и России большие услуги, особенно в 1830 году, когда вся Абхазия готова была стать под знамя злейшего врага России – Асланбея. Гасанбей своим влиянием сумел удержать абхазов от восстания в течение нескольких месяцев, пока русские не получили подкрепление. В 1837 году князь Гасанбей был отправлен эшерским крестьянином по имени Хакуц, не без помощи Михаила...

Саблю ему так и не вернули, несмотря на повеление самого Российского императора, к которому Гасанбей обратился с письмом. Великолепно инкрустированная, не раз выручавшая удалого князя в боях, старинная сабля, полученная им от своего знаменитого отца Келешбека в наследство, исчезла бесследно. Но, по воле Божьей, внук его удостоится руки вдовствующей русской императрицы. Он будет десять лет на вершине власти над Российской империей и умрет одновременно вместе с ней в 1918 году.

Перенесут ли прах Георгия Дмитриевича Шервадидзе из Крыма в Абхазию, пока неизвестно...

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Георгий Аниховский, реставратор старинной живописи, каждый год приезжает к нам в Сухум с 1954 года, и всегда в конце сентября, в «бархатный сезон». За это время он изъездил всю Абхазию, в особенности нашу столицу, однажды даже спустился в мрачную пещеру «рыжего хироманта», что находится на одном из склонов горы Трапеция, недалеко от города. Даже старажилы Сухума сильно удивились бы, узнав, сколько интересных подробностей и историй из жизни сухумчан хранит в своей памяти Георгий Николаевич.

В последние годы он приезжает к нам (конечно, в сентябре!) со своей молодой женой Софьей, которая до замужества предпочитала ездить на отдых только в Сочи, но вскоре согласилась с мужем, что полноценно можно отдохнуть только в Сухуме, да и солянку понастоящему могут приготовить только у нас. Теперь, каждый год они снимают квартиру в Синопе и проводят время, гуляя по городу или загорая на пляже.

В конце отпуска нанимают машину, чтобы с друзьями посетить никогда не надоедающее озеро Рица, что дает им заряд бодрости на целый год. Перед отправлением в горы, Софья на рынке покупает продукты, вечером варит мясо, нарезает огурцы и помидоры и всякую зелень, упаковывает в целлофановый пакетик, чтобы не спеша перекусить в любимом месте отдыха с привалом – на красивой возвышенности, у слияния Бзыби и Юпшары.

– Жо-о-ор, почему ты выбрал именно Сухум местом постоянного своего отдыха? – своим певучим голосом часто спрашивает она мужа.

– Да потому, что меня здесь всегда принимали за своего! – неизменно отвечает он всегда, намекая на свою внешность. В самом деле внешне он похож на кавказца, он, можно сказать, вылитый грузин, или даже мегрел: лысый, усатый, носатый, с цепким взглядом и лукавой улыбкой на губах, при этом предпочитающий говорить мало и по существу. Был такой случай. Как-то Георгий Николаевич, на второй или на третий год после грузино-абхазской войны, как обычно, приехал в Сухум на отдых и вечером гуляя по Синопскому пляжу. Какой-то мужчина, шедший навстречу, внимательно всматриваясь в лицо, поздоровался с ним по-грузински:

– Гамарджоба!

– Гамарджоба! – ответил Георгий Николаевич, кивнув головой в его сторону, и спокойно прошел мимо, думая, конечно, что человек шутит, но не тут-то было! С криком: «Ах, ты, грузинская морда, спокойно гуляешь здесь!» – мужчина погнался за ним. Георгий Николаевич, конечно, еле унес ноги. Можно вспомнить и другие смешные, даже и совсем не смешные истории, в которые попадал Георгий Николаевич, но о них, конечно, пока не будем говорить. Но, не упомянуть о том, как он стал писателем, вернее, как он им не стал, на-верно невозможно, хотя к Сухуму это не имеет никакого отношения. В сущности, как писатель он сформировался находясь в заключении. Семь лет тюрьмы было достаточно, чтобы изучить жизнь изнутри. Почему-то он был уверен, что московские литературные журналы с радостью возьмут его повести и рассказы, прочтут их с жадностью и немедленно напечатают. Выйдя из тюрьмы он, конечно, понес свои рукописи в редакцию одного из толстых журналов. Через месяц рукописи вернули, сказав, что проза интересная, но для журнала

не подходит. Сотрудница отдела, как бы между прочим, заметила, что не встретила ни одной экзистенциальной фразы в его прозе.

– Ищите их у Хайдеггера! – сказал Георгий Николаевич и забрал свою папку. Больше он не обращался в редакции журналов, но продолжает писать прозу в свободное от работы время.

...Сейчас мы сидим с Аниховскими за столиком в кафе «Пингвин», под развесистым гималайским кедром. Уже три дня как они приехали, но встретился я с ними только сегодня. За чашечкой кофе по-турецки, мы поговорили о политической ситуации в Абхазии после выборов президента, прошедшие недавно, посмеялись, вспоминая наших общих друзей, но, когда к нам присоединился проходивший мимо нас по набережному инок Николай, мой давний приятель, наша беседа плавно ушла в духовную плоскость, тем более, что инок Николай, с бледным лицом, густой бородой и длинными усами, застенчиво опущенными черными выразительными глазами вызвал несомненный интерес у моих спутников. Лет десять тому назад он приехал в Абхазию, и решив остаться здесь навсегда, сжег свой паспорт, и на этом огне даже сварил себе кофе в лесу, в Верхнем Келасуре. Может быть здесь проявился промысел Божий, потому, что паспорт у него был украинский, а сам Николай – русский. Дело в том, что отец Николая был военнослужащим Советской армии, и после распада СССР решил остаться жить с семьей в украинском городе Черкассы. Этого Николай долго не мог простить отцу. Сейчас, когда отца уже нет в живых, одна мать осталась на Украине и не может выехать в Россию из-за кровавых событий, а дед, глубокий старик, живет в Вольске, под Саратовым. Николай хочет поехать к нему и сделать себе российское гражданство, но отсутствие паспорта пока не дает возможности пересечь российско-абхазскую границу, а Посольство России в Абхазии бессильно по-

мочь ему в этом вопросе, потому, что он не гражданин России, хотя и русский.

Я рассказал один случай, который произошел с Николаем. Это было несколько лет тому назад. После праздника Пасхи Николай поднялся в горы, к монахам-пустынникам, в Азанту. До монашеских скитов оставалось еще километров пять. Николай даже не чувствовал тяжесть огромного рюкзака за спиной, абхазская чача и вино «Изабелла», принятые на трапезе, после праздника, придавали дополнительные силы; в голове его звучала церковная песня: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!» Шагал он по лесной тропе бодро, но вдруг, в пяти метрах от себя инок увидел медведя, пившего воду из горного ручья. Николай не знал что делать, но неожиданно воскликнул:

– Христос Воскрес!

Медведь вскочил на задние лапы, ударил себя по голове передними лапами, громко вскрикнув: «Вах!» убежал в заросли.

...Тем временем разговор завязался вокруг заповеди Иисуса Христа: «Возлюби врага своего». Инок Николай говорил о том, что любовь должна быть жертвенна, ибо как говорил апостол Павел, «если мы любим тех, кто любит нас, то какая в этом польза?» Но вдруг Николай удивил даже меня, когда в качестве доказательства истинности слов Иисуса Христа, привел достаточно известную абхазскую историю о том, как один старик простил убийцу своего единственного сына. Старик не только простил убийцу, но даже помог ему! Драматизм этой истории заключался в том, что на какой-то свадьбе, совершив убийство во время возникшей ссоры, некий абазин из Северного Кавказа, убегая от преследователей, случайно забежал во двор своей жертвы. Хозяин, отец убитого им юноши, спрятал гостя на чердаке своего дома, не зная, конечно, кому он помогает. Узнав правду, отец не выдал преследова-

телям убийцу своего сына, храня святой для кавказца обычай гостеприимства.

– Даже не в России, а в Абхазии родилось это предание, по сути своей православное! – воскликнул он.

– А мне почему-то не верится, что такое предание могло родиться в Абхазии, – заметила Софья.

– В то далекое время, когда родилось это предание, вернее, когда эта история произошла, никто не сомневался в том, что на такой поступок способен именно абхаз, – напомнил я, порекомендовав моим друзьям прочитать рассказ Михаила Лакербай «Гость», написанный им по мотивам этого предания.

Софья, подумав о чем то, задала вопрос иноку:

– Скажите, Николай, если я буду настойчиво показывать моему врагу свою любовь к нему, свою молитву, свою доброжелательность, от этого он не рассвирепеет еще больше?

Николай ответил:

– Любовь обезоруживает любую ненависть. Любовь – это совершенное оружие против всякого зла, твоя любовь к своему врагу гасит его ненависть к тебе! Человек творящий зло губит свою душу, потому, что грех вошел в него по наущению диавола. Главное, чтобы не заразиться злом, борясь с ним: ненависть разрушает человека. Человек, который любит, влияет на весь мир, но одержимый ненавистью человек тоже распространяет далеко вокруг себя зло. Защищающий свой дом, своих детей, свою Родину может убить человека, но он от этого не получает удовлетворение, в отличие от того, кто пришел в чужой дом убивать. Сегодня мир лежит во зле, поэтому, кто будет другом мира, тот будет врагом Богу, а миром сегодня правит диавол.

Я не согласился с тем, что миром правит диавол, и привел пример из Библии, где сатана просит Бога дать ему разрешение, подвергнуть праведного Иова жестокому испытанию.

С Николаем мы расходимся во взглядах, главным образом по вопросу о Тысячелетнем Царстве, сторонником которого, вместе с Иринеем Лионским, являюсь я. Когда Николай говорит мне, что это ересь, что, церковь осудила идею о Тысячелетнем Царстве на земле, я ему отвечаю, что церковь осудила не это, а ересь Аполлинария Лаодикийского, утверждавшего, что Сын меньше Отца. Но, наши разногласия в сложных вопросах религии никак не мешают нам поддерживать дружеские отношения, они даже в чем-то помогают, и это – главное, конечно!

Как бы разговаривая сама с собой, Софья сказала, что никогда не сможет любить и молиться за тех, кто в Донецке убивает женщин и детей. Она сама родом из города Белгорода, что на границе с Украиной, и ей особую боль доставляют события на Украине.

Николай перевел нашу беседу в русло обсуждения политики проводимой западными странами, которые открыто служат сатане, стремясь задушить основу пра-вославия во всем мире, в особенности, в России.

Я рассказал, в связи с этим, одну историю, приключившуюся со мной. В одном из немецких журналов были опубликованы несколько абхазских легенд, предложенных мной, через мою родственницу, живущую в Лейпциге, но, одна из легенд, под названием «Ажвейпш и сова», была отвергнута редактором. Чтобы объяснить по какой причине легенда не была напечатана, мне придется пересказать ее сюжет. Жена Ажвейпша, владыки диких зверей и птиц, долго просила своего супруга построить для нее прекрасный, необычный дворец из костей зверей и птиц, но долго он не давал на это своего согласия. Жена продолжала просить, и в конце концов, Ажвейпш не смог устоять. В один прекрасный день он созвал всех зверей и птиц в назначенное место, чтобы своих подопечных использовать в качестве строительного материала для двор-

ца. На звериный сход пришли все, кроме совы. Пришлось послать за мудрой совой. Когда, в конце-концов, она пришла, Ажвейпш между прочим, поинтересовался, почему сова заставила всех ждать себя.

– Считала живых и мертвых, – ответила она.

– И кого-же оказалось больше? – спросил Ажвейпш.

– На одного человека, который слушает нелепые советы своей жены, мертвых больше!

Ажвейпш устыдился и велел разойтись всем зверям и птицам, а сове он сказал:

– Отныне ты будешь съедать по одной птичке каждый день. Съеденная тобою птичка будет попадать в рай.

Жену свою, владыку лесов и зверей, жестоко наказал. Наверно поэтому, больше о ней абхазские легенды не упоминают, но, как гласит эта легенда, птицы увидев сову, начинают кружить около нее и кричать: «Съешь меня, съешь меня!»

Редактор немецкой газеты усмотрел в поведении абхазских птиц, желающих быть съеденными совой для того, чтобы попасть в возделенный рай, сходство с фанатичными исламскими шахидами.

– Да, у абхазских птичек несомненное сходство с исламскими шахидами! – Георгий Николаевич вдруг громко рассмеялся и встал из-за стола, жестом приглашая нас прогуляться по набережной, которая сегодня была залита неповторимым светом «бархатного сезона».

КЛУБ АРГОНАВТОВ

Чаманыкva Чaабaл в жизни реализовал все свои великие проекты. Последнее свое детище – «Клуб аргонавтов», неутомимый Чаманыкva Чантович создал уже на закате своей жизни.

– Аргонавт номер тридцать пять! – говорил он мне при встрече, веселый и жизнерадостный, в белом костюме и красивой, белой кепке на голове. Володе Антия, моему другу, журналисту и писателю, человеку, конечно, более высокого ранга чем я, Чаманыкva говорил при встрече с ним: «Аргонавт номер семь!». Так, многие сухумцы от Чаманыквы получили свой номер при вступлении в Клуб, в зависимости от их уровня или таланта. Даже Грэм Грин стал членом этого клуба, во время его посещения Абхазии, в 1982 году. На встрече с абхазскими писателями в Доме-музее имени Дмитрия Гулиа, Чаманыкva Чaабaл подошел к знаменитому писателю, улучив удобный момент, когда от него отошел секретарь Абхазского обкома ЦК КП Грузии по идеологии Руфет Бутба, и предложил ему вступить в Клуб аргонавтов.

– А что это такое? – спросил Грэм Грин через переводчика.

– Достаточно сказать, – Чаманыкva поднял указательный палец кверху, – что сам Жорж Сименон член Клуба аргонавтов!

– Считайте меня членом вашего клуба. Жорж Сименон мой друг, я очень высоко ценю его талант! – ска-

зал Грэм Грин, пожав руку Чаманыкве Чаабал. Может быть, высокий гость даже решил, что это местный масонский клуб. Когда секретарь обкома, опомнившись, побежал к ним, было уже поздно...

В начале шестидесятых годов прошлого столетия, Чаманыква был руководителем созданной им, единственной в Советском Союзе научно-исследовательской Лаборатории по туризму. В издательствах Сухума, Москвы и Ленинграда часто выходили его путеводители и научно-популярные книги по истории и культуре Абхазии. Например, прекрасно иллюстрированный сборник Чаманыквы «Легенды лазурного берега» был удостоен специальной премии ВЦСПС, а фотоальбом «Абхазия» принес ему славу непревзойденного популяризатора истории и культуры древней, но вечно молодой Апсны.

Помимо всего этого, Чаманыква часто выступал с лекциями по истории нашего края в научных кругах кавказских республик, в Москве и других крупных городах Советского Союза и за рубежом. Он дружил со многими именитыми политическими и общественными деятелями, маститыми писателями, художниками артистами, которые часто посещали Абхазию. В их глазах он был «гениальным гидом». При этом, сам он много ездил по странам «дальнего зарубежья», как сегодня принято называть. После зарубежных поездок приезжая в свой родной город, он проводил пресс-конференции в Клубе журналистов, рассказывал о своих впечатлениях, полученных в Европе, Азии или где-нибудь в Африке или Латинской Америке.

Сухумцы, как известно, мастера выдумывать смешные истории про своих видных соотечественников. По рассказам сухумцев, во время какой-то пресс-конференции Чаманыква Чаабал поведал собравшимся о том, как в цирке, где-то за границей, дрессировщик вложил свою голову в разинутую пасть огромного льва.

Кто-то из зала задал вопрос лектору:

– Паста была зубная?

– Ну конечно, он вложил голову в зубную пасту! А в какую-же еще? – якобы ответил Чаманыкva.

Помнится, лет тридцать тому назад, как-то я был на одной экскурсии, которую он организовал для членов Союза писателей Абхазии. Мы проехали по всем достопримечательным местам Абхазии, и Чаманыкva, конечно, как гениальный гид и непревзойденный знаток прошлого и настоящего нашей республики, провел экскурсию блестяще. В конце экскурсии он обещал нам показать внебрачного сына Максима Горького, который, разумеется, родился еще до революции, когда сам Горький был в Абхазии и даже принимал роды у женщины где-то по дороге, между Тамышом и Адзюбжой. Внебрачного сына, разумеется, он родил не от той роженицы. Свой знаменитый рассказ «Рождение человека», Горький написал под впечатлением того вечера, когда он принимал роды у случайной женщины под вой шакалов и глухое ржание лошадей на пустынной, ночной дороге в Абхазии.

Часа полтора мы кружились на автобусе по ухабистым дорогам в каком-то селе Гульрипшского района, в поисках жилища неизвестного потомка Максима Горького. В конце-концов наш автобус остановился возле небольшого бельэтажного дома, из которого вышел пожилой человек в грязной домашней одежде, с виду ничем не выдававший своего сходства с великим писателем.

– Вот он! – воскликнул Чаманыкva и спрыгнув с автобуса побежал навстречу к вышедшему человеку. Они о чем-то поговорили, и Чаманыкva, довольный своей находкой, вернулся к автобусу. А человек, вышедший к нам навстречу, ничего не понимая постоял, провожая взглядом автобус, полный незнакомыми ему людьми.

...Но, вернемся к последнему детищу Чаманыквы – Клубу аргонавтов и нашумевшей в Абхазии и Грузии истории, связанной с английским путешественником Тимом Северином, который построил копию корабля «Арго», вознамерившись повторить поход аргонавтов из Эллады на Кавказ. Знаменитый морской путешественник конечно был осведомлен о том, что в Сухуме создан Клуб аргонавтов и неудивительно, что он выбрал наш город в качестве пункта прибытия во время своего морского путешествия, тем более, что наш Сухум стоит на месте древней Диоскурии.

Все местные газеты на своих первых полосах поместили информацию о предстоящих встречах и торжествах по этому поводу.

Отдел агитации и пропаганды Абхазского обкома ЦК КП Грузии поручил Чаманыкве Чаабал разработать план торжественной встречи в Сухумской бухте делегации «новых аргонавтов». Чаманыква немедленно занялся разработкой сценария и текст был готов через три дня. Теперь нужно было подключить творческие коллективы автономной республики к реализации грандиозного театрализованного представления «Аргонавты сходят на берег». Здание Абхазского государственного драматического театра имени Самсона Чанба и творческий коллектив театра на время должны были превратиться во Дворец колхидского царя Аэта и его обитателей. В тот момент, когда новый «Арго» с «новыми аргонавтами» появятся на морском горизонте Сухумской бухты, из дворца навстречу к ним торжественно выходят: грозный царь Аэт, его сын Апсирт и дочь Медея. Царь Аэт приглашает гостей из далекой Англии, членов бюро Абхазского обкома ЦК КП Грузии, а также представителей общественности города и республики к себе во Дворец, где состоится концерт, на котором выступят: известные за пределами республики

блики ансамбль долгожителей «Нартаа» и танцевальный коллектив «Шаратын», Заслуженная артистка Абхазской АССР, оперная певица, гречанка по происхождению Жозефина Бумбуриди и Абхазский симфонический оркестр под управлением Льва Джергения с программой из произведений абхазской и мировой классики, вокально-инструментальный ансамбль Апсны-67. Завершают представление скачки на четыре километра, по набережной, от Маякского поворота до Красного моста.

Но, тут грянул настоящий гром в ясном небе: грузинская общественность обратилась к руководителю республики Эдуарду Шеварднадзе с требованием, перенести место встречи с английским путешественником из Сухума в город Поти, который находится якобы на месте античного города Фазис, а потомками колхов являются мегрэлы, но не абхазы. Обстановка накалялась, представители абхазской интеллигенции с настоятельным требованием обратились в обком партии не переносить встречу Тима Северина из Сухума в Поти, угрожая всенародным сходом в селе Лыхны, на знаменитой лыхненской поляне. В последний день, когда выяснилось, что встреча состоится все-же в Поти, откуда делегация поедет в Сванетию, взбешенный Чаманыкова Чаабал срочно вылетел на «кукурузнике» в Поти, чтобы попытаться повлиять на ситуацию, но даже с талантом Чаманыкова, тонкого дипломата, не удалось уговорить Эдуарда Амвросиевича изменить решение. Конечно Шеварднадзе пошел на хитрость, включив самого Чаманыкова в состав правительенной делегации Грузии, на встрече с командой Тима Северина в Потийском морском порту.

Забегая вперед скажем, что сход в Лыхны все-же состоялся, но спустя два года, но уже по поводу шовинистической политики руководства Грузии по отношению к абхазскому народу.

А в Сухуме в тот день пришлось отменить все намеченные представления, однако, сухумцы настояли на том, что не разойдутся, пока не увидят обещанные скачки. Многотысячная толпа горожан вышла на берег и выстроилась вдоль набережной, посмотреть на зрелище – скачки с участием известных наездников Абхазии. Лошади бежали по маршруту ежегодных Всесоюзных соревнований по велоспорту.

В тот день первое место на скачках занял Котик Баргыц из Баалархвы, на лошади Кумча, хотя и здесь не обошлось, конечно, без инцидента. На Красном мосту, навстречу всаднику выехала встречная машина, лошадь встала на дыбы и сбросила с себя всадника, который с пятиметровой высоты упал в речку Беслетку. Котика с трудом вытащили из воды, и прямо на Красном мосту вручили ему приз победителя – тысяча рублей, а разгоряченную Кумчу не смогли поймать. Она ускакала на Сухумскую гору. Долго потом Кумча паслась на территории Пантеона писателей и видных государственных и общественных деятелей Абхазии. Говорят, потом ее поймали и отправили на конную турбазу «Абрскил», обслуживать туристов – любителей верховой езды.

ПОДУШЕЧКА

Еще вчера они сидели в номере, на седьмом этаже гостиницы. Он говорил ей:

– Если я потеряю тебя, что-то рухнет во Вселенной! – и верил своим словам.

Сейчас он стоял в конце сосновой аллеи, ведущей к гостинице, не в силах поверить, что она уже уехала к себе домой, в Житомир, после закрытия Всесоюзной ярмарки, которая проходила в Доме культуры, напротив Медицинского пляжа, в Синопе.

В тот чудесный вечер, даже ветерок, прорывавшийся в номер через открытую дверь на балкон, шевеля длинной шторой, подталкивал Евгения и Людмилу на медленный танец, тем более, что с проплывавшего недалеко от берега прогулочного катера «Хаджарат Кяхба» доносилась мелодия песни «Женщина, которая любит» в исполнении Глории Гейнор.

Евгений окрыл бутылку «Букета Абхазии» и, разлив вино в бокалы, поднял тост за знакомство. Людмила, сделав несколько глотков, поставила бокал с божественным напитком на стол. Евгений встал, приглашая Людмилу на медленный танец, пользуясь тем, что «Хаджарат Кяхба» очень медленно проплывал мимо гостиницы, щедро заливая все побережье заволакивающей мелодией...

Евгений увидел ее на Медицинском пляже. Он сразу выделил ее из толпы купающихся и загорающих на пляже,

по белоснежному цвету кожи, который гармонировал с цветом ее купальника, на котором были нарисованы какие-то цветы ярко-красного цвета. Видно было, что она первый день на пляже. Она полулежала на боку, листая какой-то журнал, а он сравнивал линию ее талии и круглых бедер с набегавшей на берег волной, мимолетный изгиб которой, достигнув наивысшей точки экстаза и продержавшись несколько секунд в воздухе, мгновенно разрушался, падая на прибрежный песок, пугаясь под ногами следующей волны.

Тогда он не знал, что именно линия ее талии, которая так очаровала его, сыграет с ним злую шутку, потому, что женщина превратила свой недостаток в достоинство. Может быть, даже осознанно...

В первый вечер после знакомства на пляже, они гуляли допоздна по набережной Сухума, пили кофе на «Амре» и ели хачапури-лодочки в «Нартах». На следующий день поехали с экскурсией на озеро Рица, которое еще больше их сблизило. Шум моторных лодок, круживших по озеру, напоминал гудение электропилы. Купив билет, они сели в одну из них и, стремительно рассекая бирюзовую гладь озера, устремились к противоположному берегу, где находилась бывшая дача Сталина. Евгению и Людмиле казалось, что моторная лодка скользит не по поверхности озера а, рассекая золотистый воздух, летит по небу, к вершине Агепста.

Вечером они уже сидели в номере гостиницы на седьмом этаже. Даже длинные шторы загадочно шевелились, волнуясь от прикосновения ветерка, тянущегося с моря, окрашенного лиловым закатом.

...Сейчас Евгений стоял как оглушенный и не понимал, почему он с такой настойчивостью просил девушку показать ему подушечку, которую она носила под левой лопаткой.

Пригласив ее на медленный танец, он осторожно, нежно обхватил рукой ее талию и неожиданно ощутил

ту злосчастную подушечку, которая была привязана шнурочками к узкой спине, ниже левой лопатки, чтобы скрыть легкое искривление позвоночника.

– Это называется сколиоз позвоночника. Между нами ничего не может быть... Вы все испортили, – сказала она уходя.

Евгений еще не знал, что об этой своей ошибке и многих других ошибках, потом он будет жалеть всю жизнь.

Ошибки, или грехи, на протяжении жизни причудливо выстраиваются, напоминая камни высохшего русла.

ПЕЩЕРА ХАБЬЮ

Судьба наделила Адольфа Виссарионовича Горгондзия многими талантами. Эти дары даже в детстве давали о себе знать, подобно вулканической лаве, которая толчками в земной коре напоминает о себе, время от времени.

Излишне, наверно, здесь говорить о том, что он обладает глубокими познаниями в области политологии и международных отношений, являясь твердым сторонником западной демократии. А то, что он превосходный пчеловод и фермер, разводящий гектарами орех-пикан, знают все в нашей небольшой республике. Здесь я должен рассказать более подробно о его таланте спелеолога, но прежде хочу коснуться деятельности Адольфа Виссарионовича в качестве гида Сухумского бюро путешествий и экскурсий, когда он проводил свою жизнь в постоянном окружении женщин, удачно сочетая свою работу с изучением психологии прекрасного пола. Проникая в мельчайшие тонкости натуры женщин, углубляясь в самые потаенные глубины их характера, Адольф Виссарионович приобретал бесценный жизненный опыт. Но, теперь, к своим шестидесяти семи годам, когда поток туристов (в числе которых было немало прекрасных женщин) в Абхазию почти иссяк из-за разных причин, его профессия перестала быть востребованной, поэтому он решил жениться. Найти спутницу жизни, как ни странно, пока ему не удается, потому что, те женщины, которые нравятся

ему, хотят выйти замуж за более молодых, чем он, и по любви. Это было большой неожиданностью для него, он вдруг открыл для себя, что совсем плохо знает женщин, несмотря на свой бесценный опыт.

Многолетняя любовь к прекрасному полу временами у него бурно переходит в увлечение красотами природы, хотя, в то же время он не теряет надежды жениться. Теперь объектом любви для него стали горы Кавказа. Он упорно проникает в их недра, изучает самые труднодоступные места. Особенно его привлекают: лощины, пещеры, впадины и гроты, а так же – воронки, воклюзы и пещеристые образования. Адольф Виссарионович из покорителя дамских сердец превратился в покорителя природы, он завоевывает природу так же, как и женщину – упорством, настойчивостью, умом, обаянием и храбростью.

Нужно сказать, что как человек хорошо воспитанный и демократичный, работая гидом в советское время, он никогда женщину не обижал, за редким исключением. Были конечно и досадные промахи. Так, в один прекрасный вечер, девушке, с которой он пришел поужинать в ресторан «Нартаа», очень понравился молодой кудрявый армянин, с которым она несколько раз протанцевала и, в конце ужина решила уйти с ним. Адольф Виссарионович вежливо посадил девушку в такси, объяснив ей, что некрасиво покидать мужчину, с которым она провела весь вечер в ресторане.

– Он мне нравится, хочу кудрявого армянина! – запопила она и, перегнувшись через спинку переднего сидения, дотянулась до него и вероломно впилась зубами в его спину, за что немедленно получила от Адольфа Виссарионовича оплеуху. Видимо, в этом неприятном эпизоде не последнюю роль сыграла чрезмерно принятая абхазская чача.

Так или иначе, дикая природа и женщины – две великие загадки, которые манят к себе Адольфа Горгон-

дгия, они мистически связаны в его судьбе, и он неутомимо исследует их, по очереди, конечно. Он уверен в одном: открыв свою пещеру, он найдет и свою женщины. А недавно, когда Адольф Виссарионович проник в таинственную, еще необследованную пещеру Хабью, он еще больше приблизился к своей заветной цели. Принять участие в исследовании пещеры предложили ему спелеологи из Москвы, Воронежа и Одессы. Были с ними и английские специалисты по фотографированию спелеообъектов, но они даже не решились проникнуть в пещеру, к тому же в этот день они были демарализованы, потому, что напились деревенской чачи.

Группа была оснащена техническими средствами для фотографирования в темноте, замера глубины и высоты над уровнем моря. Вход в пещеру напоминал открытую пасть рыбы 10–12 метров шириной и 7–8 метров высотой, из которого вырывался мощный поток ледяной воды. Пройдя метров 60 по воде, группа остановилась перед первым сифоном – проход был полностью заполнен водой. При помощи водолазного снаряжения был преодолен первый сифон, длиной и глубиной в полтора метра и группа оказалась в зале высотой до 10 метров. Далее, преодолевая с трудом поток реки (дело было после дождя), переходя через каменные завалы, спелеологи прошли 150 метров и остановились у нового сифона, протяженностью до 12 метров и глубиной в отдельных местах до 8 метров. Здесь Адольф Виссарионович Горгондзия чуть было не погиб, потому, что водолазное снаряжение, которое выдали ему, пропускал воду! «Каюк!» – почему-то это слово пришло ему на ум, когда вместе с воздухом в его легкие стала проникать вода. Но, он собрал все свои силы, всю свою энергию, судорожно схватился за аварийный стальной трос, протянутый впереди идущими спелеологами, сделал последний рывок и

вырвался из плена ледяной воды: смертельно-опасный сифон был позади. Когда он пришел в себя, ничего не сказав спутникам, встал и потихоньку пошел вперед, вслед за группой, которая уже двигалась вперед по 500 метровому подземному каньону-залу, высота потолка которого достигала 60–70 метров. Местами приходилось идти даже вплавь, далее – обходя водопады, озера и боковые залы с богатыми натечно-капельными образованиями.

В конце-концов, спелеологи попали в гигантский зал необыкновенной красоты – со стенами из отполированных природой кальцитов, с огромными стаклактитами и сталагмитами и озером в центре. Адольф Виссарионович подумал о том, что этот удивительный зал может претендовать на титул «красивейшего» в Абхазии. Ночью, под землей спалось хорошо – ему даже приснилась какая-то женщина, с которой он прошел первый сифон, но, второй сифон оказался для нее не-проходимой стеной...

На следующий день спелеологи продолжили осмотр, прошли до конца огромного каньона, оказавшись приблизительно на расстоянии одного километра от входа в пещеру Хабью .

...Когда вся группа вышла из этого подземного царства на Божий свет, Адольф Виссарионович находясь в какой-то странной эйфории, почувствовал себя человеком, родившимся заново. Он отошел в сторону и долго не мог прийти в себя, но, возникшаяссора между московскими, воронежскими и одесскими спелеологами, по поводу того, кто является первооткрывателем пещеры Хабью, вернула его в реальность.

– Первооткрывателем являюсь я, вот мои прошлогодние следы! – Адольф Виссарионович Горгонджия указал на какие-то следы около речки, похожие на медвежьи, и все успокоились. Для подкрепления сво-

ей версии он рассказал спелеологам легенду о пещере Хабью, которую тут же придумал сам.

– Да, есть такая легенда, – начал он рассказ задумчиво, понизив голос. – Житель Хабью Аркадий Чамагуа поведал лично мне вот что: случилась когда-то в Абхазии страшная засуха, все реки пересохли, в том числе и Аапста. Люди долго молили Бога послать им дождь, но конца засухи не было видно. Единственным, не высохшим источником оставалась река, вытекающая из пещеры Хабью. Однажды, трое смельчаков решили проникнуть в эту бездну. Взяв свечи, они вошли в пещеру и долго шли, факелами освещая свой путь в бездне, любуясь необыкновенной красотой и забыв обо всем на свете. Тем временем, погода резко изменилась, пошел ливень, и бурный поток заполнил выход до потолка. Люди оказались запертymi внутри.

Через семь дней из пещеры вышел живым только один. Он рассказал односельчанам, как последние силы стали покидать их, как они бросились в воду с надеждой, что она вынесет их из мрачной пещеры.

Только ему одному было суждено увидеть свет... – закончил рассказ Адольф Виссарионович, всем существом остро ощущая душу земли, скрытую в абхазских горах – исток тайны вечной женственности.

ТОПОЛЯ НА БЕРЕГУ ЦИКУАРЫ

Где бы он ни был, о чем бы ни думал, Элкан не мог избавиться от пугающего, позорного для него, постыдного случая. Никто не знал об этой сокровенной тайне, никому на свете он не осмелился бы рассказать об этом.

Как он ни стремился изгнать из памяти этот несчастный момент, любая мелочь, каждый пустяк против его желания воскрешали воспоминание.

Он проснулся ранним утром и глядел в окно на пышную крону яблони. Подул утренний ветерок и развернул листья яблони так прихотливо, что Элкан увидел в них очертания орла.

Такого орла год назад убил сосед, Шааб. Про него говорили, что он и на прополку кукурузы ходит с ружьем, и виноград собирает с ружьем за плечами, такой заядлый охотник. Да ведь настоящий охотник знает, в какое время можно охотиться и за какой дичью!

Шааб, убив орла, распял эту гордую птицу на кукурузном поле, как пугало для соек и других птиц.

Однажды пришли деревенские ребята-школьники купаться в речке вблизи от этого поля, стащили этого распятого орла и стали швырять мертвую птицу друг в друга. Это увидел глухонемой Омар, подбежал к ребятам и стал отнимать орла, громко что-то мыча, пытаясь выразить свое порицание, возмущение. Память об этом мучительно нечленораздельном гневе Омара опять вернула Элкана к мыслям о его собственном не-

простительном проступке, о его предательстве. Это ощущение неискупимой вины захлестнуло его мутным буйным потоком, каким бывает после ливней Цикуара, несущая в своем стремительном беге больше смытой дождями земли, чем воды.

Чтобы выброситься из этого потока, Элкан вскочил и стал одеваться. Еще с вечера он готовился к рыбалке сегодня, в воскресенье. Приготовил удочку, накопал червей в навозной куче у коровника, а еще добыл червяков из гниющего ствола – самых жирных, сложил их в спичечный коробок.

Забежав на кухню, Элкан быстро выпил стакан молока, проглотил кусок чурека-амгиала. Выйдя со двора, он спустился по косогору к речке. При подходе к поляне Омара опять его голову замутила, заполонила постыдная его тайна – пугающие картины того случая.

От старших Элкан знал, как Омар стал глухонемым. Еще будучи мальчиком, он как-то заснул на поляне и проспал несколько часов. Уже настала ночь, родители и соседи кинулись искать пропавшего Омара. С факелами и фонарями рыскали по окрестностям, и с шумом, с криками набрели на эту лужайку. Внезапно разбуженный, десятилетний мальчишка лишился голоса. Одни говорили, что он потерял речь из-за небесного прозрения, другие – что его окоддовали русалки, третья – что мальчик просто сильно перепугался, внезапно увидев такую толпу с факелами.

Со временем этот мальчик стал проводить на поляне все больше времени. Он засадил поляну черенками тополя, которые быстро выросли высокоствольной рощей. Немому Омару эта роща стала целым миром, созданным его руками. В ней возник свой, особенный мирок, отдельный, обособленный от окружающей жизни. Тополя неумолчно шумели своей листвой, и шум этот напоминал голос далекого водопада. Нередко казалось, что Омар вслушивается в этот голос, старает-

ся понять, о чем говорят тополя. Сельчане стали звать рощу поляной Омара.

Однажды Элкан, как обычно, бежал в школу мимо поляны Омара. И вдруг ощутил какой-то провал, обрыв. Взглянул на поляну и увидел только пустоту – привычных тополей-великанов не было. Кто-то за ночь вырубил все деревья, поляна была засыпана обрубленными ветками.

А посреди пустой поляны стоял Омар, держась за сердце и глядя умоляюще на Элкану. Элкан не решился к нему подойти, испугался и побежал звать на помощь. Подоспевшие соседи нашли Омара уже мертвым, с зажатой в руке горсткой земли...

Только потом узнали, что тополя срубил себе на сарай Шааб – заядлый «охотник», который посмел из орла сделать пугало для птиц.

Элкан был на похоронах Омара и слушал пересуды взрослых.

– Омар погиб от глупости, зачем ему были нужны эти тополя!

– Да оставьте его в покое, Омар больной был!

Столетний Абыддж сказал:

– Эй, гиди, сабиц... Кто знал, что было в его сердце, что значили для него эти деревья? Может они были ему как дети...

Сейчас по пути на рыбалку, терзаясь своей виной – ведь испугался, не подошел к Омару, Элкан вдруг подумал, что можно сделать. И сразу стало легче.

Элкан отложил удочку, подобрал несколько тополиных веток и воткнул их по всей поляне: «Тополя вырастут и поляна снова станет поляной Омара, и останется ею».

Элкан освободился от чувства вины, от стыда, и день стал светлее. Он подхватил свою удочку и пошел выбирать подходящее место для рыбалки.

Перевод Маргариты Орлкиной

СТАРЫЙ КИНОТЕАТР

Мелодия несла его легко и плавно. Так уносило его неведомо куда море, когда он, отпустив весла, ложился, закрыв глаза, в лодке посреди моря. Казалось, будто он где-то вне Земли, во Вселенной, сохраняя тончайшую нить связи с Землей.

Он любил так отдаваться морю, и случалось, что его уносило далеко.

Мелодия звучала, но он не видел ту, которая пела эту очень близкую ему песню. И вдруг он осознал, что это его мелодия, это же он сам сочинил ее перед выпускным вечером. А спела ее его однокурсница Катя...

Алиас заторопился навстречу мелодии, взбежал по каменной лестнице старого кинотеатра, окруженного зеленою в цветах поляной. Кинотеатр был пуст. Алиас будто всплыл из глубины моря, в глаза ударил яркий свет, он в своей комнате. Чудо продолжалось – мелодия еще звучала. Теперь он понял, окончательно очнувшись – это радио. Алиас закрыл глаза, отдался песне и опять уплыл по волнам – эфира, мелодии, моря.

Песня во сне к слезам, говорила его тетушка Женя, но, и песни бывают разные и слезы...

Он выключил транзистор, как песня перестала звучать.

– Мама, я пошла на музыку! – крикнула дочь, выбегая из дома.

Но душа еще отдавалась этой мелодии. Алиас вспомнил, как, нервничая и волнуясь, он подошел к Кате, благодаря ее за пение. Опять нахлынула давно забытая боль, навеянная песней – так река доносит до низины дух горных потоков и водопадов.

«Песня во сне – к слезам»,

Она жила на Кипарисовой улице. Каждое утро, торопясь в школу, Алиас встречал ее, тоже по пути в школу. Их пути пересекались у речки на мосту. Алиас старался угадать ее приход и нередко это удавалось. Дом ее стоял под горой, к нему узким серпантином подводила тенистая аллея. Массивные ворота тонули в буйно разросшихся лианах и цветах. Это была старая усадьба, она привлекала духом старины и какой-то аристократической изысканности. Алиас до мельчайших подробностей изучил каждый камешек, изгиб тропки, каждое дерево и каждую фигуру на древних воротах – все затрагивало в нем каждый нерв, все говорило о ней, дышало ее обаянием, несло печать ее неповторимого облика.

– Вставай, иди кушать! – позвала жена из кухни.

Алиас оделся и постоял в комнате. Рассеянный взгляд задержался на гитаре, висевшей на стене. Он снял ее, коснулся струн. Мелодия держалась в памяти, звучала в ушах, заполняла душу. Он часто пел ее под эту гитару. А приобрел гитару в Ленинграде, после демобилизации. Долго выбирал ее в магазине музыкальных инструментов вместе со своим другом молдаванином. Именно товарищ пришел на помощь: он неожиданно громко крикнул и стал прислушиваться к инструментам на прилавке. Лишь одна гитара откликнулась еле слышным эхом. Ошеломленная продавщица пришла в себя, когда поняла, что ребята пришли не грабить, а купить гитару.

Алиас ушел из дома. Ему хотелось подняться к вершине Сухумской горы, пройти по зеленой поляне среди мимозовых зарослей у старого кинотеатра. И вскоре оказался на Кипарисовой уличке. Дом стоял, еще глубже утонув в сумрачном обрамлении буйной растительности. Ворота слегка покосились. Лестница к дому и терраса остались прежними. Волной поднялось волнение. Запахи глициний и еще чего-то охватили все существо, завладели им. Алиас и не предполагал, что воспоминания о прежнем так властны над ним.

После выпускного вечера он впервые проводил ее домой. Казалось, что мелодия, сочиненная им, соединила их, связала. Однако вскоре ему пришлось идти в армию, а потом он искал ее тщетно. Пожилая женщина, жившая по соседству, сообщила, что Катя вышла замуж куда-то в Адлер.

Рядом с кинотеатром на поляне паслись коровы. Зеленую траву усеяли желтые цветы. Он пересек поляну и вошел в здание. Корова подняла голову, пережевывая траву, и снова опустила морду в траву. Городские власти, задумав построить здесь кинотеатр, очевидно, заботились о культурном развитии населения. Но поблизости в то время был сооружен ресторан «Амза», туда в основном и стремились люди. До глубокой ночи сюда поднимались по крутым серпантину и на машинах, и пешком, прогуливаясь по парку – и всех привлекал ресторан. Кинотеатр так и не состоялся. С соседних холмов, где расположился обезьяний питомник, доносились пронзительные крики его обитателей, похожие на визг свиней.

Со стороны ресторана наплывает приглушенная музыка, «Огни Калифорнии». Из оркестрового сопровождения как бы выныривает голос певицы. Алиас прошел в летний дворик ресторана, сел за свободным столиком, посетителей было немного. Певица в длинном, голубоватом платье с глубоким декольте. Это была Катя. Он узнал ее.

Официантка положила на стол меню. Алиас написал записку с названием песни и передал официантке, вложив деньги в бумажку. Когда официантка отошла, он поднялся и быстро вышел из ресторана. Постоял у громадной сосны. Женщина с огромной собакой на поводке прошла мимо. У крутого спуска с горы она остановилась, собака, уловив визг обезьян, глубоко-утробным лаем ответила. Алиас будто очнувшись, пошел вниз по улице.

Вскоре его догнала та песня, которая ему приснилась. Катя пела, голос ее будто спотыкался, поднимался и уходил вперед. Голос догонял его.

Перевод Маргариты Орелкиной

ХОЛМ БАРСКИЛОВ

Крик павлина был похож на плач ребенка. Он доносился с соседнего холма, на вершине которого светился горящей свечой монастырь. Внутри главного храма размещался музей абхазского старинного оружия, а в монастырских кельях располагалась турбаза «Водопад».

Лоу представил, как павлин важно расхаживает по монастырскому подворью, рассеянно поглядывая по сторонам и привлекая туристов. Они стараются сфотографироваться рядом с ним, когда птица распускает свой роскошный хвост. Вблизи крик павлина напоминает истошный крик женщины, а иной раз – разъяренной кошки.

Почему-то павлин любит разгуливать вдоль кованой ограды, под тенистыми соснами. Однажды эта птица даже приснилась ему. Легко взмыв в небо, распустив сказочные перья в лучах заходящего солнца, павлин полетел в сторону золотых куполов собора.

Лоу отложил свою работу и пошел со двора. Спустился по узкой тропке в ущелье Псырцхи и двинулся к туннелю, за которым бурлил искусственный водопад, заглушая резкие крики павлина. Иной раз птица садилась на сосну у водопада.

У водопада Лоу заметил группу туристов вокруг его скульптуры «Раненый воин». Одна девушка взобралась на плечи воину, а ее спутник щелкал фотоаппаратом.

...За окном хлестал ливень. В доме было тихо. Лоу бережно открыл дверь и вошел к больному брату. Из открытого окна капли дождя добрызгивали до исписанного листка на стуле у больного. Лоу пробежал глазами расплывающиеся строчки: «Как хочется взять зонт и пойти к водопаду. Долго стоять, слушать голос воды».

Этот изъеденный ветрами и дождями камень Лоу нашел в ущелье. Каждое утро приходил он к нему и яростно вгрызался в обломок скалы резцом и зубилом. И с каждым днем все четче проявлялись в камне черты умершего брата.

Лоу усился за свободным столиком в кафе у водопада. По мраморной лестнице спускалась группа туристов видимо, из пещеры. Дальше они поднимутся по Царской аллее к монастырю, посетят музей абхазского оружия, одновременно разглядывая лики святых на сводах главного собора. Среди прочего оружия в музее выставлена кремневка прадеда Лоу – Консо Барскила. Именно этим ружьем был убит предводитель убыхов Сааткери Адагва-ипа Бырзык, еще во времена русско-кавказской войны. Убыхи, сражаясь с российскими войсками, умудрялись делать набеги и на Абхазию. Возможно, они хотели наказать владельца Михаила за его поддержку Российской политики. Да и сам холм, на котором расположен монастырь, назывался Холмом Барскилов, это родовое владение предков Лоу.

Перекрывая шум водопада, вынырнул голос экскурсовода: «Чехов писал Суворину – я в Абхазии! Природа удивительна до бешенства, до отчаяния. Если бы я пожил в Абхазии с месяц, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок...»

«Кажется, эти слова здесь даже собаки знают» – раздражился Лоу. Внезапно раздался хохот с той стороны водопада. Там в небольшой шашлычной сидели

завсегдатаи с отдыхающими. Один из них (Лоу знал его, спасатель с пляжа) схватил собачонку, выпрашивающую еду, и бросил в водопад. Бурный поток сначала скрыл бедное животное, но ниже по течению собака вылезла на берег и уселась, дрожа от холода и поскучивая.

Туристы побежали смотреть на нее, а экскурсовод собирали их: «По Царской аллее мы пройдем к монастырю. В 1888 году император Александр III вместе с императрицей Марией Федоровной и 12-летним сыном Николаем поднялись по этой дороге к строящемуся монастырю. В этот же день вдоль дороги были высажены кипарисы, и она называется Царской аллеей... После смерти Александра III Мария Федоровна заключила морганатический брак со светлейшим абхазским князем Георгием Дмитриевичем Шервашидзе, а познакомилась с ним в тот самый день визита в монастырь».

Лоу пошел в ущелье. Добравшись до его конца, он стал подниматься по высохшему руслу. Здесь всегда прохладно, даже в самый зной. И никогда не надоедает наблюдать, как Псырцха выбивается из-под скал внизу. Часто в этом источнике, который считается святым из-за предания, что здесь был убит Симон Кананит, омываются верующие.

Высохшее русло речки, омытые дождем белые глыбы будто хранят память о воде. Здесь начинается кладка разрушенной крепостной стены, еще средневековой.

Застывшие, старые крепостные стены – высохшее русло времени...

Лоу вернулся по ущелью, а дома поднялся в мастерскую и сел перед незаконченной работой. На холсте светился монастырь, купола которого горели в лучах заходящего солнца – будто поминальные свечи.

Перевод Маргариты Орелкиной

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Сегодня последний день в этом курортном городе, и, может быть, больше никогда не приедет она сюда. Елена уже сильно скучала по дому, по родным.

Неожиданно для самой себя она стала вдруг собирать вещи. Вскоре оранжевый чемодан был набит и стоял в полной готовности у кровати. Из вазы, стоявшей на столе, Елена извлекла камень причудливой формы, с дырочкой – счастливый! – найденный на море. Чиркнув молнией на боку чемодана, она спрятала там свою реликвию. Вдруг, она заметила на полу черное перо. Подняв, погладила им по платью: черное на голубом – выглядело красиво, гармонично.

Больше она не могла, не хотела оставаться в комнате, вышла в парк. Солнце уже клонилось к закату, нежно просвечивая в ветвях громадных елей, магнолий, росших в парке.

Одни туристы гуляли по аллеям, другие сидели на лавках, третьи, разморенные, возвращались с пляжа. В глубине парка, за большим дубом, была танцплощадка – оттуда доносились звуки настраиваемых инструментов. Елена пошла в другую сторону, к небольшой старой крепости, в которой разместилась мастерская художника.

Прижавшись к ограде турбазы, сумрачно стояла увитая плющом миникрепость-мастерская. Елена обошла каменную стену, увидела деревянную калитку, закрытую на щеколду – хозяина, наверняка, не было дома.

Как-то раз она уже была здесь. Однажды вечером, возвратясь из города, она проходила мимо. Под развесистым деревом стоял высокий плотный стариk, он обрабатывал огромный обрубок камфорного лавра. Можнo было уже догадаться, что должно выйти из обрубка. Первобытный человек, подняв над головой огромный валун, пронзительно смотрел вперед, целясь, видимо, в голову какого-то зверя. Весь вид далекого предка говорил одно: выжить!

Стариk будто ждал появления девушки. Увидев ее, отложил топор, поздоровался, пригласил в мастерскую. Он показал ей свои картины. В беспорядке они пылились на стенах, подставках, в углах, на полу. Елена поняла, что это его работы видела она в вестибюле турбазы.

У художника, по-видимому, было хорошее настроение – он с удовольствием рассказывал об истории крепости-мастерской. Лет двадцать назад, когда он, облюбовав место, пришел сюда, чтобы создать мастерскую, здесь было довольно заброшенное место. Крепость эту построил в начале прошлого века владетельный князь Абхазии. Шумела здесь раньше дубовая роща. Ее выкорчевали, посадили декоративные деревья и кустарники. Потом построили турбазу.

«У вас интересное лицо, – сказал вдруг художник, – я мог бы написать ваш портрет...». Елена покачала головой: «Нет... извините...». Быть может, от того, что взгляд ее упал на картины с изображением голых девушек. На грудь одной красавицы опрокинут был сноп света...

Она пошла по дорожке, усыпанной мелкой галькой, и вскоре оказалась у круглого бассейна. Было тихо. Здесь всегда спокойно и тихо. В парке зажглись неоновые фонари. Она села на длинную скамью и стала пристально глядеть на черного лебедя, медленно скользящего по серебристой поверхности воды. Лебедь с неправдоподобно длинной выгнутой шеей остановился, не двигаясь, уставился в воду.

Вдруг Елена почувствовала, что на лебедя смотрит еще кто-то. Она обернулась и увидела старика-художника. Он был с мольбертом.

Художник узнал Елену. Она подошла к нему и пока разглядывала новый рисунок, старики взял у нее из рук перо...

На картине белел в неоновом свете бассейн. Свет падал сквозь густые заросли лианы, властно обвившей сосну. Вытянутая шея лебедя черной радугой отражалась на поверхности воды.

— Теперь я понял, что у него с крылом, — сказал старик. — Перо подарили вам, видимо, прошлой ночью. А выдернуто оно у этого самого лебедя.

— Это не мое... — Елена как-то сжалась, будто ее застали за чем-то постыдным.

— Не бойся, я никому не скажу... — Он пристально посмотрел на нее и протянул ей перо. Елена взяла его спешно. Только сейчас она заметила, что одно из вороненых крыльев птицы будто опущено чуть-чуть, но сам лебедь источал спокойствие и умиротворение — он уже не помнил об ужасе ночи.

— Когда ночью меня разбудил крик, я прибежал сюда, но вор уже скрылся.

Ничего не говоря, Елена повернулась и тихо пошла обратно по аллее. С танцплощадки неслась музыка, ритмы убыстрялись. Видны были силуэты самозабвенно танцующих.

Девушка вспомнила, что какой-то резкий крик разбудил ее ночью, долго после этого она не могла заснуть, еще и потому, что среди ночи пришла жившая с ней в комнате девушка и начала собирать вещи, — рано утром улетал самолет. Видимо, ей и подарили лебединое перо.

На парк опустилась темнота. В конце аллеи — нежный свет голубого платья — вскоре совсем растворился.

Перевод Евгения Гурова, 1988

ЯДОВИТОЕ ДЕРЕВО

Демиркан надел плащ, шляпу, взял трость и вышел на веранду. Погода стояла замечательная: висевший на стене термометр показывал +10°C, а небо над головой было чисто и безоблачно. Из Ботанического сада легкий ветерок приносил нежные запахи редких цветов и экзотических растений. За ними из глубины зеленых насаждений тянулось разноголосое пение птиц. Дом, в котором жил Демиркан, был действительно уникальным. В городе его называли «швейцарским домом». Стоял этот красивый старинный особняк, тесно прижавшись к кованной ограде Ботанического сада. Рядом с ним начиналась прямая, широкая улица, ведущая на набережную. Там, за колоннадой, к городской пристани причаливали большие океанские лайнеры и снова исчезали вдалеке, подобно миражу.

Дом Демиркана стоял в стороне от оживленных улиц, окруженный тишиной и покоем, но в последнее время это место заметили кинематографисты. Многодневные визиты кинематографистов Демиркан переносил как кошмарные сны. Почему-то снимали только детективы, действия которых разворачивались в далекой тропической стране, благо, обилие пальм создавало нужный колорит. Как-то режиссер одного из фильмов, оглядев Демиркана с головы до ног, предложил ему роль старого главаря сицилийской мафии. Демиркан вежливо отказался.

Сегодня он чувствовал себя неважко. Теплая погода в феврале почему-то не радовала. Не хотелось идти на набережную и видеть надоевшие лица знакомых пенсионеров. Они вечно говорят о политике, напоминая постаревших охотничих собак, давно потерявших нюх, но обожающих ходить на охоту. Беседа с Демирканом, обладавшим ранее властью, руководившим идеологией в республике, для них настоящий праздник. С большим трудом Демиркан уходил от подобных расспросов. Вот и сейчас на набережную идти не хотелось, но куда кроме набережной пойдешь в этом городе? Постукивая тростью, он направился к берегу моря. Улица была малолюдной, шел он медленно.

Подойдя к театру, постоял, вслушиваясь в шум воды, льющейся из пасть мифических грифонов. Постояв немного, Демиркан обошел скверик, где обычно собирались пенсионеры, дошел до кофейни и сел за свободный столик. Напротив, за персиковым деревом, сидела группа завсегдатаев. Чтобы не обращать на себя внимания, Демиркан повернулся к ним спиной, он слишком хорошо их знал. Высокий, пожилой мужчина говорил о музыке. Это был композитор Ламшац Цицба. Раньше, получив бразды правления художественной самодеятельностью, он поднял ее до расцвета. Бессмертная его песня о сборщиках чая, написанная еще в 50-х годах, до сих пор не выходит из репертуара различных местных художественных коллективов. Даже качество чая, значительно упавшее за последнее время, никак не отразилось на ее популярности. Правда, сегодня исполняют ее все реже и реже, однако правительенным концертам трудно без нее обойтись.

Надвинув шляпу на самый нос, медленно прошел вдоль кофейни Камас. Жил он неподалеку, в конце шумного двора. Здесь его называли «романист Камас». Когда-то он вошел в литературу романом о коллективизации, сейчас он в основном писал о герое, который

в эпоху перестройки активно борется за торжество истинно демократических преобразований.

Он был похож на одряхлевшего орла, уставшего от борьбы с врагами, ураганом и высотой. Казалось, этот старый, с облысевшей шеей орел, распустил крылья, вытянул хвост, тщетно пытаясь подняться в небо, давно забывшем о его существовании. Говорили, что это он посадил здесь персиковое дерево. Действительно, оно было чем-то похоже на него самого. Персиков на нем не было, однако высыхать не собиралось. И когда у Камаса кончались сюжеты, он приходил сюда набираться вдохновения, а заодно послушать, о чем говорят в народе. И действительно, чего только не услышит тот, кто умеет из сплетен делать литературу. Сейчас Камас, поставив ладонь козырьком, оглядел кофейню и направился к завсегдатаям, сидящим под деревом.

Подойдя он поздоровался с каждым за руку и еле заметно кивнул в сторону Демирканы. Когда-то Камас приходил к нему в кабинет и просил принять его в Союз писателей.

– Наверное, я помешаю вам, ввязываясь в ваш разговор, – обратился он к завсегдатаям. – Однако знаете, есть еще некоторые, к сожалению, никого не хотят знать, ни меня, ни тебя, ни другого. Сидят у себя в скользуле, ничего их не интересует. Однако, на мой взгляд, то, о чем здесь говорят, стоит иной раз и послушать.

Демиркан улыбнулся, вспомнив, что завсегдатаи говорят о нем, будто он читает всю годовую почту только в сентябре, уверенный, что ежедневное знакомство с прессой отвлекает писателя от литературной деятельности. Демиркан сейчас особенно явственно почувствовал уязвимость этой беззаботной, счастливой жизни: перед бурей бывает такое спокойствие и умиротворение.

– Да, ты прав, Камас, – откликнулся бывший тренер женской волейбольной команды Лесик. – Порой это заменяет кино, и концерт, даже театр сатиры и ми-

ниатюром под руководством нашего известного режиссера Пишкит-ипа Чанта.

Рядом с кофейней выстроилась очередь за мороженым. Смуглая продавщица ловко орудовала своим черпаком, проворно раскладывала мороженое по тарелочкам и с такой же ловкостью разливала сок по высоким фужерам. Холодильник, в котором находились бочонки с мороженым, дрожал, мотор работал с самого утра. Демиркан вдруг заметил, как один из высоких красивых фужеров, стоявших на холодильнике, медленно вибрируя, соскальзывал к самому краю. Он решил потом встать и предупредить продавщицу, а пока есть время, послушать, о чем говорит Лесик.

— Так вот, — воспользовавшись паузой начал Лесик, — прихожу я однажды на пляж, одет, как и подобает, по-абхазски; ну, галифе, сапоги мягкие, шелковая рубаха, поясом моего деда перетянута, кинжал на нем висит, застегнут я, естественно, на все пуговицы. Тутто со своей первой женой и познакомился. Она там рядом загорала. Ну, словом, зачем все подробности...

Вдруг, как выстрел, загремело из репродуктора:

— Катер отходит на морскую прогулку через десять минут. Желающие пройдите на посадку, билеты можно приобрести в кассе у входа на причал.

— Чтоб тебя унесло на середину моря! — ответ из-за соседнего столика последовал незамедлительно.

— Провод надо щипцами перерезать!

— Не поможет! Лучше ее вместе с будкой в море выкинуть!

В ответ вежливая кассирша опять пригласила всех на прогулку.

— Да, о чём я говорил? — опять решил перехватить инициативу Ламшац.

В это время фужер упал и разбился вдребезги. Все посмотрели туда.

Демиркан отвернулся. Он хотел уже уходить, но знал, что его заметил Камас и уйти теперь было не так-то просто.

– Так на чем я остановился? – еще раз спросил Лесик и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Как-то в Москве сижу я с Наташой в ресторане «Останкино». Одет как всегда по-абхазски, конечно: ну, галифе, сапоги мягкие, шелковая рубаха, перетянута дедовским поясом, кинжал на нем висит, на все пуговицы застегнут: в общем как все тогда у нас ходили. А певец на сцене поет что-то – не могу понять. Тогда встаю, подхожу, отбираю у него микрофон и читаю наизусть стихотворение Есенина: «Где-то плачет иволга, склоняясь в дупло». Я и сейчас его люблю, не то, что тогда. Неожиданно встают из-за соседнего стола офицеры, поднимают меня и начинают в воздух подбрасывать. Видно, стихотворение им очень понравилось. Вдруг подходит к ним Наташа, просит, чтобы на ноги меня поставили, и, взяв меня за руки, говорит так страстно: «Ах, ты мой гусар!»

В это время Демиркан встал и тихо пошел в сторону причала. За столиком, заметив его, притихли. Он чувствовал, что сейчас будут говорить именно о нем. Поэтому, не оглядываясь, шел все дальше, пока не скрылся за густо разросшимся олеандром.

– Как мы его только не заметили, – сказал Камас, – рядом с нами сидел... И как только его земля держит! Знаете, что он другом Берия был? Как только Берия в Сухум приезжает, обязательно к нему зайдет. Ничего, скоро я напишу об этом. Сейчас уже все можно писать! – смело выкрикнул и потряс кулаком Камас в сторону олеандра.

А Демиркан ушел уже далеко. Возвращаясь, он решил еще немного погулять и, не заходя домой, прошел вдоль ограды Ботанического сада. Неожиданно он оказался у входа в сад.

Демиркан подошел к воротам, почему-то купил красочно оформленный буклеть «Сухумский Ботанический сад». Скользнув взглядом по памятнику Нестора Лакоба, он скрылся в глубине сада. «Странно, что я здесь не был так давно», – подумал он, остановился, слушая, как тихо шумит буйная растительность.

Старик вдруг заметил, что стоит рядом с ядовитым деревом, к которому подошла группа туристов.

Демиркан, оглядев ничем не примечательное деревце, прислушался к рассказу экскурсовода: «Достаточно упасть капле сока Сумаха лаконосного на кожу человека, и человек заболевает болезнью типа экземы. Способов борьбы с этой болезнью не существует. Болезнь обостряется весной, во время вегетации, и в конце концов человек погибает. Однако, на родине этого дерева научились из ядовитого сока изготавливать уникальный лак, надолго обеспечивающий прочность определенному предмету. Изделия, покрытые таким лаком, очень высоко ценятся. Лак по своей природе бесцветен, но красителями ему можно придать любые оттенки. Время цветения дерева зависит от погодных условий...».

Демиркан улыбнулся, глядя на плющ, который нежно обивал тонкий ствол ядовитого дерева, интуитивно догадываясь о том, что время это, пока тихое и спокойное, время перестройки и демократизации, скоро выпустит страшный яд национализма, от которого будут ломаться судьбы многих людей и даже народов.

Погода для зимы стояла слишком теплая, ядовитое дерево скоро зацветет.

Демиркан вышел на узкую бамбуковую аллею. Перед тем, как выйти из сада он опять скользнул взглядом по памятнику Нестора Лакоба. Демиркан вспомнил о последней встрече со Сталиным в Мюссере, на его даче.

Утром, 11 сентября 1949 года в своем кабинете ему позвонил Акакий Иванович Мгеладзе, первый се-

крайтарь Абхазского обкома ЦК КП Грузии. В машине Демиркан узнал, что они едут в Миоссеру. Он покосился на толстую папку, которую держал в руке лидер коммунистов Абхазии. Это было секретное донесение на Лаврентия Берия, в котором среди прочих фигурировало и обвинение в том, что по его личному указанию рекомендовалось Абхазию заселить исключительно мегрелами, игнорируя грузин. К Сталину пропустили только Мгеладзе. Демиркан сел на стул в приемной, приготовился к долгому ожиданию Акакия Ивановича. Но, к удивлению Демирканы, примерно через сорок минут Мгеладзе вышел из открывшейся двери кабинета, за ним вышел сам Иосиф Виссарионович. Демиркан вскочил с места, с колотящимся сердцем. Stalin еле заметно кивнул в его сторону, немного задержавшись у двери и неожиденно окинув взглядом Демирканы, спросил:

– А где Нестур?

Словно молнией поразило Демиркану сомнение: «Неужели Stalin не знает о том, когда и как умер Лакоба?..»

Акакий Иванович сбивчиво стал что-то говорить о том, как коммунисты автономной республики под твердым руководством Вождя сурово осудили возглавляемый Лакобой котрреволюционно-троцкистское движение в Абхазии, имевшее место в конце тридцатых годов.

Stalin слабо махнул рукой и зашел обратно в кабинет.

Именно в этот день в голове у вождя окончательно утвердились все детали «Мегрельского дела» и наметились контуры будущего «Еврейского дела».

Сидя за письменным столом Stalin вспоминал, как здесь в Миоссере прогуливаясь с Нестором Лакоба, он упрекнул своего друга в том, что православные храмы все еще действуют в Абхазии. «Неужели звон колокола Лыхненского храма так мешает в Кремле?» –

спросил Лакоба. Благодаря такому ответу не был закрыт тысячелетний Лыхненский храм...

Вечером, за дружеским ужином подарив Нестору свою фотографию с автографом, Сталин пошутил: «Я Коба, а ты – Лакоба»

В этот день, когда Мгеладзе нанес визит Сталину в Мицхете, Берия в Москве готовил второе дело «О выселении абхазов» (почему-то засекреченное до сих пор), но он не знал о том, что против него самого уже готовится «Мегрельское дело». Трижды Берия предпринимал попытку, выселить абхазов – в 1944, 1949 и 1953 годах. Дважды Сталин это отклонял, а третья попытка была предпринята уже после смерти Сталина, но неожиданно был расстрелян сам Аматапишвили. Такое прозвище для Лаврентия, означающее по-абхазски «змей», придумал Лакоба, который знал о многом, касавшегося Берия, например, что он – незаконнорожденный сын абхазского дворянина Лакербая.

Ляу (так звали Лаврентия в детстве) научился ловить змей, чтобы отбиваться от своих сверстников. Неожиданно взметнувшись вверх руку, с зажатой в ней головой змеи, он сам переходил в наступление. Увидев змею, извивающуюся в руке ехидного мальчугана Ляу, которого они часто колотили, пацаны разбегались в разные стороны.

Подобно шарам в бильярдной игре, три дела: «Мегрельское», «Ерейское» и «О выселении абхазов» склестнувшись между собой, свели в могилу своих авторов – Сталина и Берия.

У входа в Ботанический сад Демиркан постоял некоторое время, не зная куда идти. Он обернулся и скользнул взглядом по памятнику Нестора Лакоба, который прятался за широкими листьями бананового дерева.

Перевод Александра Бардодыма, 1988

НА ПРИЧАЛЕ

Прогулочный катер, набитый новой группой желающих «принять загар» на Медицинском пляже, медленно пересекал Сухумскую бухту. Наконец, он подошел к причалу и, замедлив ход, мягко ударился о сваи, которые поддерживали деревянный настил.

Прибывшие пассажиры гурьбой высыпали из катера, а на смену им уже спешили отдохнувшие пляжники, некоторые – одеваясь прямо на ходу. Я тоже взял билет в кассе у входа на причал и прошел на катер.

Вскоре пассажиры заполнили все места на небольшом суденушке, но капитан не спешил отчаливать обратно, к центру города. Волны ритмично приподнимали катер и терли его борт о сваи, при этом получался звук, похожий на скрип колес перегруженной арбы. Разморенные полуденным солнцем и притихшие пассажиры сидели, с нетерпением ожидая, когда же катер отчалит.

В этот момент на причале появилась маленькая, лохматая, грязная собачонка. Она остановилась у катера, высунув язык и учащенно дыша. Видно, она страдала от жары, а может быть, ее раздражали визг и хохот купающихся... Собачка склонила голову набок, глядя в сторону берега.

– У вас есть питьевая вода? – нарушил вдруг тишину голос одной из пассажирок – дамы лет сорока пяти. Она обращалась к старому матросу, дочерна загоревшему, в выцветшей тельняшке. Он стоял у входа на катер, придерживая открытую дверцу.

Пассажирка направилась к нему:

– Видите, как мучает жажду эту бедненькую собачку.

– Сама найдет где пить, мало что ли луж! – оборвал женщину матрос.

Женщина, видно, не ожидала такого категоричного отказа. Опешив от грубого ответа, она даже попятилась, но, видя, что пассажиры обратили внимание на нее, решила стоять на своем:

– Я прошу вас! Вам что, жалко воды? Да и как собака будет пить из лужи, она же умрет!

Некоторые из пассажиров улыбались, некоторые смотрели на них с недоумением, словно говоря: и охота же кому-то в такую жару разговаривать...

– Не то что собака, мы тоже не раз пили воду из луж, ничего с нами не случилось! – отрезал старый матрос с несколько надменным лицом видавшего виды человека.

Но вдруг, неожиданно для всех сдавшись перед напором женщины, молча зашел в каюту и вышел оттуда с грязной тарелкой, в которой плескалась вода. Пока они препирались, собачонка смотрела то на одного, то на другого из спорящих.

Женщина поспешила взять из рук матроса тарелку с водой, поставила перед собачкой и позвала: «Пей, бедненький мой песик!».

Собачка подошла к тарелке, понюхала, но не стала пить воду. «И из-за этого вы столько ругались?» – будто хотела сказать она. Женщина смущалась, не зная как повести себя. Потом обвела взглядом пассажиров, словно ища поддержку. Но пассажиры молчали, хотя кое-кто из них улыбался.

– Говорил же я тебе, что не будет собака пить! – вернулся к поучительному тону человек в тельняшке.

Он вылил воду в море и отнес назад свою тарелку. Дама ничего не ответила, но осуждающе посмотрела

на него, словно он был виноват в том, что песик не оценил ее сострадания.

Впрочем, через некоторое время о женщинае, и тем более о собачке, пассажиры благополучно забыли, потому что катер громко стучал мотором отошел от причала и, медленно развернувшись, направился через бухту к городскому причалу. Все любовались панорамой города: на фоне сиреневых гор четко выделялись белые корпуса военного санатория, утопающие в зелени, а за ними – силуэт драматического театра.

Вскоре катер пришвартовался к городскому причалу. Старый моряк открыл дверцу, перекинул трап на причал и стал по одному выпускать пассажиров, поддерживая их под руку. Когда очередь дошла до той самой женщины, она грубо оттолкнула его руку и вышла без помощи.

– Я что, виноват, что она не выпила воду? – обиженно сказал старый матрос вслед женщине.

– Конечно, собачка не стала бы пить воду у такого старого хрыча, – бросила женщина, убирая шаги по деревянному настилу причала.

Толпа пассажиров вскоре растворилась среди гуляющих по набережной.

Перевод Виталия Шария

ФОТОГРАФИЯ

Мы встретились в городе, около здания горсовета, Я увидел ее в толпе, рядом с сыном лет десяти. И сразу узнал, хотя прошло столько времени... В годы ранней юности я думал, что ее ангельский облик будет вечно пленительным, что я так и буду взволнованно ждать ее появления из-за поворота и провожать ее взглядом и бешено колотящимся сердцем.

Улицу, по которой она ходила в школу, я помнил еще тропинкой, потом – проселочной дорогой, позднее ее заасфальтировали.

И вот она передо мной, ее лицо увяло, а сын – просто ее копия времен нашей юности.

– Подари мне фотографию тех лет, – неожиданно предложил я на прощанье.

– Что, сейчас я хуже? – спросила она.

Я ничего не ответил, мы разошлись. Больше я ее не видел. И впервые ощутил, что полностью излечился от очень затяжной болезни...

После войны я бесцельно бродил по разрушенному городу и однажды оказался возле ее дома. Тяжелые ворота у двора были распахнуты, на них краской коряво выведено «занято». Неожиданно волнуясь – я впервые попал во двор ее дома, я поднялся по лестнице и вошел в опустошенное, разграбленное помещение.

В хаосе разбросанных по полу вещей, одеял, посуды, битых черепков, разорванных подушек я заметил

и фотографии. Там была и девочка лет двенадцати. В оранжевом сарафане она сидела на каменной ограде возле ворот. Рядом стоял отец и придерживал ее за руку. Я поднял этот снимок и тихо покинул дом.

Именно такую фотографию я просил у нее. И получил. Видимо, все, чего человек просит искренне, даже не у Бога, он получит со временем. Может быть, искренняя просьба из тех, что никому не приносит зла, напоминает молитву?

Перевод Маргариты Орелкиной

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ЭВКАЛИПТЫ

Как-то встретил одного старого друга. Поговорили о том, о сем, посмеялись: было о чем вспомнить. Мы вышли на набережную, прошли Брехаловку и направились вдоль берега моря к речке Беслетке. В эвкалиптовой роще, у впадения в море реки, вспоминали о том, как мы с ним брали здесь лодку напрокат. По гладкой поверхности реки быстро проносились байдарки и каноэ, а небольшой шторм каждый раз менял устье реки, создавая проблемы для лодочников, выходивших в море на рыбалку.

Мы стояли на площадке, под огромным эвкалиптом, где когда-то красовалось изящное здание городской библиотеки из дерева и стекла.

Вдруг мой собеседник поднял глаза и стал глядеть куда-то вверх, в густую корону эвкалиптовых деревьев. Тихий звон листьев на ветру гармонично сливался с шумом прибоя.

– Они мне приснились, вот эти два эвкалипта, – сказал он, как бы разговаривая сам с собой, – как они любят нас! – продолжал он уноситься мыслями в мистическое сновидение, – они переживают за нас, они больше знают о нас, чем мы сами о себе...

– И о чём поведали тебе эвкалипты? – мой вопрос вернул его в реальность.

– Два эвкалипта разговаривали друг с другом, и я слышал их разговор. Один говорит другому: «Абхазия победила в войне, Россия признала ее, много

гостиниц, кафе построено, даже старый стадион заново строится. А вот нашу библиотеку так и не построили. Как здесь было хорошо, тихо и спокойно, а люди сидели в библиотеке и читали...»

– Хорошо, что это место библиотеки пока никто не занял под строительство кафе, – сказал я.

Мы постояли еще некоторое время. Ноябрьское солнце щедро заливало ярким светом море и разливвшуюся Беслетку. Шум морского прибоя, напоминал голос горного водопада.

БААЛОУСКАЯ ОСЕНЬ

Едги залил костер вином, оставшимся в ведре. Вместе с дымом костра в ноздри ударил густой виноградный дух.

Туристы ошеломленно ахнули из-за вылитого вина. Едги сказал, что именно так нужно в лесу гасить костер по горскому обычая. Туристы, всегда склонные верить тому, что им говорят в незнакомых краях, тем более проводники, окончательно успокоились. Едги дал команду, и все пошли к лошадям.

В общей суматохе Едги подошел к высокой стройной блондинке. То ли от выпитого вина, то ли от вылитого добра, то ли от пьянящего горного воздуха, весело хохоча, нерешительно топтаясь она около ребристой, жилистой лошади, мотавшей головой. Едги придержал стремя, куда вставила ногу туристка, помог ей взгромоздиться на лошадь, но не спешил дать в руки поводья. Лошадь громко фыркнула и отошла. «Но, Кумча!», – прокрикнул Едги на лошадь, строго дернув поводья.

Кумча (так звали лошадь) мотнула головой, и нехотя тронулась.

Группа возвращалась в прохладе вечереющего леса. Буковые деревья пропускали спокойный свет сентября. Ехавшие впереди запели популярную туристскую песню.

Едги замыкал ряд, приотстав от группы.

Лошади сами уверенно шли по знакомому ежедневному маршруту.

…Этим летом, когда началась антиалкогольная кампания, известный поэт и журналист Едги обварил

ногу кипятком, опрокинув чайник, и сосед отвез его в травматологический пункт. Медсестра обработала рану. Едги скрипел зубами от боли. Нога горела, медсестра наложила мазь и начала делать повязку.

Тут в дверях и возник мужчина, который нес на спине молодую женщину в грязном спортивном костюме. Женщина тихо постанивала. Врач тут же помог унести женщину в соседнюю комнату. В человеке, который принес эту женщину, Едги узнал своего старого приятеля, бывшего журналиста, Данакая. Когда-то они вместе работали в радиокомитете.

– И ты тут? – удивился Данакай, увидев Едги, и тряхнул его руку.

Оказалось, что Данакай сейчас работает директором конной турбазы.

– Как только выздоровеешь, тотчас приезжай, мне нужны талантливые, с поэтическим даром люди – предложил он, – назначим тебя старшим инструктором. Красивейшие места, турбаза открыта рядом с легендарной пещерой Абрскила. Целый день на свежем воздухе, настоящая мужская жизнь, не то, что сонная возня в городе, – зычным голосом агитировал Данакай коллегу.

Едги смотрел на его энергичную голову и думал, что Данакай почти не изменился. И журналист, и спелеолог, и экскурсовод, знаток всех горных троп Абхазии, теперь, вот директор конной турбазы.

– Короче, никаких отговорок, – решительно заявил Данакай. – Договорились. В конце месяца я жду тебя!

Когда за ним громко хлопнула дверь, медсестра засмеялась.

– Такому человеку отказать нельзя, – сказала она, – Придется Вам ехать.

Едги промолчал, но уже решил, что это будет хорошим выходом, два-три месяца в горах, чтобы встряхнуться и набраться новых впечатлений, сам Бог ему послал Данакая. Кстати, женщина, с вывихнутой рукой,

которую Данакай принес, оказалась туристкой. Она упала с лошади.

Как только нога зажила, жарким днем, после двухчасовой тряски на автобусе Едги Дзадзба приехал в село Баалоу. Данакай встретил его и, показав двор, хозяйство, наскоро ввел в курс дел и уехал в горы, – открывать новую пещеру, возложив обязанности директора на Едги.

Тринадцать лошадей, столовая, деревянные домики для туристов, танцплощадка и конюшня – все хозяйство турбазы.

В обязанности Едги, новоиспеченного старшего инструктора, входила встреча вновь прибывших туристов и вступительная беседа с ними. Едги знакомил их с историей и современным бытом села, рассказывал о богооборце Абрскиле, абхазском двойнике Прометея, который за соперничество с Богом был заточен в глубокую пещеру.

Остальное шло наезженным путем. Туристы размешались по домикам и жили в предвкушении конной поездки к знаменитой пещере. Среди туристов преобладали женщины, которые при виде живой лошади радостно замирали.

Работа на турбазе не была обременительной. Инструктором мог работать любой сельский парень. Какой абхаз не умел придержать стремя и помочь усесться на лошади? Свободное время Едги убивал на оформление тур кабинета и эпиграммы на сотрудников.

Собрав новых туристов в кабинете, он представлял им молодых инструкторов и на каждого зачитывал четверостишие. А вечерами у костра он пел эти же эпиграммы:

Есть у нас еще два брата –
Два абхазских акробата.
Хампал скачет на коне,
А Даурчик – на вине!

Едги любил сидеть по вечерам в дружной компании. Первозданная природа, треск костра, запах вина и мамалыги с горным сыром, нежные профили женщин и силуэты пасущихся невдалеке лошадей, настраивали его на лирический лад. Он понимал, что и это время когда-нибудь кончится, и вернется он в скучную городскую жизнь... Но это потом. А сейчас, при виде лошадей рождались такие строки:

Пусть простят меня за нетактичность.
Некоторых, так сказать, людей,
Потерявших собственную личность,
Я б легко сменил на лошадей.

Едги читал вслух, туристы восторженно аплодировали, треск костра придавал стихам ритмичную звучность...

И недаром воспевалось, все-же,
В песнях отшумевшей старины
То, что лошадь золота дороже,
Подороже и иной жены!

При этом, Едги строгим взглядом обводил недавно прибывших симпатичных туристок, вводя их в некое оцепенение и приятное возбуждение.

Бывало, когда кончались продукты, туристы собирали в лесу грибы и варили суп. В первые дни Едги с ужасом хлебал суп с грибами. Не мог же он в присутствии девушек показать, что он боится есть суп с грибами, тем более, что все с аппетитом ели вкусный, благодаря всемирно известной абхазской приправе – адже, грибной суп. После обеда бесстрашные туристы обычно загорали во дворе турбазы, на чистом воздухе, на раскладушках, вынесенных из домиков. А Едги, в первое время, сидел на лавке под орехом и ожидал приближения смерти, опасаясь, что в суп попали

ядовитые грибы. Но потом он привык, потому-что, человек ко всему привыкает.

Как-то Едги привел группу туристов в пещеру. Пещера была бесконечна, и никто не знал, сколько в ней километров.

Часа два туристы шли в глубину пещеры. Вдруг фонарь погас. Видно, испортился. Больше ни у кого не было фонарей. Среди туристов поднялась паника.

Туристы стали громко плакать, плач отдавался эхом, как вой. Кое-как Едги успокоил группу и стал рассказывать легенду о богооборце, о том, как однажды отважные люди с зажженными факелами и свечами проникли вглубь пещеры. С собой они взяли несколько молов, нагруженных продуктами. Они громко звали Абрскила, хотели его освободить. Долго шли они по пояс в воде, изнемогая от холода. Нелегко им было идти в низкой пещере с неровным сводом. В это время Абрскил, стиснув зубы, расшатывал столб. Вот, услышал он людские голоса, радостно заржал и прикованный араш, Во тьме блеснул луч света.

Из мрака пещеры раздался голос Абрскила:

– Не добраться вам, люди, ко мне. По мере вашего приближения Бог удаляет меня от вас, вернитесь обратно! Чтобы не сбиться с пути, когда кончатся свечи, ухватитесь за хвосты своих молов, и они выведут вас из пещеры...

Едги закончил рассказ, и вновь в пещере раздались плач и рыданье. Особенно громко плакали мужчины, слезы выступили и в глазах Едги, но в темноте никто ничего не мог разглядеть.

Воодушевленная рассказом Едги, одна из туристок крикнула в темноте:

– Вот ты и будешь нашим мулом! – нащупала подол его рубашки и зажала его в кулаке. Остальные выстроились друг за другом, держась за руки, в цепочку. Едги двинулся вперед и с большим трудом вывел своих подопечных. После этого случая, он поручал экскурсии в пещеру опытным инструкторам.

Группа туристов на лошадях выехала из лощины и по проселочной дороге направилась в сторону пещеры Абрскила.

Кумча всю дорогу думала о своей тягостной жизни. Она могла радоваться, только вспоминая свою молодость, особенно первую любовь. Даже о старом лошаднике Хаджгуате, который ее укротил, было приятно думать. На какие ухищрения он пускался, чтобы оказаться у нее на спине! Долго ему это не удавалось, и, наконец, он вспрыгнул ей на спину, а Кумча понеслась вниз по дороге к речке Цикуара. Не доскакав до речки, она сумела сбросить с себя Хаджгуата, и он упал, пролетев метров десять, но так же быстро вскочил. Как он остался жив, непонятно. Кумча не помнила, когда уступила Хаджгуату: то ли ей надоело это укрощение, то ли она пожалела бедного наездника, который и не думал отставать от непокорной лошади. Так или иначе, она сделала вид, что укротилась, и Хаджгуат быстро успокоился.

После этого Кумча несколько лет подряд участвовала в скачках. И все время на нее садился Котик Цицба, который ей сразу не понравился. Она его несколько раз сбрасывала с себя и выходила из крута. А в последний раз, когда она его сбросила, он так сильно разбился, что сам не смог встать, его подняли и понесли. Кумчу, конечно, поколотили. Но она сохранила свою норовистость.

Потом у Кумчи была любовь с красавцем-жеребцом, и Кумча родила. Жеребенок был такой маленький и мокрый, что она облизывала его и сушила дыханием. Правда, ребенка она недолго воспитывала. Его продали куда-то в далекое село. Прошло время, и Кумче на шею надели хомут. Очень он ей не понравился. Уж лучше бы этого Котика Цицба на себе таскать, чем этот хомут. Но куда уйдешь от судьбы?! Долго она тянула хомут. И когда уже ее ребра можно было пересчитать, ее отпустили в поле, и никого не интересовало ее существование. Как говорят люди, курица разгребала му-

сор и нашла нож, которым перерезали ей горло. Так и с Кумчой. Как открыли конную турбазу, Кумча вместе с другими клячами стала обслуживать туристов. Кумчу схватили первой, потому что она любила пасть возле пещеры. За время своей жизни при конной турбазе Кумча так изучила туристов, что чувствовала их на расстоянии, даже запах их одежды выводил Кумчу из себя.

Кумча сбросила с себя одну туристку так, что та пле-cho вывихнула: при Кумче туристка отдалась инструктору – и была наказана. «Судьба меня наказала», – говорила, когда Данакай вез девицу в городскую больницу. Без девицу на Кумче.

«Дура ты, – думала Кумча, – не судьба тебя наказала, а я. Разве можно без любви отдаваться?! Да и к тому же в присутствии посторонних. Лошади могут позволить себе делать ЭТО в присутствии посторонних лошадей, и даже людей, потому-что, у лошадей все получается естественно и гармонично, не так как у людей – пошло. Она негодовала даже на стихи старшего инструктора про лошадей, когда вникла в их суть. В ярость приводили ее строки, где поэт предлагал людей поменять на лошадей. «Да какая же лошадь захочет стать человеком?! Дурни вы!» – хотела крикнуть Кумча, но она была лишена этой возможности.

Хотя остальные строки в этом стихотворении все же нравились Кумче, она даже выучила их наизусть и повторяла иногда.

Около Рассеченного Камня группа туристов догнала ехавших впереди двух стариков на лошадях. Они ехали, переговариваясь. Когда поравнялись со стариками, одна туристка, залюбовавшись лошадьми, крикнула:

– Дедусь, а дедусь, давай лошадьми поменяемся!

Кумче нравилось слушать стариков. Она от них впервые услышала про араша Сасрыквы. От араша произошли все лошади.

Камшиш промолчал. Он ехал, свесив голову. Казалось, что он спит на ходу, но вдруг, подняв голову, обратился к Хуатхуату:

– Эх, время, в котором стоим...

Хуатхуат, тоже поглядев в сторону странной ка-
валькады, проговорил:

– Сдается мне, что эта жизнъ возле пещеры плохо
кончится...

Придя на турбазу и съев грибной суп, туристы рас-
слабились: кто бренчал на гитаре, кто играл в волей-
бол, а кто просто так лежал на лужайке во дворе турба-
зы; девушки загорали.

Едги распорядился проверить продукты, спрятан-
ные в пещере. Дело в том, что назавтра намечалась
встреча и размещение новой группы. Накануне полу-
чили долгожданные продукты из города. Из-за частого
отключения электроэнергии директор турбазы Дана-
кай поручил спрятать продукты в холодной пещере бо-
гоборца Абрскила.

Лошади мирно щипали траву поблизости. Кумча
отошла подальше, к одинокому грабу. На душе было
скверно, даже не хотелось обшипывать траву. Когда же
кончится это ненавистное время?

«Нужна какая-то перестройка», – думала она.

Это послеобеденное затишье, расслабленность
были похожи на затишье перед грозой, потому, что ве-
чером здесь должны состояться танцы с участием тури-
стов и гостей турбазы – деревенских парней. Некото-
рые предпочитали продолжать пить вино «Изабелла»
и смотреть на танцующих. Оркестр заменял обабхазив-
шийся свердловчанин, штукатур Михал Михалыч со
своей «хромкой». Гармонист он был отменный. Испол-
нял мелодии и ритмы всех времен и народов. Особен-
но виртуозно получались у него абхазские танцеваль-
ные мотивы.

Танцы раздражали председателя колхоза и Кумчу.
Первый написал письмо в районный центр о нецеле-
сообразности функционирования в селе турбазы, ибо

она отвлекает молодежь от работы и общественно-полезной деятельности. А Кумча каждый вечер с недоумением смотрела на танцы издалека. Ей именно так хотелось мотать головой, дрыгать ногами, подпрыгивать, когда в жару начинали терзать так называемые «собачьи» мухи.

...На рассвете неожиданно подул порывистый ветер и грянул гром. Разразилась страшная гроза. Кумча вздрогнула от ослепительно блеснувшей молнии. Гром сотрясал землю. Ливень заливал глаза. Казалось, с неба обрушаются не струи дождя, а опрокинулась бездна воды.

Речушка, вытекавшая из пещеры, обратилась бурной рекой, подхватила все продукты: масло, кур, крупы, мясо, и понесла в стремительном мутном потоке. Лошадь осенила радостная мысль: может, закроют эту турбазу – и наступит свобода!

Немногочисленные работники турбазы: инструкторы, сторож, экскурсовод и повар проснувшись прибежали и кинулись спасать продукты. Прибежал Едги и бесстрашно бросился в реку. Ему даже удалось поймать две куры в целлофановом пакете.

Кумча догадывалась, чем все это закончится. Она уже многое могла предсказать. Лошадиная логика и интуиция не уступает человеческой : туристы пожалуются в город, что их кормят только грибами.

В прошлый раз аналогичную жалобу написали в Республиканский Совет по туризму, когда деревенские свиньи съели все съестные припасы, приподняв своими длинными рыхлыми край палатки, где хранились продукты. Из города приехал старший инспектор налоговой инспекции, и вместо того, чтобы заняться расследованием дела, принялся ухаживать за туристками.

«Всему наступает конец», – рассуждала Кумча.

В ноздри ударили дух свободы. Хотелось жить, дышать, скакать!

ГОРА МУДРЕЦОВ

Из абхазских народных преданий

Раньше Едрат умел предсказать все, что произойдет через семь лет.

Но, люди постепенно стали забывать о нем. Обращались к нему все реже и реже, поэтому, сила его дара иссякла наполовину. Так, он доживал свои дни вместе с женой и старой матерью, которой шел 141-й год.

Однажды Едрат сидел на скамье под орехом и, опершись на посох, размышлял о кровавой звезде, которая явилась ему в сновидении. Явление предвещало войну, но какую войну, Едрат не мог понять, ибо дар его начинал терять силу. Устав вглядываться в будущее, Едрат обратил взор в прошлое, движением посоха прогнав индюшек, мешавших ему сосредоточиться.

Перед глазами его встали волнующие картины давно минувших тысячелетий. Он воочию видел, что произошло три тысячи лет тому назад. Он видел своего знаменитого предка, родоначальника рода Акун-ипа, Хатажукву, когда будущий охотник и афырхаца был еще в колыбели.

...Под видом простого человека, верхом на муле Ажвейпш въехал в село Блаа. Очень редко, раз в семьсот лет, покидал Ажвейпш свое жилище, скрытое от людей на вершине Горы Мудрецов, где он проживал вместе со своим сыном Иоанном и вечно юными дочерьми.

Проезжая мимо бедного хозяйства с покосившейся апацхой во дворе, он решил зайти в гости к хозяину. Из апацхи вышла молодая женщина и пригласила в дом спешившегося гостя. Женщина сказала, что хозяин

недавно погиб в бою. Она, прося извинить ее за недостойную встречу, усадила гостя на арымдзе и начала готовить мамалыгу.

В углу апацхи стояла люлька и приглядевшись, апааимбар увидел, что ребенок мертв. Когда он въезжал во двор, женщина держала в руках только что умершего ребенка. Увидев гостя, она положила его в люльку как живого и вышла к нему навстречу.

– Ребенка нужно покормить, – сказал апааимбар, пристально глядываясь в лицо младенца. Когда женщина подошла к люльке, она увидела живого и улыбающегося ребенка. С глазами, полными слез от радости, она побежала к старику чтобы поблагодарить его.

– Скажи, чего бы ты хотела? – спросил женщину апааимбар.

Вдова Акун-ипа Мзаучка ответила ему:

– Ничего мне не надо. Я хочу только воспитать своего сына настоящим человеком.

Старик, не притронувшись к еде, поблагодарил женщину за гостеприимство и выехал со двора, сказав:

– Этот мальчик будет настоящим охотником; ему будет покровительствовать владыка Ажвейпш.

Хатажуква (так звали мальчика) вырос ловким, статным и отважным юношем. Он был страшным охотником. Однажды Хатажуква охотился в горах, шел по следу косули и неожиданно оказался в гуще непрходимых дебрей. С трудом нашел тропу со следами косули и вскоре вышел на красивую поляну. Резвая косуля, которую он преследовал, затерялась среди других серн и косуль, мирно пасшихся на поляне. Оказавшись на ровной, зеленой поляне с целым стадом диких животных и увидев белобородого старика в конусообразной шапке, охотник остановился как вкопанный.

Старик, закончив доить олениху, окликнул охотника:

– Зайди ко мне, дад. Добро пожаловать!

Охотник сразу догадался, что он в гостях у владыки Ажвейпша и пошел вслед за ним. Дом Ажвейпша был наподобие конусообразной апацхи, но по размеру больше,

и был сделан из меди. Ажвейпш, войдя в дом, перелил оленье молоко из аныги в большой медный котел. Акун-ипа помог ему повесить котел на очажную цепь.

— Охотник, ты устал с дороги, поешь и отдохни, — сказал Ажвейпш, усаживаясь напротив него.

В дом вошли семь нескованно красивых, вечно юных дочерей владыки и одна из них, самая младшая, поставила на стол ахарцуы в самшитовой тарелке. Хатажуква съел три ложки и почувствовал, что сыт. В честь гостя Ажвейпш зарезал одну из косуль, сварил мясо и подал гостю лопатку. Хатажуква своим охотничим ножом отрезал от лопатки три ломтика мяса и съел, а нож украдкой воткнул между мясом и костью лопатки,

После еды Ажвейпш собрал остатки мяса и кости, сложил их в шкуру косули и ударил плеткой. Косуля тут же ожила и побежала. Уже вечерело, и Акун-ипа согласился на предложение Ажвейпша переночевать у него в доме.

Они сидели у горящего очага.

— Что ты видишь во дворе, охотник? — спросил Ажвейпш. Хатажуква понял слова апааимбара и невольно оглянулся, разыскивая прекрасных дочерей его, но ни-где их не увидел, только семь серн резвились на лужайке.

— На что ты смотришь, что ты увидел во дворе? — повторил старик.

— Серны играют на поляне, — ответил пастух.

— Это мои дочери, они могут превращаться в серн, — сказал старик.

— Их одежда лежит под тисом. Крайнее платье — это младшей дочери.

— Постарайся подкрасться и незаметно унести ее одежду. Ты станешь мужем моей младшей дочери, но смотри, если когда-нибудь оскорбишь ее чем-нибудь, ты ее навсегда потеряешь. Помни всегда, что я тебе сказал, моя дочь родит тебе прекрасных детей, она будет жить с тобой, пока ты ее не обидишь, — сказал пророк. — А теперь иди, попытай счастья.

Хатажуква подкрался к одежде младшей дочери апааимбара и схватил ее. Серны увидели мужчину и мгновенно превратились в девушек. Старшие схватили одежду, быстро оделись, а младшая прикрыла свою наготу длинными волосами.

– Вот наш зять! – воскликнули старшие сестры и окружили гостя.

Пастух отдал одежду девушке, и все пошли к жилищу Ажвейпши. Пророк устроил ужин в честь зятя: он зарезал тура, козу и зайца; мясо положил в котел, а кости и шкуру собрал в кучу. Ажвейпш ударил своей плеткой по останкам, и кости мгновенно покрылись мясом и шкурой. Тур, коза и заяц ожили и вмиг исчезли. Только такая дичь, съеденная и воскрешенная Ажвейпшем, попадается на глаза охотнику, иных животных не дано увидеть никому.

Ажвейпш после угощения благословил их, сказав, что дети, рожденные его дочерью, будут такими же отважными и сильными, как Нарты, его племянники, когда они были в силе и славе.

– Бедная Гуаша, она одна живет в нартском доме, былая красота померкла, постарела, не узнать ее. Ее красота, ум, адоуха были бессмертны до тех пор, пока зависть и гордость не вселились в сердца ее сыновей... Бедная моя сестра... – проговорил Ажвейпш.

– Владыка, почему эта гора называется Горой Мудрецов? – спросил Хатажуква.

– На эту священную гору иногда спускается пророк Илия, он приходит в гости ко мне, – ответил Ажвейпш, и стал невидим.

Прошло три года. Охотник Хатажуква счастливо жил со своей женой. Единственное, что его огорчало – он не видел своих детей. За это время жена охотника родила троих детей. Первый раз родила девочку и отдала ее на воспитание косуле, второй раз – мальчишка и отдала его на воспитание орлу, в третий раз опять родила сына, и отдала на воспитание медведю.

Пошел однажды отважный Акун-ипа на охоту, в горы. Соседи знали, что Хатажуква не вернется с пустыми руками, и ждали его на краю села к вечеру того же дня. Вскоре показался охотник с убитой косулей. Односельчане затянули песню в честь Ажвейпша:

Уаа Ажвейпш – Жвейпшыркан!
Прими нашу мольбу, великий,
Ты, дарящий нам счастье!
Шлем благодарность за богатую добычу,
Уаа радари, уаа гурчачга!

Молодые подбежали к Хатажукве и взяли у него косулю. Все подходили и смотрели на рану – стрела попала в самое сердце косули. Вечером во дворе Акун-ипа собрались односельчане, освежевали косулю, сварили мясо и подали гостям вареное мясо вместе с мамалыгой. Хозяину, как смелому и удачливому охотнику подали лопатку. Стал он обрезать с нее мясо, и вдруг обнаружил свой нож. Все удивились этому, обступили Хатажукву, чтобы воочию убедиться в подлинности ножа. Акун-ипа рассказал, как три года назад он побывал в гостях у Ажвейпша, как воткнул свой нож между мясом и костью лопатки косули. Все выражали изумление, еще раз убедились в том, что Ажвейпш посыает человеку только тех животных, которых сам зарезал и съел с родичами или гостями, а потом оживил для людей.

Много было выпито вина в тот вечер. Произносились тосты в честь Всевышнего, Ажвейпша, Аерга, Нарта Сасрыквы и Сатаней-Гуashi, в честь хозяина дома Акун-ипа и его жены – дочери великого Ажвейпша, за детей хозяев. Поздно ночью гости разошлись

Прошло тринадцать лет. Слава об охотнике Хатажукве все возрастала. Часто ему приходилось отражать набеги врагов на село Блаа вместе с мужчинами села. После отражения вражеского набега разбойники долго не решались нападать на это село.

Однажды Хатажукву пригласили на свадьбу в село Багриш. Жена его предупредила:

– Не напивайся допьяна, у меня плохое предчувствие!

Акун-ипа уехал, но в ту ночь он не вернулся, видимо, хозяева не пустили его. Домой он вернулся на следующий день к вечеру совсем пьяный. Шатаясь он ввалился в дом и увидев жену, закричал:

– Где мои дети, я хочу увидеть своих детей!

Жена не сказала ему ни слова упрека, раздели своего мужа и уложила спать. Когда муж уснул, она пошла в лес и свистнула. На свист пришли орел, медведь и косуля. С ними и ее дети. Женщина поблагодарила зверей за то, что они достойно воспитала их, и вместе с детьми вернулась домой. Она показала детям спящего мужа и сказала:

– Дорогие, милые дети. Этот человек – ваш отец. Меня вы больше не увидите, так уж было написано у вас на роду. Слушайтесь своего отца и уважайте его. – Сказав это, она усадила около кровати дочь, которая воспитывалась у косули, дала ей в руки четырехструнный ачамгур. Рядом с ней посадила сыновей, воспитывавшихся у медведя и орла, старшему дала в руки двухструнную апхярцу.

– Оставайтесь возле отца, пока он не проснется. Вы, мои сыновья, танцуйте, когда сестра будет играть на ачамгуре. Потом старший брат будет играть на апхярце, а ты дочка, будешь танцевать с младшим братом. Если отец проснувшись, спросит, где ваша мать, вы скажите ему: «Отец, ты оскорбил нашу мать, она ушла навсегда из дома».

Сказав это, она тотчас исчезла. Дети, как велела мать, играли на ачамгуре, апхярце и танцевали. Утром отец проснулся, увидев детей, почему-то сразу догадался, что это его дети. Чувствуя что-то недобroе, он спросил:

– Я не вижу вашу мать, где она?

– Отец, ты ее оскорбил и она ушла из дома навсегда, – сказали ему дети.

– Хайт, что я наделал! Пойду туда, где я ее впервые увидел. Попрошу вашего деда Ажвейпша, чтобы он вернул вам вашу мать! – сказал Хатажуква и выехал со двора. С большим трудом он добрался до той поляны, где было жилище Ажвейпша, но поляна была пустой, не было здесь никакого жилища Ажвейпша. Акун-ипа только сейчас понял, что уже никогда ему не увидеть жены... Возвратился Акун-ипа домой, смирился со своей судьбой и стал воспитывать своих детей. Дети выросли замечательные, дочка стала красавицей, какой не было во всей Абхазии, а сыновья – храбрыми статными парнями. Не было дня, чтобы во дворе Акун-ипа не спешился бы лихой наездник свататься к его дочери Анане, но она отказывала всем.

Однажды Акун-ипа сидел у себя во дворе в тени грецкого ореха и отдыхал после длительной охоты в горах, куда он отправился месяц тому назад вместе со своими сыновьями. Акун-ипа встал и пошел встречать вошедшую во двор высокую, статную пожилую женщину. Только подойдя к ней, охотник узнал эту женщину.

– Целую твою золотую стопу, великая Сатаней-Гуаша! Добро пожаловать в наш дом! – он пригласил в дом великую мать Нартов.

– Нан, я уже не та Сатаней-Гуаша, которую вы знали. Ты даже не узнал меня издали. С тех пор, как умер мой сын Сасрыкva и его старшие братья навсегда покинули нартский дом, я стала терять красоту и адоуха. Чувствую, что недолго осталось мне жить. Я знаю, что ты был женат на моей племяннице, что она ушла от тебя. Перед тем, как уйти из этого мира, я хочу благословить твоих детей. В них явижу спасителей Абхазии. Объяснив цель посещения, она ушла, сказав, что придет завтра утром и проведет обряд благословения.

Акун-ипа собрал своих детей, передал им слова великой матери Нартов и оповестил односельчан о предстоящем молении. На другой день во дворе собралось все село. Даже широкий двор охотника не вместил всех собравшихся, потому что пришли жители из отдаленных сел Абхазии.

Сатаней-Гуаша пришла утром. Она принесла знаменитый нартский хлеб, который испекла сама. Акун-ипа открыл самый старый кувшин с вином. Этот кувшин был выкопан из Святилища Елыр-Ныха.

Сатаней-Гуаша повела детей в сад и у ажиры рода Акун-ипа произнесла моление:

– О, Анца, Великий Бог! Всю свою Адоуха я передаю этим детям, Сохрани народ абхазский! Останови врагов, терзающих Абхазию! – сказала Сатаней и покрутила над головами детей правой рукой в знак того, что их беды берет на себя. Вдруг все с изумлением заметили как Сатаней начала излучать свет, как в те далекие времена, когда ее называли «Светоносной». Но свет стал тускнеть и вскоре она стала опять обычновенной старой женщиной.

Прошло время. Слова Сатаней-Гуаши стали сбываться, потому что род Акун-ипа стал могущественным. Враги слабели, а Абхазия живет, преодолевая испытания...

Едрат вышел из задумчивости, услышав скрип калитки. Во двор вошел незнакомый мужчина, который решительно направился в его сторону. Это был Сабыда Макчахвара, житель дальнего села Цимхакыта.

– Ухацкы, Едрат, помоги мне, если это в твоей власти, – умоляющим тоном заговорил Сабыда, но умолк, не в силах продолжить.

– Расскажи, дад, какая беда стряслась с тобой. Я сделаю все, что в моих силах, – подбодрил гостя Едрат.

– Мой единственный ребенок находится между жизнью и смертью. Мальчику всего семь месяцев, лежит безжизненный, не ест, едва дышит и врачи беспомощны... Долго у меня не было детей и, наконец, Бог, сжалившись надо мной, послал мне наследника. А теперь, будто раздумав, хочет забрать его... Неужто Богу угодно, чтобы на мне закончился род Макчахвара? – горестно поник он головой.

– Дад Сабыда, – задумчиво молвил Едрат, – я знаю единственное средство, что может избавить малыша от его недуга. Отправляйся в дорогу и достань грудное

молоко женщины, не знавшей мужчины, кроме собственного мужа, и не состоявшей с тобой в родстве. Второе условие посложнее первого: приведи мне троих людей, не запятнавших свою совесть и честь, представителей разных фамилий.

– Ухацкы, Едрат, сегодня же найду и грудное молоко, и троих честных людей, – воскликнул Сабыда.

– Нелегкое это дело, потому немедленно отправляйся в дорогу. Желаю тебе удачи! – напутствовал Едрат.

В тот же день к дому Едрата подкатил автомобиль «Жигули», из него вышел Сабыда со стаканом молока в руке.

Едрат принял его из рук Сабыды и поставив на ладонь, пристально посмотрел.

– Не годится это молоко, дад Сабыда. Кроме мужа, рядом с этой женщиной я вижу еще троих мужчин, – сказал Едрат и возвратил ему стакан.

– Хайт, пропади она пропадом, бесстыжая женщина, еще уверяла меня, что не найти никого безупречней ее. Воистину нет предела женскому коварству! – Сабыда с досадой выплеснул на землю содержимое стакана. – Вижу, ничего не осталось, как отправиться в высокогорное село Цвигрипш, авось там удастся найти безупречную женщину.

По пути в Цвигрипш, попутно останавливаясь в каждом селе, Сабыда набрал десять стаканов грудного молока. Каждая молодая мать сочувствовала его горю и клялась в своей безукоризненности.

«Жигули» не одолели ухабистую дорогу высокогорного села Цвигрипш, и Сабыда отправился пешком за бесценным молоком.

На проселочной дороге он услышал голос женщины, бравившей сына, при этом она клялась именем отца сына, что строго накажет его. «Если жена клянется именем мужа, она верна ему», – подумал он и решил спросить, нет ли у нее грудного младенца.

Увидев у ворот гостя, женщина вышла к нему и радушно пригласила в дом. Сабыда, поблагодарив хозяйку, вошел во двор и присел на скамью под яблоней.

— Прошу прощения, но хозяин не может оказать вам достойного гостеприимства, — вынеся графин вина с закуской, пожаловалась она. — Он был удачливым охотником. Но три года назад случилось несчастье: в единоборстве с медведем он потерял зрение и с тех пор не может передвигаться без посторонней помощи. Он уединяется в саду, облегчая душу игрой на апхярце.

— Я вижу, в этом доме есть младенец? — спросил он, обратив внимание на пеленки, разевавшиеся на бельевой веревке.

— Да, у меня грудной ребенок, — подтвердила она зардевшись. Сабыда немедля рассказал, какая беда привела его. Молодая женщина, не произнеся ни слова, вошла в дом. Через некоторое время появилась с грудным молоком.

— Пусть оно вернет вашего ребенка к жизни! — горячо пожелала она.

Сабыда поднял стакан черной «Изабеллы», пожелал этому гостеприимному дому благополучия и выпил. Простившись, Сабыда собрался в обратный путь. У забора он услышал звуки апхярцы. Он приостановился, вслушиваясь. Слепой пел о двух братьях-охотниках.

— Уаа, рада, радагущагъя, оуа!

— И детей твоих превращу в послушных холопов, — сказал он. — Ты умрешь сегодня,

— Уаа рад рарира-уа, и жена твоя давно мне нравится! Уаа рад гущагъя оу-оу уааа.

Расчувствовался Сабыда. На сердце и без того было скверно. Песня слепого охотника воскресила полузабытую легенду...

Два брата пошли на охоту в горы. Шарпиецв пошел по следу оленя. Лишь к концу дня догнал его на не-проступно высокой скале, но тут зашло солнце и невозможно было спуститься. Тогда Шарпиецв запел песню, в которой звал на помощь своего брата.

Хулпиецв услышал брата и поспешил на зов, но ничем помочь не мог — черна была ночь, хоть глаз выколи.

Чтобы брат не сорвался со скалы, заснув, всю ночь пел Хулпиецв песни, в которых издевался, смеялся над ним, приводя его в ярость.

Но Шарпиецв не понял мудрой находчивости брата, возвращался он, затаив злобу.

Солнце поднялось на высоту дерева, когда братья приблизились к дому. Проходя через реку по висячему мосту, Шарпиецв выстрелил в спину брата. Бурный поток унес бездыханное тело веселого Хулпиецва.

Вернулся Шарпиецв домой один и признался во всем своей матери. Разъяснила ему мать, что находчивость Хулпиецва спасла его от верной смерти, и пронзительным плачем известила село о посетившем ее дом горе.

Потрясенный Шарпиецв пошел к реке, которая унесла тело убитого им брата и долго лил в нее горючие слезы. Не облегчили слезы душу. Завернувшись в бурку, бросился Шарпиецв с моста в бурную реку. Река понесла его вдогонку Хулпиецву.

... Отвергнув все десять стаканов, Едрат взял в руки одиннадцатый.

– Порази меня гром, но рядом с этой женщиной я вижу мальчишку трех лет, – воскликнул он. – Отправляйся в Цвигрипш и узнай правду у женщины.

Не теряя времени, помчался удрученный Сабыда в Цвигрипш. А к вечеру вернулся, озаренный радостью и изложил старцу услышанное.

Женщина долго ломала голову над словами ясновидца. И вспомнила одну давнюю историю: пятнадцать лет она осиротела и ее взял на воспитание дальний родственник из Цвигрипша. У хозяев рос мальчик трех лет, который очень привязался к ней. Каждое утро, просыпаясь, малыш прибегал к ней и залезал в ее постель. Она целовала его и тискала. Как-то он обмочился на нее, Бог свидетель, другого греха за ней не водилось.

– Коли так, это молоко годится, – сказал Едрат. – Остается тебе найти троих людей: представителей разных фамилий с кристально чистой душой.

Всю Апсны – от Ингура до Псоу изъездил Сабыда, но не смог найти человека с незапятнанной совестью.

– Дад Сабыда, – обратился к нему старец. – Не так легко встретить безгрешного, а время не ждет. Я хочу помочь тебе. Приведи ко мне своего младенца и белого бычка: на заре нового дня соберу я народ и проведу исцеление.

– Да продлит тебе Господь жизни! – возблагодарил его Сабыда. Наутро во дворе Едрата собирались жители Блаа. Старец вышел к народу в сопровождении женщины с младенцем на руках. Скорбный взгляд молодой матери был прикован к лицу младенца.

– Да обойду вокруг вас, уважаемые односельчане, да падут ваши болезни на меня! – обратился Едрат-ясновидец к народу. – Ваши взоры скорбно устремлены на неподвижное тельце невинного дитя. И коли среди нас прозвучит истина устами трех с безупречной совестью людей, носящих разные фамилии, ваши глаза узрят, как бледность младенца расцветет и услышат ваши уши лепет мальши. Да возрадуются сердца ваши! Затем я дам ему молоко женщины, честной, верной своему супругу, и младенец избавится от тяжелого недуга. Таковы всесильные свойства покаяния, чести, добра – истоков нашей человечности. Все вышеший следит за нами со своих высот. Да снизойдет Он до нас, и поможет этому младенцу!

Старец зорким взглядом обвел толпу:

– Если кто свято уверен в своей безупречности, выходи! – Народ безмолвствовал.

– Пригласите сюда мою мать и жену! – повелел он. Привели мать и жену.

– Перед вами трое: я, моя мать, моя жена – представители трех разных фамилий. Сейчас каждый из нас будет говорить, и если мы будем правдивы и не скрывавим – к младенцу вернется жизнь.

Народ слушал.

– Мать, я не помню своего отца, он оставил белый свет, когда я был ребенком. Как тебе жилось с моим отцом и как тебе живется со мной?

– Нелегко, нан, приходилось с твоим отцом, – отвечала старая женщина. – Моя жизнь была сплошной мукой. Когда он пахал поле, я становилась впереди быков. Солнце палило, пот глаза застилал. Возвратясь с поля, я бралась за новую работу: готовила ужин, нянчила тебя. Но подрос ты, и будто гора с плеч. После твоей женитьбы я не знала ни горя, ни забот – окружена вниманием и любовью невестки. Но нет для меня человека ближе мужа. Память о нем дороже, чем ты, сын мой. Мне тяжело передвигаться, но каждый божий день на ведываюсь на могилу мужа, чтобы провести рукой по могильной ограде. Мне легче живется с думой о нем.

Затем Едрат обратился к жене:

– Не смущайся, жена, перед народом скажи правду о себе.

– Мне нет причины краснеть перед народом, я была верна тебе и предана, – сказала жена. – Всем известно: ты достойный мужчина. Но, бывая на людях, мне нравилось ловить на себе мужские взгляды, и я сама засматривалась иногда на них. Иной раз, да простит меня Господь, хотелось быть ближе другому мужчине, пришедшему мне по душе.

– Эх, афасаит, такова греховная природа человека. И я был таким, да и теперь порой взыграет кровь при виде красивых женщин! – воскликнул Едрат.

И случилось чудо. Младенец на руках матери всплакнул и потянулся к ней ручонками. Тут же Едрат поднес к его рту ложечку молока. К изумлению толпы, младенец ложечку за ложечкой выпил все молоко.

Проводив последнего гостя, Едрат закрыл ворота и, опираясь на посох, направился к скамье. Сев на скамью, он задремал. И, уже во сне, ужаснулся тому, что увидел: это была война на его родной земле. К старику вернулся дар предвидения на семь лет вперед.

Но кто ему поверит, если он расскажет об этом на сходе, который должен состояться на Лыхненской поляне?

Шел 1985 год...

ДЕНЬ ВОЛЧЬЕГО КУПАНИЯ

— **З**а рекой Цикуара, Дахаир в лесу влезал на дерево и выл, как волк... — Элкан с удивлением вслушивался в голос Катуши, мураски бегали по его коже. — Звери мигом находили это место, думая, что волк воет, не подозревая, конечно, что Дахаир дожидается их. Когда волчья стая приходила туда, он сверху пристально начинал смотреть на самого сильного волка. Так вот, этот волк не выдерживал взгляда Дахаира и терял сознание. А те, остальные, учуяв человека, вмиг убегали. Дахаир спускался и цепью приковывал волка к дереву, чтобы он не сбежал, когда придет в себя. Потом он за неделю укрощал его и ездил на нем верхом.

— И для чего, ему, взрослому человеку, в возрасте, этим заниматься? — вставила бабушка Шесия.

— А кто же знает, для чего? Кто знает, какие мысли роятся у него в голове, что таится в его темной душе? — уставилась Катуша на нее, не мигая прозрачными глазами. — Хотя, почему не сказать? Конечно, то, что я расскажу тебе, умрет между нами! На своем волке, неожиданно, словно из-под земли появлялся он в поле, где стадо пасется. Поймав козу или там бычка, он закалывал его кинжалом, вонзая свою алабашу в землю, зацеплял на нее скотину и так быстро сдирал с нее шкуру, что не успеешь оглянуться! Выбрасывал желудок, разрезал мясо на части, складывал в шкуру и вскочив на волка, пускался в лес, оттуда — домой. Добычу делил с волком. Соседи, не знавшие о его темной силе, удивлялись, что в его апацхе никогда не переводилось вяле-

ное мясо, а зневшие помалкивали. Но сейчас он одрях-
лел, поэтому ездит на волке для забавы.

Элкан представил себе, как хорошо знакомый ему старик с сумрачным лицом в темной шелковой рубахе едет верхом на здоровущем волке. Одной рукой держится за его шею, в другой руке – посох-алабаша, с которым он никогда не расстается.

– Мой старик за год до смерти вот что рассказывал мне, – после короткой паузы опять начала Катуша, захлебываясь словами. – Однажды ночью он возвращался домой с поминок. Перейдя Цикуару, он вышел через кукурузное поле к лесу, так ближе. И тут на тропу выскочил Дахаир верхом на волке. Мой муж, конечно, узнал Дахаира и громко поздоровался с ним: «Добрый вечер, куда путь держишь на ночь глядя?» Тот, ничего не говоря, скочил с волка, прогнал его и говорит ему вслед: «Откуда ты взялся здесь? Быт! Чтоб сгинул твой род!» Волк убежал в чащу, Дахаир повернулся к моему старику и говорит вежливо: «Добро тебе... Да вот, корова моя не вернулась, ишу, проклятую...». Представляешь, совершенно спокойно говорит, будто это не он только что катался на волке?!

Катуша пригнулась вперед и коснулась кизиловой палки, на которую опиралась бабушка. Ее сухой профиль требовал, чтобы бабушка тоже участвовала в удивлении. Элкану тоже хотелось, чтобы бабушка захала и всплеснула руками. Но бабушка поправила подол темного платья и прикрикнула на курицу, которая пыталась пролезть через изгородь к кукурузе и помидорам.

И тут Элкан вспомнил, как однажды вечером, когда он искал не вернувшегося домой бычка, ему встретился старик Дахаир.

– Чей ты сын? – спросил старик, воткнув в землю свой старый посох.

– Сын Ноурыза, – пробормотал Элкан, чувствуя себя скованно под пристальным взглядом старика. Дахаир стоял напротив, надвинув на брови башлык.

– Нож у тебя есть? – спросил он.

– Нету, – еле слышно ответил Элкан.

– Пистолет?

– Тоже нету... – Элкан понимал, что старик шутит, но сумрачное выражение лица сбивало его с толку.

– Тогда хоть палку взял бы в руки! Идешь по пустынной дороге один. Вдруг кто-нибудь выскочит оттуда, – он показал в сторону ольшаника на берегу реки, – что тогда будешь делать? – старик строго окинул взглядом нерешительную фигуру Элкана.

Потом Дахаир поднял глаза к небу:

– Сегодня ночью пойдет сильный ливень.

Элкан тоже посмотрел на небо, но в ясном, уже темнеющем небе ничего не увидел.

Старик продолжал глядеть на небо, он даже приставил ко лбу ладонь козырьком, будто увидел нечто удивительное.

– Одна звезда сейчас появилась... Глаза так и сверкают, так и обливаются кровью... Ых, аннаассыни! – сказал он, полностью погрузившись в созерцание неба.

Когда старик ушел, Элкан долго всматривался в небо, но звезды еще не появились, зато он хорошо представил себе, по словам старика, кровавую звезду и всю дорогу думал о ней.

Ночью и в самом деле пошел ливень с грозой. Утром дождевая вода тысячами ручейков бежала по земле, и Элкан шел в школу, перепрыгивая через них, чтобы не замочить ботинки.

...Катуша погладила бока медного кувшина, запотевшего от колодезной воды.

– Похоже, ваш колодец тоже скоро пересохнет, – сказала она. – Уж и не знаю, куда будем ходить. В день, когда купается волк, стояла жара; у меня за 2 часа все белье высохло, значит, дождей совсем мало будет.

– Будем ходить к Коатапшскому роднику, – вздохнула бабушка, – далековато, но ничего не поделаешь.

– Вся надежда на Ацуныхва, – сказала Катуша.

Элкан посмотрел на склон соседнего холма, видневшегося за рекой Цикуара. Чуть ниже усадьбы старого Батыквы раскинулись кукурузные и табачные плантации, а в центре холма, как оазис в пустыне, возвышалась грабовая роща. Именно в этой священной роще баалархвицы проводили Ацуныхву.

В прошлом году мама дала ему и брату Дауре мамалыгу и сказала: «Все идут, и вы идите, вам уже можно, не маленькие. Попробуете мяса жертвенного быка», и они пошли вдвоем, потому что отец с самого утра уже был в роще.

Элкана поразило многолюдство, здесь были даже мужчины, давно переселившиеся в город, они стояли группами и тихо переговаривались, между взрослыми слонялись мальчики-подростки. На арбе стояла бочка с черным вином. Несколько мужчин принесли нарезанные у реки пахучие влажные ветки ольхи и раскладывали их длинными рядами на земле. В роще было прохладно, в глубине ее, в стороне от остальных, парни играли в карты, изредка оглядываясь на праздничную суэту.

Брат потянул Элкана за руку и показал на мужчин, возвившихся с рыжим рослым бычком, среди них был отец. Глядя на стариков, беседующих с этнографом Арсоу, приехавшим описать обычай вызывания дождя, Элкан переждал стон бычка и возгласы, с которыми мужчины сняли молодую шкуру и стали разделять тушу.

...Бригадир Аркадий нес сердце, печень и челюсть бычка, насаженные на обструганную ореховую палку. Подойдя к старикам, он протянул палку Эзугу. «Уже все готово», – сказал он.

Эзуг направился к старому дуплистому дубу, все потянулись за ним. Перед дубом Эзуг откинул башлык, обнажив седую, коротко стриженную голову, и поднял палку с сердцем, печенью и челюстью бычка.

«О, Всевышний, – произнес он дребезжащим голосом, – не обдели нас светом своим. И сопутствуй нам во

всех делах нашей жизни. Если ты считаешь, что нам нужно солнце, пошли нам щедрое солнце, если ты считаешь, что нам нужен дождь, пошли нам обильный дождь. С твоей вершины тебе виднее. Мы ловим свет твоих глаз...»

Элкан осторожно обошел окружавшую дуб толпу и остановился, чтобы видеть, что Эзуг будет делать дальше. Старик отрезал кусочки от сердца, печени и челюсти бычка; макая их поочередно в стакан с вином, он медленно возлагал их в дупло и говорил:

«И пятью бычками не накормить могущественный род Ачба и Чачба... И годовым урожаем вина не утолить их жажду... Да не будет для нас горя, пока я не накормлю этими кусочками всех людей из рода Ачба и Чачба...»

Когда моленье закончилось, все двинулись мыть руки. Элкан нашел брата в толпе, они ждали, когда взрослые закончат, и наступит их очередь вымыть руки. Когда все расселись, бригадир Аркадий и сельский музыкант Химца обошли ряды с корзинами, перегибаясь через головы сидящих и выкладывая на ветви горячие куски вареного мяса. Запах остывшей мамалыги смешивался с влажным запахом ольховых веток. Никто не приступал к еде, все ждали, когда Эзуг произнесет нужные слова...

– Унан! Как я задержалась, дома ждут воду, надо мамальгу варить... – Катуша вдруг заспешила, засуетилась и подняла свой кувшин. Бабушка проводила соседку до ворот и, держась за поясницу, возвратилась на место.

Прежде Катуша часто заходила к ним, а сейчас разве что за водой. Ее разговоры с бабушкой всегда поражали Кана своей бесконечностью. Бывало, она не замечала за разговором, как темнело. «Унан, как быстро время пролетело, ну, пошла я», – говорила она, будто нечаянно задержалась. Чувствовалось, что она еще не выговорилась, не облегчила душу... Но в последнее время, после того, как в селе установили телефонную связь, Катуша редко выходила из дома.

...Едва по селу пронесся слух, что уже распределяют номера и ставят телефоны, Катуша первой пошла в сельсовет, требуя телефон. Председатель заметил, что в первую очередь дают ветеранам войны...

– Мой покойный муж Алыкса – кавалер Георгиевского креста, участник первой мировой войны, всадник «Абхазской сотни» в Дикой дивизии, – говорила она, наступая на председателя, – если не веришь, принесу его саблю.

– Не надо приносить, – отвечал председатель, – я тебя сто лет знаю и Алыксу хорошо помню, бери, какой хочешь номер, зачем тебе из дома в домходить, будешь разговаривать не сходя с места.

Впоследствии, научившись звонить, Катуша долго восторгалась и заявляла, что люди за свою историю ничего более ценного не изобрели, и что теперь-то человек может вдоволь наговориться.

– Нанду, Катуша видела, как купается волк? – осторожно спросил Элкан. – Неужели волк купается в Цикуаре, как мы?

– Это примета такая, нан, – ласково сказала бабушка, глядя на него, – в середине марта есть день, когда купается волк. Он купается только раз в году, и если в этот день жарко – будет засуха, а если пасмурно – будет дождливый год.

Элкан попытался представить, как купается волк – может быть, он просто долго плавает, или, наоборот, прыгает, мутит воду вокруг себя, пугая рыб. Может быть, после зимы в нем бурлит лесная сила.

И вот на таком волке, оказывается, скакет старый Дахаир. Если спросить об этом бабушку прямо, она может заупрямиться, она никогда не поддерживает разговоры Катуши на такие темы.

– Нанду, скажи, этот Дахаир, что живет на Кизиловом холме, он... ездит верхом на волке? – Элкан задумчиво ковырял пальцем скамейку.

– Что ты говоришь? Не дай бог, услышит кто-нибудь из его родных! Кто тебе сказал, нан? – бабушка стукнула палкой по земле. – И ты слушал, кяфыр?! Не верь, нан, этому. Мало ли о чем говорят старухи. Ты лучше читай свою книгу, – сказала она, и, опершись на палку, встала со скамьи. Провела морщинистой рукой по его голове и пошла к дому.

Элкан смотрел ей вслед. Не доходя до порога, бабушка остановилась, повернулась к Элкану и насмешливо сказала:

– Дахаир был непревзойденным охотником в молодости. Он мог пешком за день дойти до горы Шоудыд. Таким он был неутомимым и сильным... Вот некоторые люди и сочиняют о нем небылицы.

Перевод Надежды Венедиктовой

ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО...

Это было так давно, когда женщины нашего двора таскали ведрами урожай дождевой воды.

Это было так давно, когда летчики над городом высаживались из своих аэропланов.

Это было так давно, когда родственники на лошадях приезжали к нам в город.

*Ф. Искандер. Воспоминания об отце,
работавшем на фруктовом складе*

Это было так давно, когда последний святейший князь Абхазии Георгий Михайлович Чачба воскликнул в предсмертном обращении к абхазскому народу: «Абхазы! Могилы наших отцов и муки наших братьев на чужбине повелевают нам удержать эту свободу и укрепить ее. Неужели мы не достойны наших отцов?..» О, если бы несколько раз не потревожили его кости, стараясь найти в его могиле золото, бриллианты и другие ценные предметы!

Это было так давно, когда кремлевские старцы в Кремлевском дворце съездов восторженно хлопали при виде буйной пляски абхазских старцев.

Это было так давно, когда в Мерхеуле, там, где сейчас живут монахини игумены Серафимы, бегал Ляу – большеголовый, любознательный мальчик – будущий Лаврентий Берия.

Это было так давно, когда с купола Драндского собора коммунисты скинули крест, и вместо него водрузили серп и молот. То, что потом скинули с купола серп и молот, никто даже не вспомнит.

Это было так давно, когда слепые и глухие жучки «жужелицы» в Ново-Афонской пещере впервые услышали пение монахов Бахчисарайского монастыря. Им на мгновение почудилось, что они видят и слышат.

Это было так давно, когда мы все мечтали о том дне, когда в ООН, хотя бы один раз, вспомнят про Абхазию. Сейчас миссия наблюдателей ООН мечтает вновь поселиться в гостинице Айтар...

Это было так давно, когда волки могли завыть на побережье. Сейчас они снова появились здесь. Пока их немного, но могут вернуться все, может быть в виде беженцев, конечно, при условии предоставления им гарантии безопасности.

Это было так давно, когда в Каштаке писал Фазиль Искандер, под гитару пел Александр Галич, сыграл на единственном рояле Святослав Рихтер (а хозяйка дома ходила рядом, громко причитая: «Вайме, он поломает мой рояль!»), а Константин Паустовский прошел здесь, направляясь на озеро Амткел, по дороге обдумывая будущую повесть «Бросок на юг». А теперь, вот я, прихожу сюда просто так, попить чаю под дубами у Ольги, под гинкго – вино у Маргариты, собираюсь даже в этом райском уголке написать что-то. Тем более, что Анатолий Жигулин тоже пил здесь вино и написал об этом:

В доме Орелкиных на абхазской земле
Мы пьем с Фазилем вино виноградное.
И южное солнце сверкает в вине,
И кажется – нету минуты отраднее...

Жил бы всю жизнь в этой дивной стране,
Где речь просторна, душа открыта.
Где каждый – толк понимает в вине,
Где у каждого Мастера своя Маргарита.

Это было так давно, когда А. Чехов сидел на веранде гостиницы «Ориенталь», внизу прохаживались абхазы в костюмах маскарадных капуцинов, а с каждого кустика, с теней и полутеней глядели на него тысячи сюжетов. Но почему-то ни одним из них он не воспользовался.

Это было давно, когда наш город был как бонбоньерка (по выражению одной из «бывших» сухумских аристократок), а абхазы на улицах говорили шепотом на родном языке. Сейчас, говорим как хотим, сколько хотим, в основном, конечно, на ломаном русском, а город наш в грязи – к сожалению.

Это было так давно, когда кошки доходили от берега моря до Кавказских гор по крышам домов. Так много людей жило в Абхазии, и все абхазы! Сегодня тоже много домов; во многих живут люди, многие просто «заняты», а другие разрушены – стоят без крыш, что особенно обидно для кошек, мечтающих вновь ходить по крышам, от ласкового моря до синих гор.

Это было так давно, когда К. Д. Мачавариани, сто лет тому назад написал так: «У абхаза нет креста на груди, но он никогда не решится убить человека и произвести на него издевательство; никогда не решится идти на доносы, шпионства и разные экспроприации. А мы, считая себя православными и стыдясь посещать церкви и перекреститься идя мимо нее, строим разные козни, топим друг друга, и гордимся своей нравственностью, идеализируем разврат. Нет, абхазы не таковы!»

Теперь мы носим кресты на груди, ходим в церковь иногда, дома висят иконы, у некоторых – даже антикварные; но, к сожалению, так лестно никто, никогда о нас уже не напишет.

Это было не так давно, когда кто-то пошутил: «Лучше умереть в Нью-Йорке от СПИДа, чем в Калдахваре от долгожительства».

СПИДом у нас уже никого не удивишь, скорее можно сильно удивиться, встретив столетнего старика.

Это было так давно, когда Фазиль Искандер писал о том, как на набережной Сухума юнцы 60-х годов скучно шумели порожняком своей молодости. Теперь, живя в признанном государстве, скучно шумим порожняком своей независимости.

ЗВЕЗДА АБАЗИНА

« **А** я ничего не сумевший, живу в ожидании мига...» – так когда-то начинал известный сухумский поэт, ушедший в мир иной несколько лет тому назад Эдуард Дзыба. Колоритная личность, истинный сухумец, писал красиво и размашисто, грустным его никто не видел, хотя иногда сочинял грустные стихи. Человек с тонким юмором, импульсивный и открытый, он любил друзей, женщин, вино и верхний ярус ресторана «Амра». О себе он написал так: «Вот так живу... Не накоплю, не соберу свои сберкнижки. И дачи модной не куплю. Мои сберкнижки – мои книжки».

Некоторые строки Дзыба удивляют глубиной и философской образностью: «Из вечной жизни создана звезда!». О любви он мог сказать так: «Чтобы эхо твоего смеха, хватило бы до самой весны». Даже банкетный стол в его строках приобретает значимость и смысл:

Здесь украшение стола –
Не заливная камбала,
Не серебро и бакара,
Не туш,
А наши думы и сердца
И наши песни без конца,
Улыбка доброго лица –
Свет душ.

Был период в жизни поэта (который совпал с очередной антиалкогольной кампанией), когда он

работал старшим инструктором конной турбазы в селе Члоу, что у пещеры Абрскила.

– Как ты инструктируешь сельских парней? – спросил я его как-то.

– Зачем инструктировать? Какой абхаз не умеет придержать стремя и посадить туристку на лошадь!

Вдохновившись, после этого я написал рассказ под названием «Баалоуская осень».

Лучшие стихи Эдуарда Дзыба стали неотъемлемой частью нашей литературы.

Из жизни он ушел как тот абазин, его соотечественник, который перепутал утреннюю звезду с полуночной.

Он жил в ожидании «счастливого, доброго мига – предвестника новых начал». Так и слышится явственно его зычно-чеканный голос:

– О, красная птица фламинго,
Волшебным пером одари!

Много тостов произнес поэт, но, мы завершим свое небольшое слово о нем стихами Омара Бейгуа, в переводе Эдуарда Дзыба:

О, Господь! Тебя возносим,
Об одном, всего лишь просим:
Дай нам радости застолья, огради от слез и горя!
Гость, пускай удачив будет, и хозяин счастлив будет.
От огрехов огради, до успехов вознеси,
Нас абхазов сохрани,
Анцәа ихәаит!

ЛЕДЯНАЯ ГРОЗЬДЬ ВИНОГРАДА

*Я с вами, я с вами ребята!
Стрелять не могу, но пою.
Хоть старый, хромой и горбатый,
Прошу меня числить в строю!
Абхазы, абхазы, абхазы,
Свободолюбивый народ!
Во славу седого Кавказа
Вперед, мои братья, вперед!*
Лев Любченко

Человек прошел через площадь – горбатый, прихрамывая, опираясь на узловатую палку. Когда я поравнялся с ним, он устало вздохнул, медленно повернулся ко мне бородатое лицо и спросил, где сегодня похороны. В тот день в Сухуме провожали в последний путь известного абхазского поэта Алексея Джонуа. Оказалось, что этот старик – не кто иной, как русский поэт Лев Любченко, позабытый всеми, живущий где-то в Гудауте. По пути мы с ним разговорились. Лев вспоминал про то, как, будучи консультантом Союза писателей Абхазии, он встречался и беседовал со многими выдающимися писателями, в том числе и с Джоном Пристли. Кстати, то, что он рассказывал, значительно дополняло знаменитый рассказ Михаила Лакербай «Джон Пристли и Ашхангерей Бжания». Был очень знойный день, солнце наваливалось, как говорил Ф. Искандер, распустив пояс, и Лев часто оставлял на лбу пот, вытирая его со лба и приговаривая: «Слушай, брат, приезжай ко мне в Гудауту, я тебе расскажу еще много интересного!»

Мы по лестнице поднялись на второй этаж тогдашнего здания Союза писателей Абхазии. Зал был полон, здесь были представители абхазской интеллигенции, солидные люди из Москвы и Тбилиси. Лев прошел по стукивая палкой по паркету, я вместе с ним, пособолезневали родным и близким Алексея Несторовича, постояли немного и покинули зал. После похорон я посадил его в автобус и отправил в Гудауту, домой.

...Шли первые месяцы грузино-абхазской войны. Гудаута гудела, словно встревоженный улей. На улицах уже появились северокавказские добровольцы. Боевой дух носился в воздухе. Поднималась дубина народной мести, как говорил другой Лев Николаевич – Толстой. Как-то вечером я встретил Виталия Шария и предложил ему пойти домой ко Льву Любченко. Когда мы поднялись по деревянной лестнице к нему на второй этаж, Лев лежал на кровати. Жена его, Тоня Барциц, засуетилась, поставила на стол что было – графинчик с чачей, нарезала хлеб, скрушаясь, что не может достойно принять нас. Когда мы разговорились, Лев меня вспомнил. В его голосе, в глазах, были и скорбь, и в то же время уверенность в победе.

«Ничего не пишется сейчас?» – осторожно спросил я его.

– Так, что-то бормотал во сне, ночью. Рука уже не пишет... – он показал скрюченные пальцы.

– Давайте я буду записывать, а вы диктуйте, – предложил я.

И он продиктовал стихи, которые были позже опубликованы в «Республике Абхазия». Они стали песней, поднимавшей боевой дух наших ребят. Стихотворение стало гимном победы Абхазии:

Абхазы, абхазы, вас мало,
Нечестный, неправедный бой,
Но, танк не страшнее кинжала,
Когда твои братья с тобой!

Абхазы, абхазы, вы правы!
Не вы начинали войну,
Не вы, ради кресла и славы
Вторгались в чужую страну!

Потом я еще не раз заходил в его дом, навещал Льва Николаевича и записывал его новые стихи.

Лев обладал тонким юмором, у него был проницательный сверлящий взгляд. И лицом он был похож на мудрого абхазского старика-сказителя, даже и в речи его был какой-то особенный акцент, гудаутский.

Запомнился еще такой эпизод. В начале войны в редакции Абхазского радио работал внештатно очень рассторопный, симпатичный паренек из Гудаутского района. Он тоже писал стихи на военную тему. И часто стал бывать у Льва Николаевича. Потом оказалось, что молодой человек – член религиозной организации «Свидетели Иеговы». Лев очень переживал по этому поводу. Говорил, что тот парень даже его хотел «завербовать» в секту. И смешно, и грустно было наблюдать такую картину: на кровати сидит видавший виды старик, прошедший через все мытарства, поглаживая свою пожелтевшую бороду, к тому же, кстати, еще и атеист, но уважающий веру (вспоминается его стих «Ахъачхуама»), а напротив – юноша, нахохлившийся как воробей. Так и слышатся строки из стихов Л. Любченко, которые он написал потом об этом увлечении: «Ора, ты не свидетель Иеговы, ты просто дезертир!». Когда нужно было, Лев был язвителен. Его слово крепко жгло – может быть, как абхазская виноградная чача, которую он уважал.

Лев Любченко отмечал словом каждое биение пульса военного времени, и слово его пульсировало как нерв войны, проходившей по реке Гумиста. Он был одним из тех, кто по-настоящему приближал победу.

Часто он говорил так: «Эх, брат, кончится война, – выпьем вино прямо на берегу реки Гумиста!»

После победы мы хотели осуществить это желание поэта, но то ли все машины были заняты, то ли хорошего вина не нашлось. Вместо этого был холодный, дождли-

вый день, когда в Гудауте хоронили Льва Любченко. Все было как в строчках друга его юности Фазиля Искандера:

Ломоть поминального хлеба,
Поминальной струи услада.
Бесконечное зимнее небо
Ледяная гроздь винограда!

Лев Любченко чем-то напоминал мне, даже внешне, Колчераука из знаменитого рассказа Ф. Искандера, и теперь, кажется, я понимаю, почему. Именно, после смерти поэта зазвучали его последние строки, не менее значимые, чем известные стихи, процитированные мной вначале. «Абхазы, теперь вы не правы!» – такими жестокими, беспощадными словами начинаются стихи, написанные под впечатлением послевоенной волны насилия. Лев Николаевич передал эти стихи Олегу Шамба, и тот впервые прочел их на похоронах поэта, над его гробом.

Абхазы, теперь вы не правы!
Хоть вы победили в войну,
Ни подвигов вам и не славы!
Вы предали вашу страну.
Все лучшие ваши погибли,
А худшие – им наплевать!
К бандитскому делу прилипли,
Пошли убивать, воровать
Одумайтесь, братья – абхазы,
Я все-таки верю в народ.
Давайте сегодня же, сразу
Идти не назад, а вперед.

Получилось как завещание. Абхазская пословица утверждает, что рядом с тем, кто хочет сказать правду, должен стоять оседланный конь, очевидно, чтобы правдолюбец мог ускакать.

Лев всегда говорил правду, никогда не заботясь о страховке в виде коня или уклончивого компромисса.

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

Дух победы носился в воздухе, пьянил душу, струился в крови. Война подобна бушующему шторму. Она пугала, но и одновременно приковывала к себе своей необузданной, разрушающей мощью. Нам нужно было войти в этот страшный прибой с тем, чтобы выйти из него с победой. (Кстати, забегая вперед, замечу, что освобожденный Сухум напоминал берег моря после шторма).

Думаю, что люди на том берегу Гумисты задыхались, потому что, в воздухе за рекой витал дух неопределенности, паники, страха.

Наша группа «Гроза» под командованием Адгура Харазия состояла из почти двадцатилетних парней, за исключением Игоря Чичба, Адгура Инал-Ипа и меня.

Ранним утром мы выехали из Гудауты и поднялись на Эшерское плато. Ночь коротали в дачном поселке. Ребята окружили Адгура Инал-Ипа. Он рассказывал им о строении Вселенной. Мимоходом заметив одному юноше, как бы отвечая на его вопрос, верит ли он в Бога:

– Я знаю, как Вселенная образовалась, и это мешает мне верить в то, что Бог есть. Вера, как двуглавый Эльбрус: или Бог или Человек.

В этот момент Игорь Чичба поднес мне фляжку со спиртом. Адгур Харазия, наблюдавший за ним сверху, с балкона дачного домика, сказал:

– Поднимите за то, чтобы нам помог Апаймбар!

Долго еще потом Адгур рассказывал молодым бойцам о разных созвездиях и планетах, перескакивая с астрономии на астрологию, и наоборот.

Казалось, что до войны далеко. Однако, к утру следующего дня бой бушевал рядом и вокруг нас. Смерч войны все больше и глубже втягивал в себя.

Вдруг стало тихо.

– Адгуря Инал-Ипа ранило! – крикнул кто-то. Быстро положив его на какое-то одеяло, мы вчетвером понесли его. Прошли метров сто. Какие-то ребята крутились у какой-то легковой машины на обочине. Я крикнул им, чтобы они вызвали военную «Скорую». Ребята побежали за ней. Вскоре показалась машина, из которой выскочили Батал Кобахия и медсестра. Часа полтора машина тряслась до Коман, где находился военный госпиталь. Адгур иногда сжимал мою руку, ничего не говорил, широко открытыми голубыми глазами смотрел куда-то вверх.

Наконец, приехали в Команы, и Адгуря быстро подняли на второй этаж, в операционную. Я остался во дворе. Рядом, у крыльца, лежало тело, покрытое белой простыней.

– Кто это? – спросил я у дежурного бойца.

– Мирод Гожба. Погиб сегодня, – ответил он.

Я прислонился к яблоневому деревцу. Уже стемнело. Вдруг вспомнил, что в Команах есть знаменитый Святой источник. В это время вышел хирург в тельняшке и крикнул дежурному: – Привезите срочно воды. Из источника!

– Можно мне с вами? – спросил я.

Водитель молча кивнул. Мы погрузили фляги и помчались по ухабистой дороге.

В конце ее показалась поляна. Фары «Москвича» – фургона выхватили из темноты бирюзовую гладь прозрачного источника, бьющего из-под скалы.

Когда мы вернулись, я спросил врача об Адгуре.

– Инал-Ипа скончался, его уже увезли, – сказал он и вошел обратно в операционную.

Много раз с того дня я бывал в Команах у Святого источника, но в памяти остался тот, выхваченный светом фар. Ночная, глубокая, чистая вода...

РЯДОВОЙ НЕБЕСНОГО ВОИНСТВА

Александра Бардодыма впервые я увидел летним днем в сухумском кафе (которое тогда находилось рядом с зданием областных газет), в компании молодых поэтов Абхазии, к которым в то время относился и я тоже. Кажется, это было летом 1987 года. Стихи читал он громко, красиво заикаясь. Выразительные, неподвижные черные глаза на бледном лице, серьезный и романтический облик незнакомого молодого поэта напоминали чем-то Михаила Лермонтова. Излишне, наверно, говорить о том, что я тут же присоединился к этой веселой, шумной компании, душой которой был, конечно поэт, острослов и балагур – искрометный Вячеслав Читанаа.

Вскоре я понял, что любовь Саши Бардодыма к Абхазии, его особенная преданность не наигранны, как это часто бывает, а глубоки и чисты как горные озера и ущелья, как пещеры в Новом Афоне. Кстати, этот городок в центре Абхазии стал его любимым местом, его Родиной. Здесь он наполнялся духом старинных легенд и преданий, который пронизывал многие его стихи и баллады. Здесь он сблизился с Гиви Смыром, первооткрывателем знаменитой Ново-Афонской пещеры, талантливым человеком, интересным художником, своим видом и бесстрашием напоминавшим abreka прошлых времен, своеобразным мистиком, знаком горных троп Абхазии. Месяцами Саша пропадал в Новом Афоне и приезжал оттуда с глубокими впечатлениями от общения с новым другом. Молодого по-

эта тянуло к сильным, волевым людям. Он был привязан к Аслану Зантария и его тамышским братьям, тоже «абрекам». Неудивительно, что Саша всерьез занялся изучением жизни настоящих абреков, таких, как Богаркан-ипа Маршания, о котором подробно написано в книге «Путешествие по Кавказу» разведчика царской армии Федора Торнау. Известно, что Лев Толстой пользовался этой книгой, когда писал своего «Кавказского пленника»

Мне запомнилась статья Александра Бардодыма об открытии какой-то новой пещеры, в которую он спустился вслед за Гиви Смыром, цепляясь за сталактиты и сталагмиты. Из скользких стен пещеры торчали кости пещерных медведей, а внизу гудел подземный водопад, низвергаясь в пропасть, в зияющую бездну... Бардодым в этой статье предлагал создать уникальный природный музей под открытым небом, точнее – под землей.

Статью мы отнесли в газету «Советская Абхазия», однако она была отвергнута известным журналистом, заведующим идеологическим отделом газеты – Александром Берулава, к которому она попала. Видимо он решил, что создание такого музея будет способствовать усилению «абхазского сепаратизма». Запомнилась такая картина: сидит за столом опытный журналист и националист (пока не осознававший это) Берулава, напротив – молоденький русский студентик из Москвы, пропитанный абхазским духом. Сколько презрительности, сарказма, язвительности, переходящих в ненависть было в словах, в выражении лица Берулавы вот к таким людям, нашедшим в Абхазии вторую свою Родину, готовых встать рядом с ее народом в трудную минуту, помогая ей верить в свои силы.

Я, конечно, сразу увел Сашу из этого кабинета.

Волна грузинского национализма, приведшая к войне в 1992 г. тогда только начинала набирать силу, а Берулава, кстати, потом стал одним из тех, кто оказался во главе этого движения в Абхазии.

Дружба с Бардодымом у меня продолжилась. Я несколько раз останавливался у него дома, в Москве, познакомился с его родителями, от которых он унаследовал свой неповторимый талант и превосходные человеческие качества. Он перевел несколько моих стихов и рассказал «Ядовитое дерево».

Многие в Москве, да и у нас удивились, узнав, что молодой, блестящий московский поэт Александр Бардодым воевал за свободу Абхазии и погиб с оружием в руках. Но, ни один из тех, кто знал его, не удивился этому. Он остался навечно в Новом Афоне.

Один раз я его видел во сне. Он помогал в монастыре. Бог наверно не оставляет такого, как Александр Бардодым, зачислив его в свое воинство, даже если он не успел креститься при жизни.

ВИДЕНИЕ ГЕДЛАЧА

Как-то почтенный старец Гедлач со своим спутником Камщищем, тоже весьма известным, постукивая стальными наконечниками посохов по свежевыложенной плитке на набережной, завернули в кофейню, что возле маленького причала для прогулочных катеров. В город они приехали принять участие в концерте хора столетних стариков. Но, узнав, что концерт организован в честь открытия месторождения нефти в Абхазии, старики отказались танцевать по этому поводу.

Поравнявшись с зданием Драмтеатра, старики постояли, внимательно разглядывая невиданных в наших краях зверей, из пастей которых хлестала вода.

— Почему собрали здесь, на берегу столько зверей? — удивился Гедлач

— По-моему, не хватает среди них только нашего Ламшаца, верхом на своем волке, — ответил Камщищ.

Старики сели за свободный столик под олеандром, рядом с группой шахматистов.

— Слышал я, дад Гедлач, — начал беседу Камщищ, — что здесь, в городах, помимо игры в нарды, шахматы и домино, все поголовно начали заниматься куплей-продажей. Все что-то продают или помогают продавать. Занимаются этим и правительственные и простые люди. Первые — по большому, вторые — по маленькому. Говорят, что весь берег уже почти продали. Остаются предгорные и горные участки. К чему бы все это, дад?

– Э-э, Камщищ, – вздохнул Гедлач, – сдается мне, что те, кто не сумел здесь что-нибудь купить-продать, окажутся скоро в предгорьях, а если «купи-продай землю» в предгорья и горы придет, то не исключено, что место нам останется лишь на горе Эрцаху.

– Нет худа без добра, – подумав, ответил мудрый Камщищ. – Согласно древнему преданию, которое я слышал в детстве от моего прапрадеда Хуатхуата, если на эту святую вершину утром поднимется старец и спустится с нее до заката солнца, то станет он молодым, а если туда же поднимется юноша, то станет он мудрым. Глядишь, так у всех нас и глаза откроются, и мы поймем, что вдруг все оказались в большой резиновой калоше, подобно той, что раздавали крестьянам перед выборами в президенты.

Вдруг, Гедлач вонзил посох-алабашу в корень прибрежного олеандра, застыл как вкопанный и устремил пронзительный взгляд в Будущее.

– Хайт абаапс, Гедлач, крепись, анаассыни, кажется у тебя видение! – воскликнул Камщищ.

Через некоторое время Гедлач очнулся. Но, перед глазами его пока еще стояло зрелище: медленно и величественно, пересекая Сухумскую бухту, в сторону Мюссерских холмов, подобно миражу, проплыл Ноев ковчег в виде большой резиновой калоши.

Газета «Новый день». 2009

ХЬЯЧХУАМА

Январь. Хъячхуама. Вечерело. На второй день после ритуального семейного моления старец Гедлач по лесной тропе отправился поздравить своего друга Камшища.

Оказывается, тот тоже шел к нему в гости, спускаясь с холма Лажвырхуа (Холм дряхлого пса). Так они встретились возле горной речушки Цвикуара (Бычья речка).

— О, Гедлач! — воскликнул Камшищ, — я-то иду к тебе, а ты куда?

— Просто у меня первая нога более счастливая, чем у тебя, — ответил Гедлач, — поэтому я хотел к тебе по раныше заглянуть.

Январское солнце начинало подтапливать снег, который пятнами покрывал землю.

Старики постояли, опираясь на свои посохи.

— Ну, как в новом году бюджет твоей старухи? — спросил Гедлач.

— Примерно как у той вдовы, что варила камни в котле для мамалыги, — ответил Камшищ.

— Говоришь ты загадками, старик, — заметил Гедлач.

Медля с ответом, Камшищ отошел и начал мыть свои калоши, надетые на азиатские сапоги, в речке Цвикуара. Пронзительно взглядываясь в процесс омывания калош, Гедлач, прикрыв один глаз и прищурив другой, внезапно воскликнул:

— Что, неужели и у тебя тоже...?

– Не то, что ты думаешь, у меня калоши «Сухум-Соч», им лет шестьдесят и все, как новые. Такое тебе перед выборами не подарят, это – настоящие! – ответил Камщиц, с гордостью разглядывая свои вымытые калоши.

Неожиданно из чащи выскочил здоровенный волк. Верхом на нем сидел Ламшац – дальний сосед с холма Чадащхуа (Ослиный след). Даже видавшие виды старцы были поражены и стали, как вкопанные, при виде всадника на волке, который был при папахе и в бурке. Одной рукой Ламшац вцепился в холку лесного хищника, в другой держал длинный посох – алабашу. Увидев соседей, он соскочил с волка и сделал вид, что не имеет к нему никакого отношения, воскликнув: «Ыйт, абна улдзаайт! (Чтоб твой род сгинул в лесу!)».

– Здравствуйте, соседи, с праздником! – как ни в чем не бывало, Ламшац, расправляя бурку, подошел к старцам.

– Добро тебе, сосед, – ответили ему. – Вроде ты сейчас верхом был.

– Да нет, – не смутился Ламшац, – я пешком вышел. Вот, ведь как получается, – разглаживая серебристые, длинные усы, одновременно разглядывая калоши Камщица, глубокомысленно изрек он: грузинских агрессоров победили, получили признание, а что делать с волками не знаем, у нас в лесу зверей стало больше, чем людей в селе, уже не боятся нас, бродят рядом с нами, – кивнул в сторону убегающего волка.

Ламшац вдруг засуетился, заспешил и распрошавшись удалился.

– За опушкой волк его ждет, – Камщиц подняв посох, указал наконечником, – опять поскачет на нем, скорее всего, через Бзыбь выйдет на верховья Кодора, а затем по Гергемышскому спуску, надев на волчью лапы самодельные, специальные лыжи, доберется до Герзельского водопада, посетит знакомую старуху Хамжаж,

которая посредством метания фасоли решает исход будущих выборов.

...Про Ламшаца рассказывали, как однажды, катаясь на волке, он сбился со своего маршрута, глубоко задумавшись. Проскочив Бзыбское ущелье, он доскакал до границы по реке Псоу, и тут он вышел из задумчивости. Правильно оценив ситуацию, Ламшац повернулся направо, вдоль реки Псоу, доскакал до российской стороны горы Аибга, нарушив российско-абхазскую границу. Его засекли пограничники, и в целях безопасности в воздух были подняты самолеты-штурмовики, потому что, в это время на Красной Поляне отдыхали две высокопоставленные особы. Быстро надев на волчьи лапы самодельные лыжи, Ламшац пролетел вниз по склону горы как черный смерч, раззвевая на ветру широкую бурку и вмиг оказался на абхазской стороне горы Аибга. Пограничники обстреляли его лазерно-магнитной электронной пушкой, которая применялась исключительно против летающих тарелок. Пушку, кстати, впервые применили американцы в пустыне Южно-Африканской республики. Лазерный луч прожег бурку в двух местах и срезал левое ухо волка.

– Не бойся, Бгаладж! – крикнул Ламшац, и посохом пригрозил пограничникам, что последними было расценено как ответный удар. Не успел Ламшац скрыться в лесах Ахчипсе, за Гагрским хребтом, как выпустили в него ракету класса «земля-воздух». Взрывной волной убило волка, а он чудом остался в живых. Быстро похоронив своего Бгаладжа, он поймал в окрестном лесу другого хищника и укротил его. На дрессировку ушло всего пятнадцать минут. Через два часа он уже дома ел мамалыгу с сыром и фасолью, запивая вином «Изабелла».

– А что скажешь, Камщиц, про бюджет республики? – Гедлач вернулся к началу беседы.

– Такой же, как у моей старухи, или как у той вдовы, что камни в кotle варила. – Камщиц напомнил сюжет

легенды: – Как-то шел через наше село пророк-апааимбар и зашел в гости к одной вдове, у которой голодные дети плакали, а она положила камни в котел для мамалыги и стала размешивать «муку» мамалыжной лопатой, таким способом отвлекая детей от голода. Пророк сжался над бедной вдовой и превратил камни в кукурузную муку. Она очень заботилась о своих детях, поэтому чудо произошло.

– Выходит, что в нашем бюджете тоже камни варятся, а правительственные на чудо надеются? – задумался Гедлач.

– Нет, апааимбара не обманешь. Для того, чтобы иметь в бюджете мамалыгу, нужно больше думать о «народном котле», чем о личном своем, – заключил Камщиц.

– Что же, Гедлач, если у тебя нога лучше, то пойдем ко мне домой, – сказал Камщиц.

Старики не спеша, переговариваясь пошли вместе завершить праздник Хьячхуама – День обновления Вселенной.

На горизонте холма Лажвырхуа промелькнул силуэт всадника на волке.

Вечерело. Хьячхуама. Январь.

Газета «Новый день». 2009

ДВОРЕЦ АЭТА

*Пьеса в одном акте, основана на реальных событиях
и фактах жизни звериного царства*

Действующие лица:

А ж в е й п ш – владыка зверей и покровитель охоты в абхазской мифологии.

Б г а л а д ж К у д ж м а х а н о в и ч – матерый волк.

А б а г х - П ы з а – козел-вожак.

Х ы м а т – небольшой, но очень злой змей.

Б е л а я В о р о н а в розовых тапочках.

С о й к а .

Н а ч и т а н н а я М у д р а я С о в а .

Л о ш а д ь К у м ч а .

Б у л ь д о г Б о б – редактор газеты «Голос Усадьбы».

Т у ш к а н ч и к – фотокорреспондент.

Д а м ш , Х у д ы ш – сторожевые собаки, охраняющие Дворец Аэта.

Л е в .

С л о н .

Т и г р .

Е х и д н а .

Е ж , О р е л , К а б а н , К о р ш у н , Д з о н д з и Д з о р г а – местный и заингурский шакалы, Е н о т , Б а р с у к , К а к а д у , К е н г у р у и д р .

Г о р и л л о Г а м а д р и л о в и ч Ш и м п а н а д з е – бывший обитатель Обезьяньего питомника.

Я с н о в и д я щ и й Е д р а т .

М а с т е р по костюмам и шкурам.

Начало

Недалеко от берега моря, посреди красивой поляны, на правом берегу реки Чалбащ стоит утопающий в субтропической зелени старинный Дворец Аэта. На этом месте, где стоит Дворец, родоначальник охотников Акун-ипа Хатажуква, который получил титул Абчараха лично от Ажвейпша, построил плетеную хижину в начале третьего тысячелетия до нашей эры. После его смерти колхидский царь Аэт построил Дворец на этом месте для своего сына Апсырта и дочери Медеи. Понтийский правитель, жестокосердный Митридат VI Евпатор захватил это место в 70 г. до Рождества Христова, но вскоре римляне разгромили войска Митридата и перестроили Дворец, назвав его Себастополисом, а сам Митридат бежал к скифам на север, преследуемый Помпеем, и пал жертвой собственного удальства. Много раз Дворец перестраивался, менял свой вид, менял царей и правителей, но изгнанный из своего Дворца Абчарах всегда возвращался и занимал свое место. Нужно сказать, что Абчарах был всегда первым советником абхазских царей по внутренним и внешним вопросам. Последний Абчарах умер два года тому назад, а сын, пока еще несовершеннолетний, учится в школе. Глава охотников и по совместительству постоянный представитель Ажвейпша в прибрежной зоне, Абчарах долго правил в своем Дворце, и эти годы были довольно стабильными, без внутренних и внешних потрясений. Сейчас дворец не пустует – две собаки – Дамш и Худыш, кавказские овчарки, продолжают охранять Дворец, а также все имущество, госдачи и угодья, принадлежавшие Абчараху. В праздничные дни, а также во время приема высоких гостей Дамш и Худыш поднимают флаг с изображением горного тура и поют гимн – песнь в честь Ажвейпша. Долгое время в библиотеке Дворца хранился оригинал сочинение Аполлония Родосского «Аргонавтика», где

он подробно описал Дворец Аэта. Согласно оригиналу сочинения, который доставил во Дворец друг Аполлона Родосского – Ра-ипа Аубла Лау-Абаза, глазам аргонавтов открылся великолепный вид Дворца, они дивились ограде и широким вратам, и колоннам, тесно опоясывавшим стену. Над Дворцом поднимался карниз каменный – был он на медных триглифах. Когда аргонавты перешли порог, их взору открылся потрясающий вид: словно в венце из зеленых листьев, виноградные лозы, ввысь поднимаясь, пышно цвели. А под ними четыре ключа изливались вечно журча. Один из них млеком струился; рядом, другой – бил вином; третий – маслом бежал благовонным; четвертый – выбивался из полой пещеры горячей целебной водой. В данное время о них напоминает только река Басла.

Явление первое

Однажды старый, дряхлый Лев оповестил всех зверей о том, что собирается созвать сход, посвященный реформам и наболевшим вопросам в зверином сообществе. После этого, в одно прекрасное утро царь зверей вышел из леса и направился в сторону моря, своей медленной походкой номенклатурного работника высшего ранга. Весть о том, что Лев покинул свое место, мгновенно облетела все окрестные леса и горы. Звери, конечно, пошли за ним, но, ни один из них не решился спросить Льва о том, согласованы ли его шаги с Владыкой Ажвейпшем, который пока является Главой всего звериного царства. Так, или иначе, движимые жгучим любопытством, остальные обитатели гор и лесов вышли из своих мест и потянулись за Львом, строго соблюдая дистанцию. К полудню Лев достиг намеченной цели – подошел к инжировому дереву, росшему возле ограды Дворца Аэта и, не

спеша лег в его тени и захрапел. Очевидно, возраст сильно давал о себе знать, силы уже покидали его. Подтянувшись звери, не зная что предпринять дальше, остановились в нерешительности, но, неожиданно инициативу на себя взял
Бгаладж Куджмаханович.

Бгаладж Куджмаханович (*резким, хрипловатым голосом, уверенно и энергично*). Отныне охранять Дворец Аэта буду я – Бгаладж, сроком на пять лет, уважающие себя звери дадут мне поддержку! Моя программа: в кратчайшие сроки провести модернизацию экономики и либеральные реформы, ввести частную собственность на землю, дачи, гнезда, норы и берлоги. Главное, конечно, дисциплина, желательно, германского образца 30-х годов прошлого века, ну и конечно, миллиардные финансовые вливания! Для начала всех бродячих собак уничтожим в кратчайшие сроки, во избежания бешенства, а по всей трассе от Псоу до Ингурा будут построены туалеты для нужд отдыхающих – входы отдельно, для самок и самцов. Во время моего правления будут осуществлены большие стройки: школы, детские сады, плавательный бассейн в поселке Глубокий Овраг, и чуть не забыл, стадион на 10 тысяч мест для зверей в центре нашей столицы! И еще, заингурских беженцев-шакалов частично пустим в наши чащобы, выдадим всем паспорта, если даже не признают нас. Да, чуть не забыл, на инагурации придется изменить текст присяги Ажвейпшу, вместо слов «Да покарает меня Ажвейпш, если я предам интересы зверей» мы впишем: «Да помогут нам в наших делах здоровые звериные инстинкты».

Услышав шум, к воротам Дворца подбежали кавказские овчарки
Дамш и Худыш, с громким лаем и рычанием.

Дамш (*грозно*). Немедленно возвращайтесь в свои леса, во владения Ажвейпша и займитесь своими делами, иначе – порвем всех как Тузик тряпку!

Худыш (громогласно). Мочить будем в сортире!

Бгаладж Куджмакханович (вплотную подойдя к вофотам Дворца). Давайте не будем накалять обстановку, спокойно проведем честные демократические выборы путем голосования. За меня проголосует значительная часть звериного сообщества: Енот, Горилла, Какаду, Хымат... у нас много голосов. Например, когда Шакал голосует в Верхнем Баргяпе, даже в Бармыше слышен его голос!

Дамш (саркастически). Допустим, придешь к власти и как собираешься управлять Дворцом, какими качествами политика обладаешь кроме зверского аппетита?

Худыш. Напиши декларацию о своих доходах и передай Ехидне...

Бгаладж Куджмакханович. Все качества, нужные достойному зверю для политической деятельности, у меня есть. А у вас, кроме тупого повиновения, нет никаких достоинств. Кстати, и аппетит у меня умеренный, в неделю буду съедать только одного бычка, или телку. В качестве надбавки будет мамалыга с мацони – айцаркваква.

Хымат (первая вступилась за Бгаладжа). Куджмакханович прав, во всем мире демократия, а вы цепляетесь за Монархию в виде аристократической республики и поклоняетесь всяkim Высшим Силам, которых нет. Это средневековые! Это атавизм! Как положено в цивилизованном обществе, внесем поправку в текст Конституции и путем голосования сначала изберем охрану Дворца, а затем, конечно, и нового, более достойного, зверолюбивого Абчараха. Насколько мы знаем, Абчарах, который нещадно нас истреблял, умер бездетным.

Худыш (решительно). С вами все ясно, для начала хотите ликвидировать охрану, а потом и самого Абчараха! Знайте, у него есть сын, но ему пока двенадцать лет. Сейчас его нет дома, он учится в Цандрипшском колледже.

Б г а л а д ж К у д ж м а х а н о в и ч (*неожиданно проявив гибкость*). Нет, мы ничего не имеем против законного наследника, пусть будет и Монархия тоже, пока демократия не окрепнет. А регентом для юного монарха назначим Гориллу, он больше всех нас внешне, да и внутренне тоже напоминает человека.

Явление второе

Обстановка накалялась. Спорящие стороны привлекли внимание как домашних животных, так и прибрежных людей. К Дворцу стали подтягиваться как сторонники Бгаладжа Куджмахановича, так и сторонники сторожевых собак, а также нейтральные, во главе с Мудрой Совой. Одним из последних подошел Осел и занял свое место возле забора.

В это время, стадо коз под предводительством вожака Абагх-Пыза, с рогами, напоминающими арку, перешло по висячemu мосту через реку Чалбаш. Движением головы вожак остановил стадо, а сам, с важным видом и достоинством подойдя к собравшимся, поинтересовался о том, что происходит.

А б а г х - Пыз а (*выслушав обе стороны*). Для нас, животных, впрочем, как и для зверей, первостепенное значение имеет строгое иерархическое подчинение и послушание. Думаю, что не стоит предпринимать поспешных решений, для начала необходимо направить делегацию зверей на гору Эрцаху, к Ажвейпшу и узнать его мнение.

Б г а л а д ж (*неожиданно рассвифепев*). Нету, и не может быть уже того Ажвейпша, который властвовал над нами! Он постарел, оглох и одряхлел – одним и тем же охотникам дает дичь.

Х я м а т. До нас дошла ужасная весть: Ажвейпш намеревался из костей зверей построить Замок для своей

жены, по ее просьбе. Если бы не Мудрая Сова, которая пристыдила Владыку, он готов был нас всех погубить ради исполнения прихотей своей жены!

Начитанная Мудрая Сова (*взмахнув крыльями, окинула зорким оком зверей с вершины шелковицы*). Глубоко сожалею о том, что заступилась за вас, бунтовщиков. Кое-кого из присутствующих здесь, не помешало бы использовать в качестве строительного материала для Замка!

Абагх-Пыза (*возвращая разговор в нужное русло*). Не забывайте о том, что Ажвейпш все же бессмертен, хотя и одряхлел немного, кроме того он, как вы знаете, умеет воскрешать съеденную дичь, кости и остатки ее мяса, завернув в шкуру и ударив своей плетью. Не советую его гневить, лучше подчиниться его воле.

Бгаладж Куджмакхонович. Мы не разделяем мнение той части научной интелигенции, которая считает, что дикие животные в интеллектуальном и нравственном отношениях уступают домашним. Согласно новейшим исследованиям в этой области науки, в настоящее время наблюдается обратный процесс озверения домашних животных. Пришло и наше время – управлять Дворцом.

Хымат (*блестя красным узором на животе, повернув голову в сторону Дворца*). Кому-то там, трудно произнести два слова: Бгаладж-ж-ж Кудж-ж-жмаханович!

Бгаладж Куджмакхонович (*с беспокойством оглядывая своих сторонников*). Не сдавайте свои позиции!

Осел. И мы тоже готовы внести свой интеллектуальный вклад в строительство нового сообщества, возможно в качестве экспертов и аналитиков.

Белая Ворона (*экстравагантная, с всклокоченными перьями*). Ни одной экзистенциальной фразы я здесь

не услышала! Просто хочется ржать по-лошадиному от вашей тупости.

Л о ш а д ь К у м ч а. Если будет в этом надобность, есть здесь кому ржать, а ты каркай своим «меццо-сопрано». Мы находимся на авторитетном зверином сходе, это тебе не проводы во Дворце Аэта спецпредставителя Генсека ООН Дитера Бодена! (*Сужасом вспоминая годы, проведенные на конной турбазе, возле пещеры «Абрскил», где она каталась на себе туристов.*) Нужно добиться того, чтобы туристы приезжали к нам на своих лошадях, нельзя же местное население превращать в обслуживающий персонал гостиниц и турбаз. Так вообще забудем свои неповторимые обычаи и свой родной язык. Почему Парламент не принимает Закон о языке!

Б е л а я В о р о н а. Во-первых, в нашем мире животных и птиц почетному гостю принято дарить коня, а не ворону. Так-как я не могла принести тебя, Кумча, в дар столь высокому представителю ООН, то, я от себя лично подарила ему символический подарок – лошадиное ржание. И, кстати, получилось красиво и эстетично! Что-же в этом плохого?

Н а ч и т а н н а я М у д р а я С о в а (*обращаясь к Белой Вороне в розовых тапочках, проговорила как бы про себя*). Порадует бы Кьеркегора или Хайдеггера, если очень хочет-ся насладиться экзистенциальным стилем.

С о й к а (*клювом порыввшись у себя под крылом*). Не стоит за этим далеко ходить, наши писатели Мачала-кья и Мчындыр тоже неплохие экзистенциалисты.

Б е л а я В о р о н а (*развернулась и пошла прочь, к забору*). Отряхну пыль ваших троп от моих тапочек и уеду в Крым!

К о р ш у н (*рассерженно клекотнул*). Там и допишешь свое «Крымско-кавказское randevu».

Ехидна толкнула Ежика в колючий бок, показывая лапкой на Боба.

Поскуливая от чрезмерного возбуждения, мастер репортажа

Бульдог Боб подошел к стоящему особняком от всех и время от времени важно похрюкивающему Кабану и спросил его о том, какие первоочередные задачи стоят перед звериным обществом. «Сейчас, главное, статус и международное признание!» – сказал коротко Кабан, сверкнув клыками, показывая свою компетентность в области политологии и междузвериных отношений). Сдается мне, что кавказские овчарки будут опять бить Боба, он чрезмерно возбужден и явно что-то замышляет...

Е ж и к (*ничего не понял и пожал плечами*). Зачем его бить, он неплохо справляется со своей работой.

Т у ш к а н ч и к. Медведь Широколапый Бытхур обещал скоро спуститься с горы Чумкузба и присоединиться к нам, кто хочет запечатлеть себя с Широколапым в групповом снимке, прошу за мной, к кованной ограде Дворца. Снимки будут висеть на заборе, у входа в МВО.

Никто кроме Барсука не откликнулся на призыв Тушканчика.

Б а р с у к. Давно я мечтал сфотографироваться вдвоем с Медведем...

Л е в (*открыл один глаз, а другой прищурил, три раза громко кашлянул и чихнул громогласно. Все притихли, решив, что престарелый царь зверей рассерженно рыкнул, но это был начинавшийся бронхит*). Разбудите меня, когда закончится ваш бедлам.

Д з о н д з (*шакал местный, обращаясь к заингурскому шакалу Дзорге*). Надоела политика, Вася, пойдем в карты поиграем.

Д з о р г а (*шакал заингурский*). Нет, сыграем лучше в домино, скоро у вас будет чемпионат мира, может и меня включат в команду. В Драндской тюрьме я был чемпионом среди заключенных.

Н а ч и т а н н а я М у д р а я С о в а. Предлагаю пригласить на сход Ясновидящего Едрата, по крайней мере он предскажет, кто займет место Абчараха в ближайшие семь лет.

Явление третье

Общим голосованием решено было послать за Ясновидящим Едратом, который мог предсказать то, что произойдет через семь лет. Бгаладж Куджмаханович воспользовался паузой и направил разговор в нужное ему русло. Верный нюх не обманывал его, сложилась революционная ситуация, при которой, верхи не могли править так, как раньше, а низы не хотели жить так, как сейчас.

Б г а л а д ж К у д ж м а х а н о в и ч . Дамы и Господа!
Приближаются Апокалиптические времена. Ажвейши постарел, оглох, люди беспощадно истребляют зверей. Додумались даже на вертолете полететь в горы на охоту. Всех зубров, завезенных из Беловежской пущи для размножения за один день истребили, потом за деньги скормили отдыхающим в апацхе на Рице. Нам даже попробовать не дали, зато, в газете «Правда» по этому поводу напечатана была статья под названием «Волки на вертолете». Опять всю вину свалили на нас!

Н а ч и т а н н а я М у д р а я С о в а . Не о таких ли как ты, Бгаладж, сказано в Писании: «Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме».

О с е л (со слезами на глазах). А кто съел моего брата у Беслестского моста?

Б г а л а д ж К у д ж м а х а н о в и ч (нервничая по поводу того, что каждый раз кто-то уводит разговор в сторону). Мы действуем корректно, в рамках борьбы за выживание и естественного отбора. А что касается твоего брата, который по ночам бродит за чертой города, возле Беслестского моста, дорогой Осел, хочу напомнить, что мы имеем право съесть любого за чертой города. И потом, а какие у тебя, Осел, вообще доказательства, что брата твоего съели именно мы? За клевету, между прочим, привлекают к ответственности. Все под Богом ходим. И меня тоже, кстати, пытались убить. Притом несколько раз. Но я же не утверждаю, что ослы поку-

шались на мою жизнь. Мой совет тебе, учись, читай больше марксистско-ленинскую литературу, глядишь и дорастешь до уровня глубокого аналитика.

О с е л (вытирая слезы можнатыми ушами). Чем мешал мой брат вашему естественному отбору?

Б г а л а д ж К у д ж м а х а н о в и ч . Почтайте Дарвина, узнаешь! (*Раздраженно отмахнувшись от Осла.*) Жаль, но главную беду никто не видит. Нет четкой идеологии, если хотите – национальной идеи. Именно сейчас, как никогда необходимо возродить наши адаты! Посмотрите на что стали похожи наши свадьбы и похороны: пьют по двадцать стаканов вина. Со всей ответственностью заявляю, если я буду охранять Дворец, немедленно будет издан Закон, согласно которому, на свадьбах – не больше семи стаканов; а на похоронах – пять. Только в день похорон будем сажать гостей за стол, и то не всех гостей, а прибывших издалека, скажем из Бзыбского в Абжуйский район, или наоборот. В общем, нужна «перезагрузка» в наших отношениях, зашедших в тупик.

Н а ч и т а н н а я М у д р а я С о в а . Настоящий кризис наступит, если Ажвейпш самоустранился, отказавшись от нас, ибо мы сегодня извратили «Соглашение между людьми, зверями и домашними животными», принятное в Кодорском ущелье, у Багадской Скалы и подписанный самим Адамом. Текст договора, регламентирующий права и обязанности каждого вида, каждого зверя, написанный на оленьей шкуре, висел в Эдеме, на ветке Дерева Добра и Зла. К сожалению, злые силы уничтожили оленью шкуру, копии были похищены. Но в наших сердцах остались нерукотворные копии! Да-вайте, пока не поздно, пока он еще на ногах, попросим Ажвейпша, чтобы он принял нас и выслушал. Вместо того чтобы идти в горы, на Эрцаху, мы приперлись сюда, на берег моря, стремясь захватить Дворец Аэта! Поймите же, не наше это дело!

К е н г у р у (услышав о том, что в Абхазии состоится сход зверей, тут-же отправился в путь прямо из Австралии.

За ним увязался Стравус, но где-то в Северной Африке, кажется в Ливии, попал под бомбезку и погиб. С большим трудом перейдя российско-абхазскую границу, Кенгуру проскакал мимо места схода еще на сорок километров. Пришлось ночевать ему на Кенгурийском вокзале, а наутро, пробегая мимо аэропорта Бабушара, увидел такое зрелище, какое не приходилось, наверно, видеть никому: навстречу верхом на волке, по взлетной полосе, как черный смерч, проскакал Ламшац, направляясь в сторону спорного села Аибга. Кенгуру пожалел Ламшаца, ему даже захотелось посадить странного всадника на волка в свою сумочку вместо детеныша и покатать, разумеется если Ламшац поместится в этой сумочке с буркой и посохом в руке. Кенгуру был крайне возмущен отношением российских таможенников к гражданам дальнего зарубежья, направляющихся в Абхазию). Они заглянули в мою сумочку, и даже шарили в ней запустив туда свои руки! Наверное, доллары искали.

Д з о н д з (*местный шакал*). В такой удобной сумочке хорошо прятать наркотики и перевозить через границу.

Д з о р г а (*заингурский шакал*). Этот странный Кенгуру нам нужет там, за Ингуром, в Эндуруске.

Г о р и л л а Г а м а д р и л о в и ч Ш и м п а н а д з е (*интеллигентной походкой, пробираясь через толпу, сразу обратил на себя внимание собравшихся. Яркая внешность и интеллектуальный вид вызвали жгучее любопытство всего схода. Бульдог Боб поспешил к нему, намереваясь взять интервью. За ним побежал Тушканчик, на ходу настравив огромный цифровой фотоаппарат*). Дамы и Господа! Накопилось много проблем, но хочется начать свою речь хорошей новостью: в эту субботу приглашаю вас всех в свадебный зал Сухумприбора на бракосочетание: Снежный Человек Абынуау согласился выдать за меня свою дочь, племянницу знаменитой Заны!

Е х и д н а (*хихикнула*). Интересно посмотреть на чудо, которое рождается от такого союза.

Е ж и к. Если чудо будет мужского пола, вполне воз-

можно, мы получим нового родоначальника новой династии Главы охотников и диких зверей.

Шимпанадзе (*услышав ехидное замечание Ехидны*). Это ты, Ехидна, звероптица, посмотри на себя! Скоро превратишься в яйценесущую курицу.

Хымат (*интуитивно почувствовав настроение толпы*). Может быть вместо дряхлого Ажвейпша покровителем охоты избрать Гориллу Гамадриловича? Он и внешне почти не отличается от человека. А если надеть на него английский костюм и галстук, как у Сакашвили, шерсть уложить феном и надушить – вылитый Рональд Рейган в молодые годы.

Ехидна (*вставила ехидно*). Не забудьте купить еще мокасины 56 размера!

Дамш (*осадил наглого Шимпанадзе*). Все знают, что ты совершил побег из Обезьяньего Питомника во время войны с заингурскими шакалами. В Абхазии никогда не было вольных обезьян, поэтому, ты должен покинуть сход!

Шимпанадзе. Во-первых, я не сбежал из обезьяньего питомника, я там работал научным сотрудником. Вывеска и сегодня висит на двери 24 кабинета: «Горилла Гамадрилович Шимпанадзе. Кандидат биологических наук». Меня лично знал даже Эдуард Шеварднадзе. В 1972 году, когда он будучи Первым секретарем ЦК КП Грузии, после расширенного партийно-хозяйственно-го актива автономной республики, посетил ИЭПИТ, Борис Аркадьевич лично познакомил меня с ним. Долго мы с ним беседовали. Кстати, слово «перестройка» впервые родилось во время нашей беседы. Что касается моей кандидатской диссертации: «Морально-этический и нравственный аспект клонирования обезьяноподобного человека», то она явилась большим вкладом в советскую науку. Бессменный директор ИЭПИТА Борис Аркадьевич Лапин и сегодня готов принять меня ведущим научным сотрудником в Адлерский обезьяний пи-

томник. Если здесь, на Родине я никому не нужен, сделаю паспорт, российское гражданство и уеду, тем более, что квартиру мою в Новом районе уже давно заняли.

Ехидна. Да, но все научные работники обезьяньего питомника одной национальности, Борис Аркадьевич просто других не принимает.

Начитанная Мудрая Сова. Прошу всех воздерживаться от антисемитских высказываний!

Осел. Друзья не допустим утечки мозгов, зачем нужному кадру уезжать в Адлер, может сам Борис Аркадьевич еще вернется к нам?

Ехидна (*подняв свое рыльце*). Пусть Шимпанадзе покажет нам золотые часы, подаренные ему Шеварднанзе!

Шимпанадзе (*держанно, спокойно и с достоинством*). Я, как некоторые, никогда не скрывал и не скрываю дорогой подарок. Я горжусь этим! Вот его золото на моей руке (*показал шерстистую руку, на запястье которой блеснули швейцарские часы*).

Тигр (*неожиданно вскочив с места, нанес удар Шимпанадзе в морду*). Мерзавец! Забыл как начальник угро-зыска Сухумской милиции Гугуни Пацания вместе с Шапиро арестовали тебя на набережной, когда ты, сбежав в очередной раз из клетки, развлекался с оты-хающими девицами из Перми, представившись им биз-несменом из западногрузинского города Зугдиди?

Шимпанадзе (*широким инжировым листом вытирая кровь с носа*). Прошу засвидетельствовать! Это не первый случай, Тигр в последнее время уже избил не-сколько высокопоставленных зверей, арестуйте его!

Ехидна (*на ухо Ежику*). Скорее Слона можно посадить в тюрьму, и то на полтора дня, к тому же по стечению чрезвычайных обстоятельств, но не Тигра... Хотя вообще-то слоны топчут тигров.

Ежик (*громко, чтобы все слышали*). Уже посадили! Сегодня утром арестовали Слона, за то, что он, насту-пив на СЧЕТНУЮ ПАЛАТУ, разрушил ее, а хоботом

свалил забор из колючей проволоки. При этом, трубным голосом прокричал: «Верните народу украденные 347 миллионов!»

Е н о т. Да, это правда, я видел как понесли в ИВС Слону для подкрепления несколько тонн бамбуковых листьев из Ботанического сада.

Х ы м а т. Пусть посидит, если не умеет разговаривать! Какое его дело знать, откуда миллионы приходят и уходят? Лучше кушал бы дома свою зелень...

Б у л ь д о г Б о б (*подходит осторожно к спящему Льву и шепчет на ухо*). Как вы думаете, чем закончится история со Слоном?

Б е л а я В о р о н а (*в розовых тапочках громко каракает на всю поляну*). Свободу Слону!

Л е в (*не просыпаясь перевернулся на другой бок и чихнул. Боб как ошпаренный отскочил от него*). Не забудьте разбудить меня, когда закончится сход.

К а к а д у. Вообще-то арест Слона стал возможным благодаря законопослушному нраву самого Слона и что, кстати, чуть было не стоило властолюбивым хищникам, стоявшим у власти, потерять эту самую власть. Еще бы несколько часов и их власть вполне могла быть сметена. Вот и освободили его, боясь схода звериного сообщества вместе с домашними животными, способного дерзнуть освободить хозяина джунглей.

Е х и д н а. Потому-то теперь сайт Слона «В мире животных» в интернете, будет самым популярным.

Горный Орел кружит высоко над сходом в воздухе, подобно истребителю СУ-27. Что-то клекотнул Коршуну, восседавшему на ветке гималайского кедра.

К о р ш у н. Горный Орел передал нам: «Друзья, потерпите, не ссорьтесь! Вижу, на горизонте появился Ясновидящий Едрат, он направляется к вам со своим волкодавом Хударцви».

Услышав это, Бгаладж съежился.

Начитанная Мудрая Сова. Наконец-то свершилось! С помощью Едрата, мы сегодня примем единственно правильное решение, потому что он правдолюб и кровный родственник как Ажвейпша, так и Абчараха.

Горный Орел опять что-то клекотнул Коршуну.

Коршун. Уважаемые соотечественники! Едрат-ясновидец решил посетить не вас, а Ажвейпша, он направляется в горы, к Владыке, а вам просил передать что, Бгаладж Куджмаханович будет править в течение времен, времени и полвремени. А после этого он будет с позором изгнан из Дворца Аэта. После этого настанут хорошие времена в нашей многострадальной стране.

Все стало ясно, все немного успокоились и сход стал постепенно расходиться.

Конец

ЦЕНА МОЛЧАНИЯ

СУДЬБА

*Есть растение,
цветущее раз в жизни,
после этого – умирающее.*

Пускай на нем лежит проклятье,
И гибельно его цветенье:
Весна приходит, и опять он
Живет надеждой на спасенье.

Живет, среди других страдая,
Когда весна вокруг ликует –
Своей судьбы не принимая,
На светлом празднике тоскуя.

Но он дышал весной безбрежной,
Когда однажды, на рассвете,
Оделся в траур белоснежный
И умер, смерти не заметив.

Он был рожден, годами мучась,
Соединить в одно мгновенье
Свою немыслимую участь –
Печаль могилы и цветенье!

Перевод Александра Бардодыма

ЦЕНА МОЛЧАНИЯ

Утром в горы бросил крик.
Голос мой летел и рос,
Прыгал, бился об утес.
Поразился как он рос,
Тот, кто слышал в этот миг.
Голос рвался, полный сил,
Словно выстрел ударял
О молчанье древних скал,
И ответ мне прозвучал:
«Кто же, кто же нас убил?»

Раскололись и дробились
Камни в грохоте обвала.
Лишь теперь мне ясно стало:
Тишина их сохраняла.
Мне молчание открылось.

Перевод Александра Бардодыма

ЛЕПЕСТКИ И СНЕЖИНКИ

Мельтеша и кружась,
Лепестков снежный рой,
Над зимою смеясь,
Падал вешней порой.

В тот обманчивый миг,
Среди их кутерьмы,
Сам я в мыслях моих
Был далек от зимы...

Над весною смеясь,
Лепестков снежных рой,
Мельтеша и кружась,
Падал зимней порой.

Перевод Натальи Хлебниковой

* * *

Могучая волна,
Грозно нарастаая,
Стала на дыбы.
На полном скаку,
Лихому джигиту
Словно повинуясь,
Обрушилась на берег.
Длинно скользнув
По гладкому песку,
Пеной белоснежной
Откатилась.
Стая мелких волн,
Второстепенных,
Беззвучно исчезала
Постепенно
В пене первой,
Той,
Первостепенной.

Перевод Натальи Хлебниковой

БЕРЕГ БЕЗ ВОДЫ

*Высохшее русло станет золотым,
если вновь наполнится живительной водой.*

Абхазская пословица

Камни белой борозды
Вспоминают грустно
Говор ключевой воды –
Золотое Русло.

Здесь молчание царит,
Тайна здесь хранима.
Камень с небом говорит,
Время льется мимо.

В тишине, грозя бедой,
Буря собирается –
Злой, грохочущей водой
Руслу захлебнется.

Волны мутные пройдут –
Взяв, что поддается.
Камни дух переведут,
Камень не сдается!

Перевод Юрия Лакербаля

* * *

В сумерках
схлестнулись
День и ночь –

Светляками брызнули
Искры.
И был день.
И была ночь.

* * *

Далеко в небе
пролетевший орел
Напомнил,
Что, я никогда
Не летал.

ОСЕНЬ

Буйный дух винограда
Не может
течь спокойно
В жилах лозы.
Старые бочки волнуются
Перед встречей
с новым вином.
Осенний дождь
Барабанит по крышам домов,
по окнам,
По кронам деревьев –
Состязаясь с
проникновенным
Звуком чонгуря.

* * *

Бабочка-однодневка
Села мне на руку
И, упорхнула.
Я был эпизодом
В ее длинной жизни...

ВОСПОМИНАНИЯ О ПАСХЕ

Белые облака
Медленно плывут в небе:
Свидетельства вещественные –
Следы от прикосновения рук
Божественных.

ВЕСНА

Взлетает легчайшими хлопьями пепел,
В саду голоса серебристо звучат.
А воздух весенний прохладен и светел,
Горят прошлогодние листья, горят.
И медленно дым поднимается в небо,
Совсем не похожий на жертвенный дым.
И все же – легко уходящее в небыль,
Свой грустный уход посвящает живым...
И, как прошлогодние листья, сгорают
Былые надежды, ненужные впредь.
Весна меня будущим жить призывает:
О том, что сгорело не нужно жалеть.

Перевод Сергея Кузнецова

АБРЕКИ – ХРАНИТЕЛИ ТАИНСТВ ГРААЛЯ

Библия и Абхазия

Главы из книги «Земля Адама» (Л. Регельсон, И. Хварцкия)

ОБ АНГЕЛАХ БОЖЬИХ – ВЕРНЫХ И НЕВЕРНЫХ

Разговор в полдень, высоко в горах

С огласно Библии, АНГЕЛЫ (ивр. МАЛЕАХ, абх. АМААЛЫҚЬ) – это Божьи вестники, служители и помощники Творца. Однако с самого начала необходимо напомнить важное положение христианского богословия о превосходстве человека над ангелами. Св. Григорий Палама утверждал: «Бог дал нам господство над землей. Ангелы же не имеют тела, соединенного с духом и подчиненного духу; поэтому они и не властвуют, а лишь исполняют волю Бога».

Богословы спорят о том, когда были сотворены ангелы: в иудейской традиции чаще всего говорят о первом или втором дне творения; по мнению Иеронима (христианского автора 4–5 вв.), это произошло задолго до сотворения мира.

Общим местом всех мифологий является представление, что весь видимый мир населен и «трепещет» от невидимых душ и воль; по словам Фалеса, «все полно богов». В монотеистических религиях эти духи ответственны перед Единым Богом, являясь посредниками между «горним» и «дольним» миром. Патриарх Иаков увидел во сне лестницу от неба до земли, по которой

сходят и восходят ангелы. В Евангельских текстах ангелы возвещают и славят рождение Христа, его воскресение и вознесение; ангелы являются апостолам, участвуют в апокалиптических сценах.

Считается, что ангелы «бестелесны», в отличие от человека и животных не подвержены плотским нуждам и страстям, являются девственниками (по разным версиям, это андрогины или бесполые существа). В библейских текстах встречаются упоминания о том, что природа ангелов родственна свету, ветру, молниям и «огненным» небесным светилам, а также очистительному огню жертвоприношений. В народных абхазских преданиях «ангелы света» – существа добрые и скромные, чистые как дети, бескорыстно помогающие людям. Некоторые ангелы посещают дом, где родился ребенок, и приносят весть о будущей судьбе и подстерегающих его опасностях; потом они становятся ангелами-хранителями этого человека, появляясь в критические моменты жизни. Среди них выделяются АШАЦЭА (Творцы).

Но, можно ли всерьез верить в реальное существование ангелов? Ведь мы же современные люди, а один из нас не только богослов, но еще и физик по образованию!

Современная наука оказалась беспомощной перед лицом мистического опыта человечества из-за того, что она отказывается принимать идею о существовании особой «психической материи». Как теолог, я считаю наиболее перспективной гипотезу о том, что Бог сотворил скрытую вакуумную первоматерию, возбуждение которой и вызвало появление физической и психической материи, относительно обособленных. Сошлюсь на авторитет ряда христианских экзегетов, которые толкуют первые слова Библии «в начале сотворил Бог небо и землю» как указание на сотворение духовного и материального мира. Следующим актом Божественной воли я считаю создание из психической материи ангелов, предназначенных для управления

эволюцией. Однако крайне важно не упускать из виду основополагающий богословский тезис: «Творец вмешивается в дела мира и человечества только в самые решающие, переломные моменты их истории».

Существует огромная область физических явлений, где влияние психической материи практически не сказывается; современные «точные науки» занимаются только этой областью. Но любое физическое тело, в том числе живой организм, порождает «психическое тело», повторяющее его атомную структуру. В дальнейшем, употребляя термины «психика» или «душа», мы будем иметь в виду именно это психическое тело. Чем выше стоит организм на лестнице эволюции (в процессе «цефализации», по Тейяр-де-Шардену), тем самостоятельней и устойчивей становится его психика, тем сильнее ее обратное воздействие на физическое тело. Здоровая душа противодействует деструктивным процессам в теле – старению и болезням; больная душа способствует этим процессам. После смерти человека его тело постепенно распадается (за некоторыми исключениями, такими как мои святых), тогда как душа переходит к автономному существованию. При этом психическое тело сохраняет информационную память не только обо всех структурах физического тела, но и обо всех процессах, которые в нем протекали от зачатия до смерти.

Можно ли представить себе такую «душу», которая была бы устроена так же сложно, как человеческое тело? Ведь если молекулы ДНК в клетках новорожденного младенца вытянуть в одну линию, ее длина будет в 20 раз больше расстояния от Земли до Солнца! А число связей между нейронами головного мозга человека вообще не поддается воображению, хотя для умственной деятельности используется не более 4% этих связей. Но гораздо важнее другое: многие верующие могут с порога отвергнуть идею отождествления «души» и «ангелов» с каким-то сомнительным «психическим те-

лом». Как бы на этом месте они просто-напросто не захлопнули нашу книгу!

Умные – не захлопнут, хотя бы из любопытства. Вспомним замечательную песню Александра Галича о Мессе И. – С. Баха:

И поет орган, что всему итог –
Это вечный сон, это тлен и прах.
«Не кощунствуй, Бах!», – говорит Бог.
«А Ты дослушай, Бог!», – говорит Бах,
Ты дослушай...

Для тех, кто готов дослушать, продолжим. Хотя сотворенные Богом ангелы обладают свободой воли, первоначально они не имеют собственных мыслей и чувств. Однако, участвуя в эволюции, они воспринимают импульсы не только от своего Творца, но и от животных, и от человека. Именно от них ангелы могут «заразиться» своееволием (чуждым самой их природе), пожелать на свой лад управлять отдельными людьми, церковными общинами, городами и странами. Толкая библейскую книгу Даниила (Дан. 10: 13), Иоанн Златоуст утверждал, что «ангелы народов» могут даже вступать в конфликты друг с другом, помогая своим подопечным в их войнах.

Их природе совершенно чужды индивидуализм, взаимная вражда. Хотя ангелов много, каждый из них воспринимает себя как луч единого источника света. Можно сказать, что иерархия тварных ангелов воспроизводит картину постепенного разворачивания и структурирования нетварных Божественных Энергий. При этом старший по иерархии ангел служит для младших непосредственным проводником Высшей воли. Тот ангел, который почему-либо решается разорвать эту связь, извращает свою природу, совершает акт грехопадения и увлекает за собой всю нижестоящую иерархию. Такой «сонм ангелов» превращается в де-

монов, которые способны переселяться в разные тела (в том числе человеческие), служа для них «генераторами вожделений». Заразившись от хищников кровожадностью и похотью, они могут доводить животный эгоизм человека до безумия и абсурда. Согласно Евангелию, одного такого одержимого бесами человека исцелил Иисус, причем изгнанный Им «нечистый дух» гордо заявил: «Легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5: 9). Можно предположить, что падшие ангелы способны бесконтрольно «размножаться» (почкованием или клонированием) и заселять небесные тела.

Не исключено, что одна из таких демонических рас вселилась в древних ящеров и занялась бессмысленным наращиванием размеров их тел, заводя в тупик эту ветвь эволюции. Отголосок подобных представлений можно найти в сюжетах многих мифов и легенд, где действуют огромные огнедышащие драконы, оборотни, бесы и прочая нечисть.

В отличие от них, верные, добрые ангелы Господни (которые часто, иногда – и то вопрос, отождествляются с духами предков) нередко считаются слабыми и беспомощными. Дух умершего с горечью сказал однажды: «Мы вам сочувствуем, но ничего сделать не можем, потому что наша сила – как сила мухи».

По свидетельству психологов, многим современным людям (в том числе весьма незаурядным) хорошо знаком опыт воспоминаний о собственных «прошлых жизнях». Это загадочное свойство психики можно объяснить тем, что падшие ангелы кочуют из одного тела в другое, извлекая из них структурную информацию и сохраняя память о своих перевоплощениях. Для таких духов естественно стремиться вырваться из плена физической материи – вожделенной, но чуждой их природе. Именно они вдохновляют проповедников Веданты, зороастризма и буддизма, внушают человеку отвращение к собственному телу и стремление вернуться в Пустоту,

Ничто, Нирвану. Вероятно, такими же «ангелическими» переживаниями были заражены утонченные последователи философии Платона, гностиков и манихеев.

Дионисий Ареопагит считал эманацией Божества и материальный, и духовный мир. Этот авторитетный христианский теолог V в. н. э. насчитывал девять ангельских чинов, причем он не проводил четкой границы между ними и проявлениями нетварных Божественных Энергий. Я же утверждаю, что сотворенными духами являются только архангелы и подчиненные им ангелы.

Предлагаем внимательно разобраться с этими «девятью чинами ангельскими». С. С. Аверинцев, считает, что доктрина Ареопагита («Псевдо-Дионисия») возникла под влиянием неопифагорейской и неоплатонической мистики чисел. В ее христианской версии «девятирица» («триада триад») воспринималась как самое священное из чисел, представляющее развертывание Энергий Троицы. Первая, высшая триада (самая близкая к Богу) – серафимы, херувимы и престолы; вторая – господства, силы и власти; третья (ближняя к миру и человеку) – начала, архангелы и ангелы. Традиция выделения различных разрядов «ангельского воинства» имеет библейские истоки, хотя и состав, и иерархия духов выглядят по-разному в Ветхом и Новом Завете, у Григория Богослова и Кирилла Иерусалимского.

В легендах и мифах число «три» и «трижды три» тоже символически выделены. Сказочный герой отправляется совершать подвиги в тридевятое царство; в греческой мифологии названы три или девять муз; средневековая рыцарская культура знает девять славных витязей; поговорка о «девяти жизнях кошки» предполагает замыкание циклической полноты именно на числе девять. Примеры фольклорных параллелей можно умножать...

И все же напомним, что священным числом Библии является не только тройка (конечно, она главная!), но и четверка. Так, Иоанн Богослов свидетельствует

о своем видении Престола Божьего, окруженного четырьмя крылатыми «животными», которые символизируют нетварные Энергии (Откр. 4: 7). Им должны соответствовать четыре высших тварных Архангела. Известны имена двух из них, верных Богу, – это архангелы Михаил и Гавриил. Названо и прозвище архангела, отпавшего от Бога в критический момент истории человечества, – «сатана» (ивр. САТАН, араб. ШАЙТАН). Мы же выдвигаем гипотезу, что в драме сотворения и эволюции мира участвует еще один носитель богоуборческого начала, причем на него наложено Божественное проклятие, включающее лишение имени.

Этот мятежный архангел был заключен в особое место психического пространства – в «бездну» или, по церковной терминологии, в «преисподнюю». Однако после этого он не потерял возможности влиять на земные дела через подвластные ему духи (как уголовник в тюрьме – через своих подручных на воле). На протяжении всей истории эти «духи преисподней» использовали свои «человекоорудия», и только в битвах «последних времен» предстоит окончательное их сокрушение.

Напомним, что термин «человекоорудие» предложил русский мистик Даниил Андреев – автор знаменитой «Розы мира» (М., 1991). Главным представителем преисподней христианская традиция считает «антихриста», названного «человеком греха и сыном погибели» (2 Фес. 2: 3). Многих властителей, нарушающих волю Божью, Церковь обличала как предтеч или «подручных» антихриста. В XX веке этого звания «удостоились» и Гитлер, и Сталин, и Мао Цзедун, и Пол Пот... Нравственное чувство охотно соглашается с желанием заклеймить подобных злодеев, но разум призывает относиться к этому с осторожностью. Слишком многие сейчас присваивают себе право называть слугами антихриста «жидо-масонов», Горбачева, Ельцина – и любого человека, не разделяющего их взгляды...

Именно поэтому необходимо преодолеть путаницу в картине мирового зла. Суть преисподней и ее «человекоорудий» – в презрении к человеческой личности, которое находит свое крайнее выражение в убийстве невинного, в насилии, издевательстве над беззащитным. В этом – предельный вызов Творцу жизни, наглая дерзость преступника, считающего себя вправе безнаказанно уничтожать эту жизнь. Последний вздох жертвы кажется палачу моментом его высшего торжества, доказательством того, что над ним нет никакого Судьи, никакой Высшей Справедливости. Единственное, что доступно пониманию злодея, – это противоположность власти и подчинения, силы и слабости. Поэтому Творец наказывает палача тем, что ставит его в полную зависимость от жертвы. Католический теолог Доминик Бартелеми (в книге «Бог и Его образ», М., 1988) точно формулирует положение: «Бог даровал самим жертвам власть выносить приговор убийцам или их миловать».

Вдохновитель антихриста в наши дни вполне реально готовится к «выходу из бездны» (Откр. 11: 7). Поэтому так важно понять цели и стратегию этого «князя преисподней», с которым уже наши дети или внуки могут столкнуться лицом к лицу.

Библейские пророки упоминают два условных обозначения этого бывшего архангела – ЛЕВИАФАН («связанный», «плененный») и РАХАВ («упрямый», «гордый» или «дурной, злой»). Последнему именованию ближе всего по звучанию абхазские слова: РЭЙХАБ («самый старший») и РАХАЖЭ («древний владыка», где корень ЖЭ передает оттенок презрения). В Ветхом Завете тоже встречается пренебрежительное именование падшего архангела – БЕГЕМОТ («бехамот» – коптское слово, означающее «водяной бык»). В народных преданиях этого «бегемота» реалистично помещают в Египте, где, как известно, были широко распространены зооморфные культуры. Но в Библии о

нем же говорится как о грозной мятежной силе, для сокрушения которой понадобилось вмешательство самого Всевышнего: «Только Сотворивший его может приблизить к нему меч свой» (Иов. 40: 14).

Попробуем понять, откуда же взялась сила РАХАВА. Согласно своему призванию, он раньше других архангелов начал воздействовать на эволюцию живой материи. Сама природа любого ангела предполагает постоянную подпитку от Божественных Энергий, но РАХАВ пожелал быть независимым от Бога, найти иной источник жизни. В сотворенном Богом мире повсюду – в воздухе, воде, земле, солнечном тепле – была разлита особая жизненная сила ЭЙД (ивр. «пар из земли, нагретый воздух»). Именно этой чистой тварной энергией овладел РАХАВ или ШЭЙД (ивр. « тот, чей ЭЙД»), но такое питание оказалось для него либо недостаточным, либо слишком «вегетарианским». И РАХАВ научился действовать как умелый «генетик» и «селекционер», выведя, в частности, гигантских ящеров – динозавров и прочих «завров», мощные животные энергии которых только и оказались адекватными его природе. Их гибель по воле Творца должна была послужить «первым предупреждением» мятежному архангелу. Неслучайно библейские пророки вели бескомпромиссную борьбу с зооморфными культурами, в которых они безошибочно угадывали поклонение духам преисподней, вселившимся в животных.

Возможно, именно поэтому возникли зафиксированные в Библии запреты употреблять в пищу «нечистых» животных – тех, в которые чаще всего вселялись мятежные духи.

Антропологи объясняют эти запреты гораздо проще: мудрые законодатели Ветхого Завета заметили, что на их землях едоки свинины часто тяжело болели (с точки зрения современной медицины, сальмонеллезом). Это разумное соображение вскоре было забыто, но у иудеев и

мусульман навсегда закрепилось психологическое отвращение к свиньям как к «нечистым» животным.

И все-таки «есть многое на свете, друг Гораций что философии не снилось вашей...», то есть не поддается подобным рациональным и скучным объяснениям. С библейских времен и вплоть до наших дней у многих народов живет представление о «ритуальной чистоте» животных, предназначенных для жертвоприношений Богу. Их священная кровь необходима для очищения земли, отравленной эманациями бессмысленной жестокости и похоти.

Решающим моментом падения РАХАВА могла стать его попытка «перехватить инициативу» Творца по с сотворению существа высшего типа – человека. Вмешавшись в эволюцию его биологических предков («питекантропов», «неандертальцев», «кроманьонцев»), РАХАВ научился использовать в своих интересах их огромные психофизические возможности.

Можно предположить, что мятежному архангелу удалось искусственно вывести особую породу или «расу», которая достигла наивысшего могущества в эпоху легендарной Атлантиды (отсюда – излюбленная теософами идея «атлантической расы»). Эта оккультная цивилизация тоталитарного типа послужила образцом для проекта гитлеровского «Третьего Рейха». А на заре истории появление «атлантов» грозило разрушить главные замыслы Творца о мире и человеке. Именно в этот момент стало необходимо вмешательство Бога, который осудил Атлантиду на гибель, изгнав РАХАВА под землю (или в бездну морскую), чтобы оградить от него биосферу планеты.

И все же РАХАВУ дважды удастся вырваться из своего заточения, чтобы с помощью своего союзника САТАНА попытаться изменить ход истории человечества. Первый раз это произойдет во время «грехопадения» Адама, второй – в апокалиптическую эпоху, когда в обра-

зе «зверя, выходящего из моря» он сможет на время даже «вести войну со святыми и победить их» (Откр. 13: 1-7).

Мы так забежали вперед и столько всего наговорили – научного и антинаучного, что сейчас стоит напомнить ошарашенному читателю важное предупреждение, с которого начинались наши беседы: все образы и события, описанные в Библии, имеют символический смысл, к ним нужно относиться как к воплощению Божественной педагогики. Может быть невозможно считать предлагаемую картину борьбы в «высших сферах» столь же реалистичной, как обычные описания природы. Представлять себе Небесного Кузнеца, ангелов и чудовищ существами, реально взаимодействующими с людьми и животными, – это значило бы «вернуться в детство», когда мы охотно верили всем сказкам и басням? Однако нет сомнений в том, что священные предания концентрируют тысячелетний мистический опыт человечества и потому заслуживают самого пристального внимания. Об этом должны помнить и те читатели, которые предпочитают опираться на привычные школьные установки.

Нас всех учили, что в результате биологической эволюции появились сначала «предки человека» – питектантропы, синантропы и др., а примерно 40-35 тыс. лет назад – кроманьонцы, которые относятся к тому же виду, что и мы, – «*Homo sapiens*» («Человек разумный»). В результате новейших археологических открытий «разумными» стали считать и гораздо более древних «неандертальцев», в поселениях которых были обнаружены не только обработанные орудия и охотничьи трофеи, но и произведения «палеолитического искусства». В отличие от этих научных представлений, в Библии, как известно, говорится о сотворении Богом первого человека – Адама. Нам еще предстоит подробно обсудить существующие интерпретации этого ключевого события Священной истории.

Мы вовсе не собираемся в угоду школьным предрассудкам отказываться от своих убеждений, что сотворение Адама – вполне реальное событие, причем оно должно быть датировано с опорой на Библию, а не на археологию. Это вовсе не означает, что мы настаиваем на буквальном толковании библейских «шести дней творения». Это было бы слишком наивным даже для той эпохи, когда складывался библейский текст, а апостол Петр уже объяснял христианской общине: «У Господа один день (ивр. ЙОМ), как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3: 8). По данным современной научной космологии, возраст Вселенной – около 10 млрд. лет.

Нужно учитывать, что слово ЙОМ масоретской рукописи может быть переведено не только традиционно, как «день», но и как «этап» (эволюции – добавим мы). Согласно другой версии, предложенной еще Иоанном Златоустом, в Библии речь идет о шести днях, в течение которых Моисей получал от Бога откровение о творении мира: «И слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней» (Исх. 24: 16).

Стоит прислушаться к тому опыту восприятия исторического времени, который вытекает из концепции К. Г. Юнга. Этот подход великолепно выразил Томас Манн в своем знаменитом романе «Иосиф и его братья»:

«Нас занимают не числовые выражения времени, а то уничтожение времени втайне взаимозаменяемости предания и пророчества, которое придает слову «некогда» двойное значение прошлого и будущего, и тем самым заряжает это слово потенцией настоящего».

Писатель употребляет образ множества «кулис», за которыми лежит череда «мысов» (как для человека, идущего берегом океана), которые влекут к себе и волнуют каждого, кто устремляется вглубь времен. Так, за греко-римским миром, который считается эталоном «древности», мы находим коренных жителей Греции – пеласгов. За ними можно обнаружить еще более «коренных», – ве-

роятно, колонистов с затонувшего материка Атлантиды, а за этой «кулисой» – еще более древние, ранее погибшие земли. Поэтому, по словам Т. Манна, народы Востока поступали умно и благочестиво, считая зачинателями своей культуры богов. Смутные воспоминания, которые в мифах приобретают все новые и новые формы, восходят к катастрофам огромной древности, но питаются впечатлениями позднейших событий того же рода.

Но прежде чем мы начнем спорить на эту тему, давайте попробуем понять роль еще одного участника событий Священной истории – уже упомянутого нами САТАНА, ШАЙТАНА. У христиан вошло в обыкновение употреблять слово «сатана» для обозначения абсолютного зла, но это может привести к серьезным духовным ошибкам.

Этимология имени САТАН на основе абхазского языка – «свет Бога» (ША, СА – «свет», АН – «Небесный Бог-Творец»). Это толкование, соответствующее латинскому имени ЛЮЦИФЕР (Lucifer – «светоносец»), подтверждается словами апостола Павла: «Сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11: 14).

САТАН и его иерархия должны были, по замыслу Творца, содействовать воспитанию высших духовных качеств человека. Апостол называет этого архангела «князем, господствующим в воздухе» (Еф. 2: 2). Я думаю, что «воздух» этого текста можно интерпретировать как верхние слои психической материи, в Псалтыри названные так: «Небеса небес и воды, которые превыше небес» (Пс. 148: 4). Такие «воды» (ивр. МАИМ) – древний мифологический символ животворной силы; неслучайно глагол ЛЕМАМШАЛ (ивр. «управлять», «властвовать») содержит компонент МА.

У господина этих «высших сфер» могло сложиться убеждение (ошибочное, но не преступное), что цель эволюции – постепенное уподобление ангелам всего человеческого рода. Подозревая человека в

низменных влечениях, в его зависимости от духа преступной, ЛЮЦИФЕР стремился освободить его от животных энергий и страстей, в конечном счете, – от физической материи.

Религия, в наибольшей степени выразившая претензии САТАНА на роль спасителя человечества, – это манихейство, где дух резко противопоставляется материи как злому и греховному, низшему началу. Благодаря мощной проповеди вавилонского пророка Мани в 3 в. н. э., этот дуалистический принцип получил широкое распространение в провинциях Римской империи и едва не вытеснил еще не окрепшее христианство. Сторонником манихейства в юности был, в частности, отец Церкви блаженный Августин. После того как манихейство потеряло былой авторитет, «дух САТАНА» хронически возрождался в различных религиозных и философских формах – в зороастрийстве, ведантизме, гностицизме, буддизме. Настоящий «взрыв» духовной активности, вдохновленный ЛЮЦИФЕРОМ, произошел в разных частях планеты в 800–200 годы до н. э.; этот период был назван Карлом Ясперсом «осевым временем» мировой истории. Влияние Люцифера можно обнаружить во многих сектантских движениях всех христианских конфессий, в увлечениях современной интеллигенции теософией и антропософией, синкретической религиозностью «нью-эйджа».

Очень не хочется «лить воду на мельницу» яростного противника Карла Ясперса – Льва Гумилева, обличающего дело мудрецов «осевой эпохи» в качестве «рефлексии мятущейся персоны». Гумилевский пафос защиты «жизнеутверждающих» ценностей – родной земли, традиций предков, «пассионарных» вождей – разделяют националисты всех мастей, которые боятся всего «чужого», недоступного их пониманию. А ведь немецкий философ говорил о «философской вере», разрушившей барьеры между культурами разных нар-

дов и разных эпох. Благодаря этому стала возможной «безгранична коммуникация» между людьми, разделенными временем и пространством. Их связывает глубокая заинтересованность «последними вопросами бытия» – о смысле жизни, смертности человека, его трагическом положении в мире и т. п. Как можно усмотреть в этом «дух САТАНА» с его недоверием к природе человека? По сути дела, у Ясперса речь идет о пробуждении личности, самосознания «человека в полном смысле слова», которого вы именуете Адамом. Не могу не отметить, снова забегая вперед, что предлагаемая вами датировка «створения человека» хорошо укладывается в рамки «осевого времени».

Но, мы слишком увлеклись. Вернемся к повествованию о том, каким образом «светоносный» архангел свернулся с пути служения Богу. В Коране приводится такая любопытная подробность: САТАН (ИБЛИС), отказываясь поклониться Адаму, говорит Аллаху: «Я – лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины» (7: 12/11).

Возможно, высокомерие архангела объясняется тем, что вплоть до «осевого времени» его иерархия не получала от человечества достаточного питания – интенсивных эманаций мистических переживаний, «возвышенных» чувств. Только после того как на Востоке сложилась практика йоги, САТАН научил человека сублимировать первичную животную энергию «кундалини» (сконцентрированную у основания позвоночника) и через купол головы отправлять ее ввысь, «мировому духу» – себе любимому.

Посмотрим, как выглядят отношения этого архангела с Богом и человеком во время событий, описанных в Библии. Пророк Иезекииль говорит о нем: «Ты находился в Эдеме, саду Божием... Ты был помазанным херувимом, чтоб осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней» (Иез. 28: 14). Пророк Исаия называет САТАНА

«сыном зари», пророчествуя о его судьбе в апокалиптическую эпоху: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: ... «взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис. 14: 12-14).

В Ветхом Завете внушениям САТАНА приписываются все грехи «избранного народа», например, поклонение «золотому тельцу» – вопреки закону, полученному на Синае. Наиболее подробно о нем говорится в прологе книги Иова (1: 6-12; 2: 1-7). Там «сатана» приходит к Яхве вместе с другими «сынами Божими» и получает от Него разрешение испытать верность праведного Иова, подвергнув его немыслимым горестям и болезням. В этих эпизодах архангел – собеседник Бога, хотя он дерзает спорить с Ним, клеветать на человека, вполне заслуживая своих прозвищ: «враг», «лукавый», «клеветник» (греч. «диаболос», слав. «диавол»). Поведение этого «дьявола» сближает его с образом «змия» в сценах грехопадения человека, где он клевещет уже на самого Бога.

Однако САТАН еще не был «падшим ангелом» даже в то время, когда он в пустыне предлагал человеку Иисусу признать его главенство и поклониться ему. В церковно-славянском богослужебном тексте сохранился ответ Иисуса, имеющий исключительное значение: «Иди за Мною, сатана». Значит, в это время САТАН еще не проклят (в принципе он мог остаться служителем Господа), но своим ответом Иисус подчеркивает онтологическое превосходство человека над ангелом. В синодальном переводе на русский язык Его фраза меняет смысл: «Отойди от меня, сатана» (Мф. 4: 10; Лк. 4: 8). Вокруг соответствующего греческого текста еще у древних отцов церкви возникли серьезные разногласия, и спор на эту тему до сих пор остается неразрешенным.

Постепенно в христианстве укрепилась тенденция к отождествлению двух архангелов-богоборцев: чтобы избежать опасности оправдания САТАНА, переводчи-

ки предпочли подчеркнуть, что Господь отверг, изгнал его (как и РАХАВА). И все же в посланиях евангелистов сказанное о САТАНЕ («сатане», «лукавом», «диаволе») никак не может относиться к РАХАВЫ, заключенному в преисподней. Напомним эти тексты. Апостол Павел: «Мы хотели прийти к вам, но воспрепятствовал нам сатана» (1 Фес. 2: 18); «Будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7: 5). Апостол Петр: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий зверь, ища, кого поглотить» (1 Петр. 5: 8). Апостол Иоанн: «Рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему» (1 Ин. 2: 13). Значит, в евангельские времена САТАН имел возможность воздействовать на человека, не был отгорожен от него непреодолимой преградой.

Момент потери архангелом его места у престола Божьего наступил только после того, как семьдесят учеников, посланных Иисусом на проповедь нового учения, возвратились к Нему из разных городов с радостным сообщением: «Господи! И бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк. 10: 17). Это означало победу Иисуса, Его полный успех в деле спасения человечества от духов преисподней. Тогда страшная зависть, бессильная злоба охватила САТАНА, что и толкнуло его на путь бунта, мятежа против своего Творца. Сразу после этого Иисус свидетельствует: «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк. 10: 18). Обратите внимание: «не сброшенного», не «изгнанного», а именно «спадшего»; значит, САТАН сам низринулся вниз, в тварный космос, сам предпочел его положению рядом с Творцом.

Богословы ставят в параллель этому событию образ Иуды Искариота (апостола Иисуса Христа, но предавшего Его), о котором в Евангелии прямо сказано, что в момент решающего выбора «вшел в него сатана» (Ин. 13: 27). В описании самоубийства Иуды говорится, что он «низринулся» (Деян. 1: 18), побуждаемый падшим ду-

хом. Напомним, что в пустыне САТАН («диавол») безуспешно искушал самого Иисуса сделать то же самое: «Если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз» (Лк. 4: 9).

А ведь находятся апологеты Иуды, которые считают его предательство высшим подвигом: он якобы помог Учителю выполнить Его миссию, разделив судьбу Иисуса своим тайным самоубийством и приняв на себя тяжкий крест проклятия всех христианских народов. Эту изощренную моральную казуистику как раз и разоблачает связь образа Иуды с САТАНОМ, которого средневековая традиция отождествляла с «князьями бесов» – Азазелем, Велиаром, Вельзевулом (в конечном счете, с духами преисподней).

Народная фантазия наделяла «сатану» телом исполинских размеров, чудовищным смешением человеческих и животных черт, многорукостью, огромной пастью, которая считалась входом в ад (выражение «попасть в ад» означало «быть сожранным сатаной»). Иudeи верили, что указ Амана об их уничтожении был написан на пергаменте, который держал в руках сам сатана.

Образ САТАНА вдохновлял не только народную фантазию, но и авторов ряда литературных шедевров. У Данте в «Божественной комедии» Сатана изображен на половину вмерзшим в лед ада, причем у него три лица: красное – символ гнева, бледно-желтое – символ бессилия, а также черное, означающее невежество. Джон Миль顿 придает Сатане мрачную величавость, делает его эпическим героем. В эпоху романтизма «демонические» персонажи Байрона, Лермонтова – это вольнолюбивые мятежники, вызывающие симпатии либеральной интеллигенции. У Анатоля Франса в «Восстании ангелов» мятежник Сатана – вполне положительный герой, который, однако, теряет симпатичные черты, когда после победы восстания ангелов приходит к власти.

«Реабилитацией католицизма» занимались многие декаденты и авангардисты XIX–XX вв. Шарлю Бодлеру, например, принадлежит поэма под названием «Литания Сатане». С. С. Аверинцев отмечает, что традиционное отвращение к этому персонажу попытался вернуть Толкиен, у которого в «Повелителе колец» Сатана (под именем Сауэна) выглядит страшным, унылым и внутренне мертвым космическим властолюбцем.

Мы уделили столько внимания врагам Бога и рода человеческого, что теперь совершенно необходимо уточнить роли двух архангелов, хранящих верность Ему, – как они представлены в Священных преданиях.

ГАВРИИЛ (ивр. ГАБРИЭЛЬ, араб. ДЖИБРИЛ, «сила Божья») – не только «вестник», как все ангелы; его предназначение – раскрывать смысл пророческих видений и событий, имеющих отношение к приходу МЕССИИ. В Ветхом Завете говорится, что этот «старший из ангелов» призван «научить разумению» пророка Даниила (Дан. 8: 16-26; 9: 21-27). В Новом Завете ГАВРИИЛ предсказывает рождение Иоанна Крестителя и его будущее служение как «предтечи» Иисуса Христа (Лк. 1: 9-20). Но главное для христиан, знаковое событие – это БЛАГОВЕЩЕНИЕ. Явившись Деве Марии, ГАВРИИЛ предсказывает рождение от Нее Мессии (ХРИСТА) и велит дать ему имя ИИСУС.

В некоторых апокрифах ГАВРИИЛУ приписывается особая власть над природными стихиями – над водой и созреванием плодов, а чаще всего – над огнем; считается, что именно этот архангел вызволял из «пещи огненной» Авраама и трех отроков. В «Книге Еноха» Гавриил возглавляет ангелов, охраняющих рай от посягательств «врагов Божьих».

В средневековом искусстве было принято изображать этого архангела с белой лилией в руках – симво-

лом непорочности Девы Марии. В «Песне о Роланде» Гавриил посыает вещие сны Карлу Великому и напоминает о его долгге защищать христиан всего мира.

Гораздо больше сведений и в Библии, и в народных преданиях относится ко второму верному Богу архангелу, по имени МИХАИЛ (ивр. МИКАЭЛЬ, что обычно переводится – «кто, как Бог»). В Ветхом Завете Михаил выступает как защитник еврейского народа от «князя царства Персидского» (Дан. 10: 13), является предводителем израильтян в пустыне во время их исхода из Египта. Как мы уже говорили, в «Откровении» Иоанна Богослова архистратиг МИХАИЛ сражается с ДРАКОНОМ (дьяволом, сатаной), но он же считается «ангелом милосердия», просителем за людей у Бога. Как предстоящий перед Его троном (отсюда его греческий титул МЕТАТРОН), Михаил заносит имена праведников в «Книгу жизни».

В некоторых апокрифах можно найти сведения, важные для наших будущих толкований библейских текстов. Например, в «Книге Еноха» говорится, что МИХАИЛ является хранителем таинственных письмен – тех магических слов (ЛОГОСОВ), силой которых были сотворены небеса и земля (Ен. 60: 12). В общем, этот персонаж выступает как посредник между Богом и людьми. Согласно одним народным преданиям, архангел Михаил сопровождает души праведников к вратам Небесного Иерусалима; согласно другим, архистратиг со своей ратью стоит у этих врат, преграждая вход грешникам. В древнерусском искусстве МИХАИЛ часто изображался рядом с князьями как покровитель воинской славы.

Нам еще предстоит обсудить «Троицу» Андрея Рублева: правый ангел на этой великой иконе – это пророческий образ архангела Михаила, ставшего человеком.

Заинтриговав читателя, подведем итоги нашего представления главных действующих лиц драмы Священной истории. Ее автор и режиссер – Небесный Бог-Творец АН, воплощенный в различных образах библейских и народных традиций. Непосредственными исполнителями воли Божьей являются небесные воинства двух верных архангелов – Гавриила и Михаила; противником Творца выступает мятежник Рахав, а роль Сатана была различной на разных этапах истории. Теперь мы можем приступить к выяснению сложных вопросов о том, где именно и каким образом разворачивались первые сцены драмы творения человека.

АМАЗОНКИ И АБРСКИЛ

Абхазское предание рассказывает о каком-то женском культе, закрытом для мужчин; девственницы жили отдельно в каменных оградах, построенных АЦАНАМИ или великанами под руководством ацанов; это позволяет думать, что речь идет о культе, созданном сестрой Тувалкина НАХАМОЙ. Абхазский миф о конфликте солнца (АМРА) и луны (АМЗА) отражает вражду против мужчин со стороны служительниц этого культа; здесь лежат истоки греческой легенды об АМАЗОНКАХ и, возможно, эддического предания о воинственных девах-валькириях, которые то враждуют с героями (АСАМИ), то выступают в союзе с ними против общего противника. В том, что ацаны заставляли великанов на себя работать, содержится указание на какую-то магическую власть кайнитов над великантами. Само порождение великанов, вызванное, согласно Библии, схождением «сынов Божиих» (ангелов) к «дочерям человеческим» – мы связываем с кайнитской магией.

Великаны, враждебные к человеческому роду, скорее всего, не имели адамитской души. Их можно представлять себе высокоразвитыми животными, биологически тождественными человеку и управляемыми кайнитскими магами или вселившимися ангелами; такими же могли быть древние «атланты», если они вообще существовали. Это предположение основано на том обвинении, которое Всевышний выдвигает против великанов: «Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть» (Быт.

6:3). «Плоть» – это и означает, что они не имели человеческой души. Абхазское предание выражает ту же мысль, изображая великанов злобными и недалекими существами; как ацаны, так и нарты одерживают верх над ними благодаря своему человеческому интеллекту. Потоп, обрушенный на великанов, возможно, был повторением катастрофы, за несколько тысячелетий до этого постигшей атлантов. Греческая космогония говорит о двух великих битвах: с титанами, *titano* и значительно позже – с гигантами, *gigante*.

Военная агрессия великанов лишь внешне угрожала существованию человеческого, во всяком случае, сифитского рода. Однако, можно предположить, что кайнитские маги ставили перед собой и другую, далеко идущую цель: изменение природы самих сифитов вместе с племенами, воспринявшими от них человеческую адамитскую сущность Эта цель не отменена до нашего времени: судя по современным попыткам, речь идет о создании новой психофизической «расы», в которой адамитская душа сохранялась бы, но была всецело подчинена вселившемуся в человека инородному духу – ангелу, изменившему своему предназначению. Прямого указания на подобную попытку в библейской истории предпотопного человечества мы не находим; но нет ли намека на это в абхазском предании? Здесь наше внимание привлекает стоящий особняком от нартского эпоса образ героя-богоборца АБРСКИЛА, который под разными именами перешел в мифологию других кавказских народов; самые существенные его черты заимствовал греческий ПРОМЕТЕЙ.

Исследователи единодушно относят появление эпического цикла, посвященного Абрскилу – к после-нартской эпохе. Тема богоборчества, намеченная в осетинском варианте нартского эпоса и почти не затронутая в адыгском, в цикле Абрскила получает полное

развитие. Согласно нашей исторической схеме (более подробно – в главе «Дорогами нартов»), неудача нартского дела должна была поставить под удар самое сердце адамитского человечества: землю АДАН. Согласно легенде, мать Абрскила, девушка очень знатного рода (т. е. из патриархов-сифитов), с согласия родителей дала обет безбрачия, всецело посвятив себя Богу. Она, конечно, не могла не знать ставшую к тому времени уже легендарной нартскую историю с божественным зачатием Сасрыквы и, возможно, мечтала повторить то, что сделала когда-то Сатаней-Гуаша: подарить своему народу нового защитника и спасителя, подобного великому Сасрыкве.

Но ее сына ждала иная, глубоко трагичная судьба. Первопричина этого крылась, видимо, в том, что она в своем слишком страстном желании родить сына-спасителя, позволила себе воспользоваться услугами кайнитских магов, прочно укрепившихся в племенах, соседствующих со святой землей Адан. На это намекает само имя АБРАСКИЛ, которое несет в себе возможности расшифровки, отражающие противоречивость характера и судьбы самого героя. Вероятно, давая сыну такое имя, мать связывала его с величайшей адамитской святыней: камнем АБР, на котором был сотворен праотец Адам (см. очерк «Сотворение человека»). При таком понимании адамитское АБРАСКИЛ: тот, кто (К) имеет (ИЛ) долю (С) священного камня (АБР). В то же время, один из самых знаменитых «подвигов» Абрскила, когда он с досады разрубил мечом большой камень, позволяет прочесть его имя по-иному, а именно как АБРСКИЛ: тот, кто (К) имел силу (ИЛ) мечом (ACA) рассечь камень (АБР).

Вполне возможно, что Абрскил, ненавидевший все, что напоминало о Боге, разрубил тот самый священный камень, в честь которого он получил свое имя. Наконец,

возможность истолкования имени на базе чанского языка может выражать притязание кайнитов на имя и славу героя, в рождении которого они приняли деятельное участие. Как указывает Н. Я. Марр, чанское АБРАСКИЛ: сын (СКИЛ) неба (БЕР) – БЕРСКИЛ. Такая этимология подчеркивает, что Абрскил, подобно великканам, был зачат с участием одного из ангелов, изменивших своему служению. Но если в случае с великканами ангелы вселялись в мужчин, то здесь было иное: абхазский миф говорит о зачатии без прямого участия мужчины. Согласно средневековым представлениям, подобное зачатие может происходить с помощью мужского семени, похищенного или полученного нечестивым духом; в данном случае можно предполагать сознательное участие какого-нибудь из кайнитских магов.

Предание говорит, что «девушка вдруг сделалась беременною» и родители признали в этом сверхъестественное вмешательство. В одном варианте зачатие приписывается демону, духу зла, похитившему у Бога часть семян, оплодотворявших землю. Существует вариант сказания, в котором мать Абрскила попадает во сне в «неземной сад», где ее посещает «кто-то весь в белом, окруженный сиянием радуги». В любом случае можно сказать, что мать Абрскила, одержимая страстным желанием родить сына, не проявила духовной мудрости и осторожности и впала в то, что на церковном языке называется «прельщением» (от слова ЛЕСТЬ: ложь), т. е. поспешила принять за Божественное явление то, что было лишь подделкой под него. Невольно напрашивается сравнение с тем, как повела себя в подобной ситуации пресвятая дева Мария, когда архангел Гавриил возвестил ей о том, что она родит Спасителя.

Евангелие от Луки (1:29) также передает Ее «смузжение» и «размышления» по поводу слов Гавриила. Ее убеждает только свидетельство ангела о Святой Тро-

ице: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим».

Свое свидетельство ангел подкрепляет указанием на только что явленное знамение: «Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц. Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лк. 1:35-36).

И лишь после всего этого Мария соглашается принять Божественную весть, говоря: «Се, раба Господня».

Всего этого не сделала мать Абрскила, и поэтому сын ее, несмотря на ее благие намерения, оказался человеком, исполненным духовных противоречий. С одной стороны, он искренне и горячо любит свой народ и родную землю; с другой – в горделивом самомнении впадает в ненависть к Творцу и Его святыням. «Творец, – говорил Абрскил, – товарищ мой, а не повелитель!.. И восстал славный герой Абхазии против величия Создателя. Слава Абрскила гремела по всему миру. Непобедимым богатырем слыл он. Народные певцы только и пели, что о могучем богатыре Абрскиле, восхваляя его силу, ловкость и великодушие» (И. Хварцкия, стр. 19). Здесь слышится прямая параллель с библейским: «Это были сильные, издревле славные люди» (Быт. 6:4).

Подобное приравнивание себя к Богу впоследствии неоднократно будет повторяться в истории: один из самых ярких примеров – египетский фараон Аменхотеп IV (Эхнатон). Как и по поводу Абрскила-Прометея, споры о нем не утихают до сих пор: нередко его превозносят как яркую личность, как борца против жреческого обскурантизма и т. п. Однако не стоит забывать, что при нем делается попытка уничтожить само слово «Бог»: его заменяют словом «властитель», а детерминатив (знак) Бога – знаком фараона. Столь

почитаемое им Солнце объявляется не богом, а всего лишь царем; отныне в мире правили только два царя: Солнце-Атон и его воплощение на земле: Эхнатон. Как пишет Б. А. Тураев: «Эхнатон – первый индивидуалист и религиозный гений (как мы показываем – не первый, авт.) в истории, один из самых жестоких египетских владык, применяющий силу против не знающих учения его, обрекающий вечному мраку своих противников, напоминает не просто отступника, еретика, но и ниспровергателя веры в Бога, заслоняющего собственной личностью своего отца Атона».

Таков, по сути был и Абрскил. Призванный стать прообразом Спасителя человечества, Иисуса Христа, Абрскил-Прометей на деле стал прообразом того, о котором сказано: «противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею» (2 Фес. 2:4); того, который будет творить «великие знамения, так что и огонь будет низводить с неба» (Откр. 13:13); который будет убивать всех, кто сохранит верность Всевышнему (Откр. 13:15).

Так и Абрскил, состязаясь с Творцом, саблей вы секает ложную молнию; его посох АЛАБАШЬЯ – поражает всех, кто поклоняется Богу; он даже рубит на висающую виноградную лозу, чтобы не подумали, что он наклоняет голову перед Всевышним. Зверь Апокалипсиса, антихрист перейдет все границы и не остановится ни перед чем в своем горделивом самоутверждении; станет недосягаемым «образцом» и предметом страстного обожания со стороны всех тех, кто любит лишь себя самого, но не решается до конца признаться в этом. Кающийся Адам, жертвенный Иисус, послушный Богу архангел Михаил вызывают у таких людей глухую, непреодолимую неприязнь, ибо всем своим обликом, всеми делами они обличают самый глубокий, самый затаенный грех самовлюбленной души. Не на

прасно предостерегает Иисус: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5:43).

Поведение Абрскила показывает, что, в отличие от великанов, он имеет живую человеческую душу; вся его трагическая судьба есть история борьбы его адамитской души против мощного ангелического вторжения, обусловленного магией кайнитов. Кайниты, хотевшие поставить Абрскила себе на службу, в итоге потерпели неудачу: он стал беспощадно истреблять их самих – «колдунов, наводивших порчу на людей»; защитил он свою родную землю и от великанов – порождения кайнитов. В абхазской среде существует двойственное отношение к Абрскилу: с одной стороны, восхищение его подвигами и горячая любовь к нему как защитнику народа; с другой – глубокое сожаление о его непомерной гордыне, искренняя надежда на его грядущее покаяние и прощение. Коммунистическая пропаганда, проникнутая кайнитским, прометеевским духом (Кайна нередко называли «первым революционером», а Прометей – вообще любимый герой марксистов) – подчеркивала именно богоборческие черты Абрскила. Как бы подспудно противопоставляя его Иисусу Христу, пропагандисты внушали мысль, что именно таким – гордым бунтарем против Всевышнего – должен быть «истинный спаситель» народа и человечества. Но тысячелетиями продолжает звучать в сердцах абхазов молитва к Богу о спасении души любимого героя, так и не сумевшего понять при жизни, что преданность своему народу неотделима от преданности Тому, Кто этот народ сотворил, Кто доверил этому народу «землю души», землю АНЫХ.

История Абрскила не закончена; возможно, окончательная судьба его зависит от того выбора, который сделает абхазский народ перед лицом предстоящих апокалиптических испытаний. Кайнитские маги, обо-

гащенные многотысячелетним опытом, не оставляют своих надежд на создание новой «расы», которая вытеснит с земли человеческий род, но при этом сумеет использовать творческие силы адамитской души. Относительная неудача, которую потерпели кайниты в своей первой попытке, означенной именем Абрскила, была обусловлена тем, что они недооценили прочность тех нитей, которые связывают человеческую душу с родной землей. Веками подготавливая в оккультных глубинах рождение антихриста – первого представителя новой, «космической», «сверхчеловеческой» расы, они, возможно, свяжут его с именем Прометея Абрскила, но не повторят свою ошибку и на этот раз постараются разорвать все живые связи человеческой души с матерью-землей. Одна из оккультных легенд говорит о каком-то «тайном семени», плавающем в холодных водах подземного озера: нет ли здесь связи с преданием о физическом бессмертии Абрскила и о его грядущем освобождении от греха и окончательной погибели. И не будет у новых кайнитов более непримиримого противника, чем освободившийся от их лжи и покаявшийся перед Богом Абрскил! Непокорный сын, вернувшийся к Отцу, станет лучшим защитником своей многострадальной Матери: земли Адама!

О ТОМ, ГДЕ И КАК БЫЛ СОТВОРЕН АДАМ

Разговор в пути по горным тропинкам Абхазии

Начнем с библейского описания Эдема (по масоретскому тексту) – «земного рая», который, как мы утверждаем, имел вполне конкретную географическую локализацию. Русское слово РАЙ, латинское ПАРАДИЗ, ивритское ГАН («сад») имеют исходное значение – «огороженное место».

Для архаического мышления характерно представление о вполне реальном «священном пространстве» – надежно укрытом, умироворенном, упорядоченном и украшенном, в противоположность хаосу, «тьме внешней». Строго говоря, о рае известно только то, что там человек общается с Богом, созерцает Его «лицом к лицу». Однако в литературной, иконографической и фольклорной традиции картина рая издавна многообразно расцвечивалась; в частности, упоминались деревья с чудесными плодами, целебные воды, благодатные дуновения воздуха.

Большинство интерпретаторов помещали земной рай – Эдем (Эден) – в пределах северной Месопотамии с ее цветущими оазисами, которые могли дать библейским авторам наглядное представление об идеальном состоянии всей земли, предназначенней Богом для человечества.

Мы считаем, что имя АДАМ не произошло от сemitского слова АДАМА («земля»), как обычно считается, а наоборот, слово «земля» – от имени «Адам».

Наша версия этимологии ЭЙДЕН (АДАН) в данном тексте – «земля Адама»; полное звучание этого

слова – АДАН-ГЕ, где формант ГЕ – «земля». В Абхазии есть горный массив Аданге, родственный абхазам народ – АДЫ-ГЕ, имя божеств земли у греков – ГЕ-Я, у египтян – ГЕ-Б.

Мы предполагаем, что первичное значение слова ГАН – «земля Бога АН», хотя в современном абхазском языке ГАН означает нечто иное – «сбоку, на краю, на побережье». Итак, 8-й стих 2-й главы Книги Бытия интерпретируется нами так: В ЗАЩИЩЕННОМ МЕСТЕ НА ВОСТОЧНОМ КРАЮ СВОЕЙ ЗЕМЛИ БОГ ПОСЕЛИЛ АДАМА.

С. С. Аверинцев в «Мифах народов мира» предпочитает истолковывать библейское повествование об Эдеме символически: по его словам, понятие «восток» связано с солнцем и эквивалентно образу «верх», совершенства, так что речь идет о некоем идеальном мире. При таком подходе (который выглядит гораздо более современным) вообще невозможно искать привязку «земного рая» к реальному географическому месту.

Подобные доводы многие ученые скептики приводили Генриху Шлиману. К счастью, им не удалось убедить великого археолога в том, что Троя – всего лишь миф и символ, литературный образ. А ведь тоже казалось, что это и современно, и убедительно, а искать местоположение реальной Трои может только безумец.

Что ж, пусть нас считают такими же безумцами, как совсем недавно – Генриха Шлимана! Неплохая компания, скажем мы «скромно»... Кстати, в пользу версии о том, что Эдем нужно искать в Абхазии, говорят и некоторые фрагменты литературы шумеров и славян – народов, надежно разделенных и пространством, и временем. Так, в шумерском эпосе сохранились воспоминания о дальней стране ЭДЕН (другое ее название – КУР, «горная»), где обитают души предков. А в «Послании архиепископа Новгородского Василия ко владыке Тверскому Федору» (14 в.) рассказывается о том, что новгородские мореплаватели были занесены

ветром к высоким горам, из-за которых лился необычный свет и слышались «веселия гласы», а к горам подходила небесная твердь, сходясь с землей.

Продолжим анализ нашего варианта перевода библейского текста. Судя по тому, что в 10-м стихе НАХАР (ивр. «река») выходит из земли ЭЙДАН для орошения ГАНА («сада»), это «укромное место» находится ниже по течению реки. Слово «нахар» на иврите является нарицательным названием любой реки вообще, однако в абхазском языке оно имеет гораздо более осмысленную этимологию: (А)НАХАР можно понять как «сотканная Богом сила» (где АН – «Бог-Творец», АХА – «сотканная», Р – «сила, энергия, движение»). Сходный оттенок смысла имеет в той же фразе слово «орошение» (ивр. ХАШКУТ): его корень ШК – основа богословского понятия ШЕКИНА («Божественная Слава, Энергия»).

Вполне возможна и вполне реалистическая его интерпретация, так как в Абхазии слово НАХАР сохранилось еще и как имя собственное: так называются река, гора и перевал в верховьях реки Кодор. Эта большая река считается священной, причем ее название по-абхазски звучит КУДРЫ (КАДЫР), что можно понять как «рай Адама», так как ЫР (букв. «там, по ту сторону») – это табуированное название рая после изгнания из него прародителей. Вспомним славянское ВЫРИЙ – «рай за Рипескими горами», куда зимой улетают птицы.

Следующий важный момент. Для библейских комментаторов того же стиха всегда было головоломкой представление о реке, которая каким-то загадочным образом разделяется на четыре «головы» (ивр. РАШИМ). Чаще всего высказывалось предположение, что речь идет о системе оросительных каналов в Междуречье; однако эта система, скорее всего, возникла намного позже, чем оформлялся текст Книги Бытия.

Очевидно, народное сознание не различает притоки большой реки от ее рукавов (разделенных длин-

ной отмелю или горным отрогом). Учитывая это, описанную ситуацию можно обнаружить именно в верховьях абхазской реки Кодор: ее притоками являются ПИШОН (абх. ПЫСАН – «Божья вода») и ГИХОН (абх. ГЬЫХАН – «верховье стремительной реки»); рукава Кодора (как бы «вытекающие» из него реки) – это ХИДДЭКЭЛЬ (абх. ХЭЙДКЫЛ – «там, где рукава сходятся») и ПЫРАТ («место, где возникло препятствие на пути»).

Пойдем дальше. Согласно стихам 11-12, река ПИШОН обтекает землю ХАВИЛУ («ту, где хорошее золото»). Абхазское слово ХЬАВАЛА может быть переведено как «золото рядом». Недаром в древнем мире славилась «златообильная Колхида» (включающая восточную часть Абхазии). До недавнего времени золотой песок добывали из рек в верховьях Кодора с помощью овечьих шкур: с этим иногда связывают представления о «золотом руне» аргонавтов.

Название камня БДОЛАХ обычно толкуют как «хрусталь» и связывают с какой-то душистой отвердевшей смолой типа ладана. Абхазское истолкование этого слова в форме АБДУАЛАХ – «камень большого отца» (АБ – «отец», ДУ – «большой», АЛ – «сила», АХ – «царь»). Мы считаем, что это слово – торжественный титул камня, с которым связано сотворение Адама (АБР или АБРЛАШ – «светящийся, священный камень»).

Неясно, откуда в Синодальном переводе (вслед за Септуагинтой – первым переводом Библии на греческий язык во 2 в до н. э.) появилось название второго камня – ОНИКС. Ведь в масоретском тексте в этом месте стоят слова ЭБЕН ШЕХАМ (ивр. «теплый камень»), что вполне соответствует абхазскому ШЫХАМ (ШАХАМ) («горячий, светящийся камень»). Вероятно, это название тоже связано с особым способом взращивания Адама Богом. (Надеюсь, что читатель достаточно заинтригован этими странными утверждениями).

В следующих стихах создатели Септуагинты отождествили ивритское слово АШШУР с Ассирией, а ПЫРАТ – с Евфратом. Слово ХИДДЕКЕЛЬ в Септуагинте без всяких оснований истолковано как ТИГР: в результате получилось, что эта река протекает к востоку от Ассирии, что не соответствует ее реальному географическому положению.

И все же стоит привести аргументы в пользу расположения Эдема в междуречье Тигра и Евфрата, на чем настаивают сторонники другого реалистического толкования данного библейского текста. Они связывают название «земля КУШ» со словом КАССИТЫ – такой народ, согласно историческим источникам, жил на территории Месопотамии. Кроме того, библейскому ГИХОНУ действительно можно поставить в соответствие рукав Евфрата под названием ГИХАН. А указание на золотоносную землю хорошо согласуется с тем фактом, что в древности Междуречье было одним из крупных центров добычи и обработки золота. В пользу месопотамской версии говорит и явное сходство древнейшей шумерской космогонии с библейской. Обнаруженные геологами следы обширных наводнений в Междуречье вполне могли породить сказание о « всемирном потопе».

Не нужно подвергать систематической критике эту версию, но мы видим свою задачу в том, чтобы продемонстрировать возможности иного толкования.

Еще раз подчеркнем скучность и противоречивость месопотамских топонимических ассоциаций с библейскими – в отличие от их обилия и смысловой значительности при опоре на абхазский язык. Название Земли КУШ (которую, согласно 13-му стиху, «обтекает» река Гихон) легко связать с абхазским словом АКУШАРА («обтекать, обходить»). При передаче семитам значение этого слова могло быть забыто, и в результате понадобилось дополнительное пояснение, что река «огибает» известную древним землю КУШ (в совре-

менном иврите КУШИ – «негр», хотя расстояние от Междуречья до Черной Африки огромно).

Библейский топоним АШШУР (в 14-м стихе Синодального перевода – «Ассирия») сохранилось в Абхазии в форме ЭШЕРА. Первоначально это название могло звучать как АШРА (абх. «горячее место») или АШАРА (абх. «разделять, отделять»). Нельзя исключать и еще одного, трагического звучания: АШЬ-РА (где ШЬА – «кровь», РА – «место»). Возможно, в этом названии отражено начало кровавой истории человечества – убийство Авеля Каином; здесь же, в ЭШЕРСКОМ ущелье, во время войны с Грузией состоялась та битва, в которой решалась судьба Абхазии. Согласно народным верованиям, «земля помнит кровь, которая была на нее пролита».

Итак, наш перевод и предлагаемая интерпретация позволяют сделать вывод, что описание рая (Эдема) во 2-й главе Книги Бытия вполне может относиться к верховьям абхазской реки Кодор. Мы считаем, что именно на этой территории (ивр. ЭРЕЦ) был расположен особый «огороженный сад» – место, избранное Богом для сотворения АДАМА.

Те ученые, которые считают это событие реальным, давно стремятся определить его дату, ведя обратный отсчет от тех библейских персонажей, время жизни которых установлено по надежным историческим источникам. Суммируя время жизни самого Адама и его потомков (до рождения первенцев), большинство библеистов приходит к датировке сотворения праотца в 6000-5500 г. до н. э. Мы принимаем последнюю цифру, делая ее точкой отсчета для датировки ряда важнейших исторических событий.

Можно предполагать, что до Потопа название территории Эдема ЭРЕЦ (абх. АРЫЦ – «зерно, семя») распространялось на всю землю Абхазии. До сих пор особо почитается гора ЭРЦАХУ в верховьях р. Кодор, о которой в народе говорят: «С нее юноша сходит

мудрым, а старец – молодым». Имея в виду нашу интерпретацию библейского текста, не исключено, что образ именно этой прекрасной горы стоял перед внутренним взором пророка Исаии, когда он передавал слова Яхве: «Никто не будет причинять зла и вреда на всей святой горе Моей» (Ис. 65: 25).

Библейское учение о происхождении всех людей от Адама, понятое буквально, не может быть согласовано с достоверными научными данными антропологии, гораздо важнее доказать, что Адам и его первые потомки через особое таинство «усыновляли» своих соплеменников, передавая им свою человеческую сущность. И все же именно Адам, сотворенный Богом как живая личность, представляет для нас главную духовную ценность. Как можно собраться вокруг общего для всех родного очага, если считать рай, «землю Адама» всего лишь красивой сказкой? Как можем мы искупить грех забвения нашего общего Отца, если Адам – лишь собирательное имя человеческого рода (по уверениям рационалистов)? Я убежден, что добросовестные современные ученые должны с большим доверием относиться к свидетельству Библии.

Какое из двух свидетельств ты имеешь в виду: текст, который исследователи определили как самый древний и соответствующий народным семитским преданиям, или более позднее жреческое сказание?

Последнее гласит: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1: 27). В гностической традиции считалось, что эти слова относятся к Небесному Человеку как духовной сущности, бывшей еще «до начала времен». В мистическом иудаизме этот «человек первоначальный» носит имя АДАМ КАДМОН – первообраз всего тварного мира, в том числе – реального человека. Филон Александрийский (I в. до н. э.) соединил это представление с платоновской концепцией идеи как вневременного образца вещей: у него Небесный Человек – идеальная па-

радигма «человека земного». Согласно Оригену, душа каждого человека «предсуществует» телу, телесная оболочка нужна человеку лишь временно – до восстановления души в ее первоначальном совершенстве. В каббалистическом трактате «Зогар» (13 в.) говорится, что «образ человека заключает в себе все миры – горные и долинные». Символом взаимопроникновения этих миров стала шестиконечная звезда («щит Давида»), используемая в эмблематике масонства.

В наше время подобные спиритуалистические тенденции заметно усилились. Как бы стыдясь земного, «животного» происхождения Адама, мистики разных религий создали фантастический образ космического, бестелесного Адама, жившего в небесном раю; он часто изображается существом бесполым или двупольным («андрогином»), иногда – великаном, тело которого простирается от земли до неба. «Низвержение» этого первочеловека на землю и заключение его в «темницу тела» рассматривается такими приверженцами «ангелических» взглядов как изгнание человека из предназначенной ему обители – звездного пространства (см., например, книгу Эндрю Томаса «Шамбала – оазис света», М., 1992).

Этим тенденциям противостоит упомянутый «народный» вариант библейского текста: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). Представления о сотворении человека из земли или глины широко распространены в мифах многих народов, – например, египетских и шумерских. Существует аккадское сказание о том, что люди были слеплены парами как глиняные статуэтки (с пуповинами, через которые в них потом и была «вдунута» жизнь). Средневековых богословов волновал вопрос о том, имел ли пуповину Адам, «не рожденный женщиной».

Важно отметить, что в ряде народных преданий библейский Адам считается праотцом не всего человечества, а родоначальником только одного особого пле-

мени. В воображении талмудистов Адам выглядит хотя и земным человеком, но «мудрым мужем» – провидцем судеб рода человеческого, владеющим «всеми 70-ю языками мира»; по их мнению, именно благодаря этому Адаму удалось дать имена «всякой душе живой» (Быт. 2: 19) в Эдеме. Другие еврейские книжники были уверены, что языком Адама был именно иврит; исламские теологи считали, что он говорил на арабском языке. Так как Геродот называл самым древним на земле язык БАСКОВ (который ближе всего к группе современных абхазо-адыгских), этот язык тоже иногда претендовал на звание «адамитского». У абхазов и сейчас существует особый язык, на котором можно говорить только в горах (и священных местах); происхождение этого языка относят к «далеким временам», причем он отличается от абхазского не грамматическим строем, а только фонетикой.

Условимся называть «адамитским» тот древний язык, который был «прародителем» кавказского, а значит, и абхазского языка. Его звучание мы и дальше будем использовать для интерпретации библейских текстов, что позволит, в частности, преодолеть видимые противоречия между двумя упомянутыми текстами в первых главах Книги Бытия. Я считаю, что именно древний «мифологический» вариант с большой долей вероятности можно считать отголоском действительных событий.

«Прах земной» (ивр. АФАР), из которого создан человек, – синоним всего малого, смиренного. Вполне допустимо предположение, что АФАР АДАМА (в этом месте масоретской рукописи) означает природное существо – «человека земли». Сошлемся на авторитет двух великих русских святых, которых уж никак нельзя заподозрить в «материализме» и «дарвинизме». Преподобный Серафим Саровский в беседе с Н. А. Мотовиловым говорит: «Все три части нашего естества (дух, душа и плоть) созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушев-

ленным Божиим созданием». Еще определенное выглядит высказывание св. Феофана Затворника (зафиксированное в его «Письмах»): «Было животное в образе человека, с душою животного. Потом Бог вдунул в него Дух Свой – и из животного стал человек».

Мы предлагаем для наглядного представления о таком «животном в образе человека» ввести понятие АДАМА, означающее «преадамита» – представителя высокоразвитого племени, поселившегося в Эдеме (на земле ЭРЕЦ). Состояние этой земли до сотворения Адама описано в Библии как отсутствие кустарника, «травы полевой», дождей и земледельцев, так что только «пар поднимался с земли и орошал все лицо земли (Быт. 2: 5-6). В результате добросовестного учета двойного смысла ключевых ивритских слов этот текст получает следующий вид:

НИКАКОЙ БЕСЕДЫ С ШЭЙДОМ ЕЩЕ НЕ БЫЛО НА ЭРЕЦ, И НИКАКОЕ ДЕЛО ШЭЙДА ЕЩЕ НЕ ПРОРАСТАЛО, ИБО НИКАКОГО БЕЗЗАКОНИЯ (или УБИЙСТВА) НЕ ДОПУСКАЛ ЯХВЕ ЭЛОХИМ НА ЭРЕЦ, И НЕ БЫЛО АДАМА, ЧТОБЫ ТКАТЬ (или ВОЗДЕЛЬЗЫВАТЬ) АДАМА. НО ЭЙД ПОДНИМАЛСЯ С ЭРЕЦ, ЧТОБЫ ОДУХОТВОРЯТЬ (или НАДЕЛЯТЬ УМОМ) АДАМА.

Наша интерпретация данного текста такова: чтобы племя адама развивалось безупречно и в соответствии с Божественным замыслом (исключающим беззакония и убийства, в том числе и животных), источником чистой жизненной силы ЭЙД была сама земля (ЭРЕЦ), огражденная Богом от влияния ШЭЙДА (РАХАВА). Эта энергия (вероятно, сосредоточенная в райском «древе жизни») распространялась и на растения, которыми питались адамы; поэтому они не испытывали потребности в мясной пище и были здоровыми, миролюбивыми долгожителями. Но тогда еще не был сотворен Адам, который мог бы «одухотворять» своих соплеменников, приобщая их к своей человеческой сущности.

После этого библейский текст, посвященный творению этой сущности (Быт. 2: 7), получает следующий вид – «в переводе на адамитский»:

И ОБРАЗОВАЛ ЯХВЕ ЭЛОХИМ АДАМА ИЗ ПОДХОДЯЩЕГО АДАМА, И НАПЕЧАТЛЕЛ НА ЛИЦЕ ЕГО ИМЯ БОГА ЖИВОЕ, И СТАЛ ЧЕЛОВЕК ТВОРЦОМ ЖИВУЩИМ.

Знаменитый католический философ Тейар де Шарден в книге «Феномен человека» (М., 1987) оценил сотворение Адама так:

– В действительности это возникновение нового мира... Внешне – почти никакого изменения в органах. Но внутри – великая революция: сознание забурлило и брызнуло в пространство сверхчувственных отношений и представлений, ... обретя способность замечать самое себя.

Однако М. Элиаде, опираясь на полевые антропологические исследования, убедительно доказывал, что «человек в полном смысле слова» (т. е. «религиозный человек»), вступивший в непосредственное общение с Богом, появился в глубочайшей древности, – по-видимому, уже 40-35 тысяч лет назад. Вероятно, именно тогда кроманьонец получил имя «гомо сапиенс сапиенс», т. е. «разумного в квадрате». Добавлю, что речь идет о рождении центра личности, самосознания человека, его Я, способного вступать в отношения с Ты. Тогда возникает вопрос, чем же от него отличается Адам, по вашей концепции, сотворенный «совсем недавно» – всего 6 тыс. лет назад?

Нужно признать, что это серьезный вопрос, заслуживающий подробного обсуждения. Пока намекнем только на разницу между общением архаического человека с «одиноким» Всевышним и откровением Адаму Его Тринитарного образа.

Предложим картину того, как именно происходило сотворение Адама. Каждый читатель может понимать ее «в меру своей испорченности» – либо как

странную сказку, либо как достоверное описание реального исторического события.

Вообразите фильм, снятый по такому сценарию: сам Всевышний из всего населения земли выбирает племя, поднявшееся по лестнице эволюции выше других и в полном соответствии с Его планом. Это племя (адамá) уже имеет свой (адамитский) язык, обычаи и традиции воспитания детей с первых дней их жизни. Творец сходит на землю, выбирает в этом племени наиболее совершенную женщину – мать двух новорожденных близнецов – мальчика и девочки. Бог забирает мальчика, чтобы изолировать его от привычной среды и Самому заняться его воспитанием. Как заботливая нянька, Он находит для ребенка укромное и уютное местечко (скорее всего, грот на склоне горы, куда не проникает дождь и ветер) и подходящую «колыбель» – теплый камень с углублением, поросшим мягким мхом. Этот камень (абх. АБР) со временем станет священным местом, где будет совершаться таинство приобщения племени адамá к роду Адама.

Наш сценарий позволяет объяснить созвучие слов «камень» и «отец» (АБ) и в абхазском, и в семитских языках. Нартский миф о рождении героя Сасрыквы из камня можно понять как отголосок предания об Адаме. Упомянутые в Библии «огнистые камни» Эдема (по нашему толкованию, один из них – ШЕХАМ (ОНИКС) могут напоминать о теплой каменной «колыбели» Адама. А загадочный магический термин «абракадабра» (ставший символом всего запутанного и вообще бессмысленного) можно сделать вполне понятным, если прочесть его как АБРА-К-АД-АБРА (абх. «камень, тот самый адамов камень»). К преданию о нем, несомненно, восходит мистика «философского камня» алхимиков.

Что ж, продолжим изложение этого сценария, признавая, что многим он покажется «абракадаброй» – в привычном смысле этого слова. «Райский сад» с мягким микроклиматом в любое время года как раз и нашелся в горной котловине ЭРЕЦ с ее теплыми

минеральными источниками. Чтобы кормить своего подопечного, Всевышний привел к нему дикую овцу или козу (напомним, что мифология многих народов полна рассказов о вскармливании их родоначальника каким-то животным). А когда младенец подрос, он научился у животных, птиц (возможно, и у «мудрой змеи») находить подходящую растительную пищу, наполненную жизненной энергией ЭЙД. Проблема удаления отходов жизнедеятельности тоже не могла быть слишком сложной для Всемогущего...

Не слабо! Такого не придумали даже сценаристы Голливуда. Но согласитесь, что отрывать младенца от груди матери (даже с самыми лучшими намерениями) – это как-то не по-божески...

Но это один из тех редких случаев, когда высшая цель действительно «оправдывает средство», которое только по нашим нынешним меркам кажется таким суровым. Напомним, что в архаические времена матери постоянно теряли множество своих младенцев, которые не выдерживали «естественного отбора». А ребенку в райском саду материнские объятия вполне могло заменить теплое ложе в камне АБР и внимание Самого Всевышнего. Напомню, что одно из Его имен в Библии – ЭЛЬ ШАДДАЙ (ивр. «щедрый, плодовитый», где корень ШАД – «женская грудь»).

Мусульмане верят, что в святилище Аль-Каабы находится осколок камня, подаренного Адаму самим Аллахом, и в глубине этого камня праведники могут разглядеть картину рая. В абхазских легендах АБР – это еще и наковалня, на которой Небесный Кузнец выковал их предка. В нартском эпосе кузнец подвергает за-калке рожденного из камня Сасрыкву, и только после этого герой обретает главное достоинство человека – способность говорить. А в сценарии нашего фильма Творец учит говорить Адама, используя звуки его мла-

денческого лепета – «чтобы, как наречет человек всяющую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2: 19).

Теперь мы можем приступить к интерпретации библейских текстов, посвященных появлению Евы – не менее загадочных, чем все сказанное об Адаме. В результате применения нашего метода слова жреческого варианта Библии «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил Его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1: 27) получают следующий вид:

И СОТВОРИЛ ЭЛОХИМ АДАМА, ПО ОБРАЗУ ОБРАЗА СВОЕГО СОТВОРИЛ ЭЛОХИМ ЕГО, САМЦА И САМКУ СОТВОРИЛ ИХ.

Мы предполагаем, что этот текст относится не к Адаму и Еве, а к мужчинам и женщинам из племени адамá. А странное выражение «по образу образа Своего» означает их уподобление первообразу небесных херувимов (керубов) – полуживотных с лицами человека, льва, тельца и орла, пребывающих «окрест Божества» (Иез. 1: 10).

Из другого (более древнего и более значительного) варианта этого сказания мы узнаем, что, несмотря на великое благо общения с Богом в райском саду, подросший мальчик почувствовал (наблюдая за животными), что ему не хватает пары – «помощника, подобного ему» (Быт. 2: 20). Тогда заботливый старший Друг пришел ему на помощь: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою (ивр. ИША): ибо взята от мужа (ивр. ИШ») (Быт. 2: 21-23).

Очевидно, понимать этот текст буквально невозможно, так как все ребра у мужчины явно на месте. Согласно одной научной гипотезе, здесь отразился опыт виноградарей, размножающих лозу от ее черен-

ка. Согласно другой версии, данный текст возник из типичного лингвистического недоразумения, когда это древнее предание евреи заимствовали от шумеров. Американский исследователь С. Н. Крамер обнаружил в шумерской мифологии такое сказание: для лечения больного ребра бога Энки была создана богиня-целительница по имени НИН-ТИ. Так как шумерское ТИ означает одновременно и «дающая жизнь», и «ребро», возникла библейская этимология имени Ева (ивр. ХАВВА – «жизнь»). Так носительница этого имени оказалась и «матерью всех живущих» (Быт. 3: 20), и женской «из ребра» Адама.

Однако до сих пор никто не обращал внимания на то, что в абхазском языке близкое по звучанию к имени ЕВА слово АВА означает «рядом», откуда возникает такой ряд: АВА-РА – «бок», АВА-КЬЫЦ – «ребро», АВА-ЛАРА – «идущая рядом». Поэтому имя АВА (или ХАВА) на основе абхазской этимологии может быть понято и как «наше ребро», и более значимо – «вставшая рядом с нами». Если принять во внимание второй смысл ивритских слов, библейский текст (Быт. 2: 21-23) получает новый смысл (вероятно, до времени скрытый из педагогических соображений):

И НАВЕЛ ЯХВЕ ЭЛОХИМ КРЕПКИЙ СОН НА АДАМА, И КОГДА СПАЛА ОБЩИНА, СЕСТРУ СМЕРТНУЮ В УДАЧНОЕ ВРЕМЯ ТАЙНО ПОХИТИЛ. И ПЕРЕУСТРОИЛ ЯХВЕ ЭЛОХИМ ОБРАЗ, КОТОРЫЙ ВЗЯЛ, В ЖЕНЩИНУ, И ПРИВЕЛ ЕЕ К АДАМУ. И СКАЗАЛ АДАМ: ЭТО ОБРАЗ ОБРАЗА МОЕГО И ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ МОЕЙ; ОНА РОДСТВЕННИЦА-ЖЕНА, ПОТОМУ ЧТО ОТ МУЖА ВЗЯТА ОНА.

Главный смысл этого текста – подчеркнуть, что в природе Евы нет ничего, отличающего ее от Адама, кроме пола. Мы теперь достаточно образованы для того, чтобы понимать: полная биологическая тождественность бывает только у однояйцевых близ-

нецов, которые всегда – одного пола. Поэтому мы предполагем, что в этом случае потребовалось Божественное вмешательство: в момент зачатия Он создал общий идеальный геном близнецов, а затем материнскую Х-хромосому одного из них «урезал» до мужской У-хромосомы. Забегая далеко вперед, отметим, что это может служить прообразом ключевого события Священной истории – «непорочного зачатия» Иисуса Христа: оно могло произойти в результате аналогичной «перестройки» Богом идеального генома Девы Марии. А в случае Адама и Евы столь «близкородственный» брак между ними не грозил вырождением, так как в их геноме отсутствовали поврежденные гены.

Продолжим изложение сценария. Наступил день, когда Всевышний привел к Адаму Еву, которая стала для него идеальной парой («второй половинкой» из платоновского мифа о рассечении надвое небесного андрогина). Эта одаренная и прекрасная девочка, хорошо воспитанная матерью в родном племени, смогла обогатить своего юного брата-жениха теми культурными навыками, которые не противоречили Божественным наставлениям. А Адам смог передать сестре-невесте дарованный ему Богом духовный огонь, с первых шагов став соучастником творения человека.

Как известно, мифы о браке между близнецами существуют у многих народов, но благочестивые хранители этого предания в Библии перенесли эту морально затруднительную коллизию на злодея Каина. Согласно исламской легенде, именно этот порочный сын Адама женился на своей сестре-близнеце, хотя Богом ему была предназначена сестра Авеля.

Предлагаем на этом остановиться, так как последние высказывания требуют объяснений, где и когда у Адама и Евы появились дети, что связано с библейским сказанием об их грехопадении.

О ГРЕХОПАДЕНИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Разговор под дикой яблоней, на лесной поляне

Прежде всего, подумаем над тем, почему был скрыт тот смысл древнего библейского предания, который при нашей расшифровке выглядит вполне прозрачным и понятным современному человеку. Мы предполагаем, что это произошло при составлении письменного свода священных текстов во время вавилонского пленения евреев. В то время память об адамитском миссионерстве по всей Земле уже стерлась, а знание об особом, высокоразвитом племени адама могло породить опасные выводы об изначальном превосходстве одного народа над всеми остальными. История показала, к каким страшным последствиям приводит эта соблазнительная идея, когда она «овладевает массами» под влиянием какого-нибудь маньяка вроде Гитлера. Пророческая мудрость помогла избежать раскола в тогдашнем человечестве, но сохранить до подходящего времени важнейший смысл библейских текстов.

Но, действительно ли наступило подходящее время, и уже миновала опасность «разжигания национальной розни» при публикации наших интерпретаций? Конечно, хотелось бы на это надеяться, но если вспомнить обо всем, что происходит в разных частях «цивилизованного» мира...

Вполне разделяя эти тревожные сомнения, нужно сказать следующее. Во-первых, от нас не зависели «времена и сроки», которые Всевышний счел подходящими для того, чтобы мы вместе пережили на земле Адама

Его новое откровение. Во-вторых, при формулировке основных положений нашей книги мы сознавали свою ответственность и стремились не оставлять места для злостных извращений их смысла.

Множество противоречивых толкований всегда возникало по поводу библейского сюжета о грехопадении. Можно считать, что первым шагом Адама и Евы должно было стать очищение жизненной энергии ЭЙД на всей земле.

Согласно нашему сценарию, когда Адам и Ева созрели для выполнения замысла Творца о них, перед силами преисподней возникла реальная угроза окончательно лишиться власти над земной природой. Поэтому РАХАВ (ШЭЙД) употребил все доступные ему средства, чтобы подчинить своему влиянию первую пару избранников Божьих. Однако вход в Эдемский сад для духов преисподней был закрыт, и потому они были вынуждены искаль помохи у своего извечного противника САТАНА ЛЮЦИФЕРА, который «был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней» (Иез. 28: 14). По-видимому, этот «помазанный херувим» (он же – «лукавый, диавол») тогда впервые получил у Всевышнего разрешение подвергнуть «искущению» человека, как гораздо позже – испытать благочестивого Иова.

Картина «грехопадения» человека на основании библейских текстов можно представить себе так. САТАН вселился в обычную эдемскую змею – возможно, потому, что Адам и Ева привыкли доверять ей в вопросах выбора пищи. Ведь «змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3: 1). Этот змей привлек внимание Евы к «дереву посреди рая», плоды которого Бог под угрозой смерти запретил людям есть (или даже касаться дерева). Лукавый клевещет на Всевышнего, изображая его завистливым тираном: «Нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как

боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 4-5). Как только Ева поверила змею, ей показалось, что запретное дерево «приятно для глаз и вожделено, потому что дает знание». И соблазненная женщина «взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3: 6).

Агадические рассказы пытаются психологически объяснить поведение этих библейских персонажей. По одной версии, змей дотронулся до запретного дерева, чтобы Ева не боялась нарушить запрет, увидев, что с ним ничего не случилось. По другой версии, змей толкнул женщину так, что она сама коснулась дерева и увидела ангела смерти, но сказала себе: если я сейчас умру, Бог создаст Адаму другую жену; уж лучше мы оба отведаем запретного плода и либо вместе умрем, либо вместе останемся живы.

Существует и еще одно предание, которое кажется нам самым правдоподобным: Ева изменила Адаму, отдавшись человеку по имени НАХАШ (ивр. «змей»). Можно предположить, что это был некий маг из племени адамá, который принес в Эдемский сад прирученную змею и сам говорил с Евой от ее имени (используя хорошо известные приемы чревовещания).

Когда Ева приняла на веру слова змея (точнее, мага Нахаша), не обратившись за советом к мужу, Адам был поставлен перед свершившимся фактом: запретный плод его «помощницей» уже съеден. Возможно, из любви к Еве Адам решил разделить ее участь, которая казалась неизбежной. Это означает, что доверие человека к своему Творцу в этот момент было поколеблено. Ведь Адам мог обратиться к Нему с просьбой пощадить дарованную Им подругу, ставшую для него такой дорогой. Но вместо этого Адам тоже нарушил завет Бога, поев запретных плодов вслед за Евой.

Педагогический смысл этого библейского предания таков: основной грех человека заключается в нарушении его доверия к своему Творцу.

Название «древо познания добра и зла» (Быт. 2: 17) – это результат неудачного истолкования греческими переводчиками слов оригинала. Дело в том, что выражение ТОВ ВЕ РАА значит не «добро и зло», а «все на свете», термин ДААТ (ивр. «познать») имеет еще один смысл – «уметь, владеть, обладать», причем в еврейской традиции это слово обычно применяется к брачным отношениям. Между тем, греческий перевод дал повод гностикам и многочисленным их эпигонам (в том числе современным) превозносить нарушение Божественной заповеди как первое проявление свободомыслия и человеческого достоинства. Консервативные толкователи, наоборот, использовали текст библейского сказания для оправдания дремучего невежества, утверждая, что само стремление человека к познанию греховоно.

Самую оригинальную интерпретацию событий в Эдеме предложил русский философ Лев Шестов (в книге «Киргегард и экзистенциальная философия», М., 1992). По его словам, в Библии нет и намека на то, что в человеке, каким он вышел из рук Творца, дух был усыплен. Это только змей, «отец всякой лжи», обещал Еве, что, вкусив плодов древа познания добра и зла, люди пробудятся и «будут как боги». А на самом деле свобода невинного человека в Эдеме не знала никаких ограничений, так как он жил перед Богом, а это значит, что для него не было ничего невозможного. И «сон духа», и страх, который парализовал волю человека, пришли в результате его грехопадения. Только после этого человек утратил свободу, поверив, что мир принудительно держится неотвратимыми «законами природы и морали».

Переводя это философское эссе на язык современной культурной антропологии, можно сказать следующее: описанные в Библии отношения человека с Богом в Эдеме соответствуют концепции «первичного монотеизма». Как в раннем детстве жизнь человека полностью зависит от родителей, которые кажутся ему

«всемогущими», так и в начале времен человек жаждал приобщиться к Творцу как к источнику своего бытия. Подрастая, ребенок все чаще говорит родителям «я сам», а у архаического человека, научившегося обеспечивать себя самым необходимым для жизни, растет иллюзия независимости от Небесного Отца. Поэтому такими вожделенными становятся для него «плоды древа познания» – устойчивые и надежные причинно-следственные связи. Постепенно Творец удаляется из сферы внимания человека, становился «Богом в отставке» (выражение М. Элиаде). Его почитание заменяется культурами Матери-Земли и предков, духов-покровителей мест и стихий; они кажутся ближе и понятнее, чем таинственный, непредсказуемый Творец. И человек стремится стать магом, претендующим на управление «силами добра и зла» в своих интересах.

Приведем цитату на эту тему из книги «Истоки религии» священника Александра Мена:

– В душе древнего человека возникает глухая враждебность к Высшему, перемешанная с завистью и рабским страхом. Он готов, как Прометей, похитить огонь с неба и одновременно ползает в пыли среди своих табу и суеверий. Следы этого «бунта на коленях» есть почти во всех дохристианских религиях. Божество в глазах древних нередко представлялось как враг, соперник и конкурент. В желании овладеть Его силами и поставить их себе на службу заключена самая суть магии, прототипом которой был Первородный грех... В магизме более всего выразилось эгоистическое самоутверждение человека, его воля к власти. Он все более прилеплялся к плотскому, потустороннему. Поэтому обожествленная природа – Богиня-Мать – легко вытесняла Бога из его сердца. Человек ждал от нее пищи, побед, наслаждений и готов был поклоняться ей и ее детям – богам. Таковы корни натуралистического идолопоклонства. Но отношение человека к природе

было двойственным. Он не только молился ей, но и настойчиво требовал. И если его требование оставалось без ответа, он поступал как насильник, он наказывал и истязал своего идола... Начинается долгая война за покорение матери-природы; и после каждой победы сына она будет жестоко мстить ему.

А вот как та же тема представлена у замечательного абхазского писателя Фазиля Искандера (в его романе «Сандро из Чегема»), который создал яркий образ опечаленного Творца, «отправленного в отставку» неблагодарными людьми:

– Творец наш идет себе, улыбаясь рассеянной улыбкой неудачника... Отчасти в его походке сквозит и трогательная человеческая надежда: а вдруг еще что-нибудь успеет, придумает... Но ничего не придумывает-ся, да и не может придуматься, потому что дело сделано, Земля заверчена... Вот почему он уходит к своему холму такой неуверенной, такой интеллигентской походкой, и на всей его фигуре печать самых худших предчувствий (будущих, конечно), стыдливо сбалансированная еще более будущей русской надеждой: авось как-нибудь обойдется...

Некоторые исследователи предполагают, что первоначально в Библии речь шла только об одном «дереве могущества», «дереве обладания всем на свете», образ которого потом раздвоился на «дерево жизни» и «дерево познания». Запрет Творца есть плоды, в которых сконцентрирована жизненная энергия ЭЙД, может означать, что юные Адам и Ева, не созрев духовно, не должны были поддаваться своим природным влечениям. В надлежащее время они приняли бы из рук своего Создателя плоды «дерева жизни и обладания всем на свете», получив в дар бессмертие и Его благословение: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (Быт. 1: 28).

Часто возникает вопрос: почему же Всевышний не оградил своих любимых детей от «сатанинского искушения»? Благочестивый ответ состоит в том, что высшим духовным даром человеку от Бога была свобода выбора. И Адам, и Ева могли поверить не змею (Нахашу), а Творцу, и потому они ответственны за свой греховный поступок. Объясняя смысл «запретного плода» в райском саду (запрет – лат. «интердикт»), православный богослов диакон Андрей Кураев в журнале «Альфа и Омега» (№ 2, 1995) писал:

– Грех – это не нарушение заповеди, а отказ откликнуться на призыв быть чем-то большим, отказ творить всегда новую жизнь... Интердикт Адаму – это свидетельство серьезного отношения Бога к человеку: человек признается собеседником Бога. И это – требование аналогичной серьезности в отношении человека к Богу.

Итак, свобода человека – не каприз индивидуальной воли, но священное бремя, наложенное Творцом на человека.

Конечно, это высокая честь. Но не слишком ли строго были наказаны любящим Отцом юные Адам и Ева, не устоявшие перед соблазном «запретного плода», который, как известно, всегда сладок?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем истолковать библейский текст, рисующий яркую картину событий после вкушения нашими прародителями этого плода: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3: 7). Вероятно, здесь речь идет о реакции Адама и Евы на пробуждение у них сексуальной энергии. Ведь когда Адам услышал голос Господа Бога, ищущего его, то «убоялся, потому что я наг, и скрылся» (Быт. 3: 10). Переживание своей наготы – это еще и чувство беспомощности, беззащитности. В библейском тексте использована игра слов: «Думали приобрести мудрость (ивр. ИРУМ), а увидели, что наги (ивр.

ЭЙРУМ)». Значит, человек устыдился своего состояния, так как половое влечение возникло у него в извращенном порядке: не из центра личности, не в согласии с разумом и волей, а как действующее с принудительной силой телесное и эмоциональное возбуждение. Добавить абхазский вариант предания об Эдеме.

Поддавшись соблазну, Адам и Ева отдали во власть ШЕЙДА один из главных источников жизненной энергии всего человеческого рода. Искаженную структуру своей глубинной психической жизни, постоянный разлад между желаниями «духа» и «плоти» до сих пор способны трезво оценить лишь немногие. Один из них – апостол Павел, который горько сетует: «Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7: 18-20).

Итак, Бог не обманул человека: нарушив Его запрет, человек вызвал расщепление между нижними и верхними пластами его души, которая уже не могла удержать тело от старения и увядания: смерть вошла внутрь человека. Змей (САТАН устами Нахаша) по-своему тоже не обманул: если бы человек, ставший «разумным животным», поел еще и плодов «древа жизни», он действительно уподобился бы бессмертным «богам» преисподней. Чтобы этого не случилось, Творец изгнал человека из Эдемского сада и поставил перед «древом жизни» непреодолимую преграду – «херувима и пламенный меч обращающийся» (Быт. 3: 24); по нашей версии, речь идет об абхазской АНЫХЕ.

Наказание, которое понес Адам за свой грех, в библейском тексте описано такими словами Господа: «Проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Тернии и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою... Возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах

ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3: 17-19). Подставив вторые значения некоторых ключевых слов на иврите, мы получили такой текст:

ПРОКЛЯТ ЗА ТЕБЯ АДАМА, РАЗДРАЖАТЬ БУДЕТ ТЕБЯ ПРЕПЯТСТВИЯМИ ВО ВСЕ ДНИ ЖИЗНИ ТВОЕЙ. БУДЕТ ОТРЕЗАН И РАССЫПАН, РАСТИ И РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ БУДЕТ ДЕЛО ШЕЙДА. ... СТАНЕШЬ ОПЯТЬ КАК АДАМА, ОТ КОТОРОГО ТЫ ВЗЯТ, ИБО ТЫ ПРАХ И В ПРАХ ВОЗВРАТИШЬСЯ.

Интерпретируя эти слова, можно предположить, что в результате грехопадения человека власть над энергией ЭЙД райского сада перехватил ШЭЙД РАХАВ (или его подручные). Отравленная ядом преисподней энергия проникла в землю ЭРЕЦ, что привело к пробуждению у людей племени адама агрессивности и властолюбия, ранее им не свойственных. И Адам с ужасом обнаружил в себе те же качества, хотя ядро его личности, сформированное Божественным воспитанием, позволило ему не потерять способности к покаянию, исцелению души.

Может показаться нелогичной, библейская формулировка наказания Евы за нарушение заповеди. Господь говорит ей: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...» (Быт. 3: 16). Но разве может быть иначе? Ведь ни в чем не повинные животные, как и женщины всех времен и народов, тоже рождают свое потомство в муках, что предопределено самим их телесным строением. И современная психология (см., например, книги С. Грофа) начинает открывать, какие роковые последствия имеет «родовая травма»: ужасная боль, испытанная младенцем при рождении, вызывает у человека недоверие к жизни, ощущение враждебности мира. В результате он легко поддается «ангелическим» внушениям, что телесная жизнь – сплошное страдание, и человеку лучше всего было бы вообще не появляться на свет. А уж если

такое «несчастье» с ним случилось, то он должен искать путь к блаженному растворению своего отдельного Я в нерасчененном Единстве (по сути – к возвращению в материнскую утробу). Это умонастроение великий психиатр З. Фрейд определил как «волю к смерти» – базовый инстинкт, условно названный им Танатосом (по имени бога смерти античной мифологии). С ним борется Эрос – свойственный всему живому инстинкт самосохранения и продолжения рода, который «переориентирует» неприятие, ненависть к себе на всех других, возбуждая даже в обычном «хорошем человеке» разные формы немотивированной агрессии (хотя и «мотивы», и поводы – всегда под рукой).

Итак, вся эта мрачная картина – следствие условий рождения каждого из нас. Чем можно объяснить столь суровое наказание человечества за прегрешение Евы, если «Бог есть Любовь»?

Возможно, для животных муки рождения необходимы для того, чтобы подготовить их к жестокой борьбе за жизнь. А для духовной жизни человека важен опыт трансформации, прохождения «сквозь бездну» к новому типу бытия. Этот опыт способствует становлению самостоятельности человека, его индивидуальности, что является необходимым предварительным условием становления его как «тринитарной» личности. Последнее понятие (важнейшее по значению) нуждается в подробном обсуждении, которое у нас впереди.

А сейчас вернемся к тексту, посвященному следствиям «грехопадения» человека. Господь говорит Еве, а, значит, и всем ее дочерям: «К мужу твоему влече^ние твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3: 16). Это можно понять буквально, в духе патриархальной этики: мужчина обязан господствовать над женщиной, управлять ее страстями, а не подчиняться им (что разрушительно для обоих). Призвание мужчины – отвечать перед Богом за женщину как существо более слабое и подверженное разным влияниям.

Получается, что Ф. М. Достоевский не прав, утверждая, что «красота спасет мир»? Наоборот, сама красота нуждается в спасении?

Да, онтологически первичным, а потому и спасающим является мужское начало, но оно тоже обречено на гибель, если не утвердится в соборности.

Искусителю Адама и Евы, представшему перед ними в облике «змея», Господь предсказывает такую судьбу: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее: оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятую» (Быт. 3: 15). Странные слова о «семени жены» чаще всего толкуют так, что кому-то из прямых потомков Адама и Евы предстоит победить новое воплощение «диавола, древнего змия». В христианской традиции считается, что это обетование относится к Иисусу Христу: отсюда его титулы – Сын Человеческий (букв. «сын Адама»), Новый Адам.

Судьбу прародителей после грехопадения можно представить в таком виде. Адам и Ева, для которых Господь сделал «кожаные одежды» (Быт. 3: 21), были изгнаны из райского сада и поселились на территории племени адама. Они были вынуждены с большим трудом (в «поте лица») возделывать землю (Быт. 3: 23), потерявшую свое плодородие – энергию ЭЙД. Здесь Ева родила сначала КАИНА, греховно зачатого еще в райском саду (по легенде – от Нахаша), а затем и АВЕЛЯ, а также дочь (или двух дочерей-близнецов).

По поводу отношений между этими первыми детьми Адама и Евы сложились многочисленные народные предания. Согласно арабской легенде, одну из сестер (более привлекательную) Адам хотел отдать Авелю, но Каин насилино овладел ею; вражда между братьями возникла якобы в результате их соперничества из-за женщины, хорошо знакомого из житейского опыта мужчин.

Мы предлагаем другое истолкование преступления Каина. Оно позволяет понять, до какого безобра-

зия (т. е. поругания образа Божия в себе) способен дойти человек под влиянием своих природных инстинктов.

Обычно считается, что имя КАИН произошло от арамейского или арабского слова «ковать», хотя Каин назван в Библии земледельцем; правда, о потомке Каина ТУВАЛ-КАИНЕ сказано, что он был «ковачем всех орудий из меди и железа» (Быт. 4: 22). Вероятно, уже по следам библейского предания слово «каин» было понято как «ревность, зависть, захват, приобретение». Точно так же имя АВЕЛЬ (от арамейского ХАБЛУ – «сын») принято связывать с однокоренным словом ХЭВЭЛ (ивр. «плач, боль», иногда – «суета»), как будто родители могли дать имя своему сыну уже после его гибели.

«Адамитская» этимология тех же имен, как всегда, более содержательна. В абхазском языке формант К служит чем-то вроде определенного артикля (знаком конкретности), АИ означает «младенец, рождаться»; поэтому КАИ(А)Н можно перевести так: «Вот дитя от Бога АН». Фактически это расшифровка слов Евы после рождения первенца: «Приобрела я человека от Господа» (Быт. 4: 1).

Адамитская форма имени АВЕЛЬ (ХЭВЭЛ) реконструируется как ХАЖЭЛА (где ХА – «Хава», АЖЭЛА – абх. «семя»). Значит, имя младшего сына можно перевести как «семя Евы» (в полном соответствии с библейским предсказанием о «семени жены»). Возможно, Адам и Ева получили какой-то знак, оправдывающий такое имя второго сына, – например, новорожденный необычно светился: в имени ХАЖЕЛА формант ЛА отсылает к слову ЛАША (абх. «светлый, сияющий, светящийся» – эпитет священных персонажей абхазской мифологии).

Интересные возможности дает наш метод «перевода» библейского текста для понимания деталей истории о принесении сыновьями Адама разных жертв Богу: «И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли

дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от туха их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его» (Быт. 4: 2-5).

Фраза «Каин был земледелец», с учетом нашего толкования слова «земля» как «адамá» (племя), может быть понята так: КАИН ПОРАБОЩАЛ АДАМА. Тогда понятно, почему его жертва оказалась неугодной Богу, – Каин принес в жертву плоды не своего труда, а труда его рабов. А так как слово МИФРИ (ивр. «плоды»)озвучно другому – МЕФУРАК (ивр. «разобраный на части, расчененный»), возможна и другая, более жесткая интерпретация: речь идет о «расчленении» адама – т. е. о первом человеческом жертвоприношении, идею которого Каину мог подсказать ШЭЙД (РАХАВ). Это предположение недостаточно обоснованно текстуально, но кажется нам достаточно логичным: ведь судя по тексту, Авель тоже «расчленил» свою жертву – овец, принеся жертву «от туха их».

Гораздо важнее второй смысл библейских слов об Авеле как о «пастухе овец»: он сам является ОБРЕЧЕННЫМ АГНИЦЕМ, что делает его прообразом Исаака (приготовленного в жертву Богу Авраамом) и самого Иисуса Христа, часто именуемого в Новом Завете «жертвенным агнцем Божиим». Почему так важно предпочтение Все-вышним одного из жертвоприношений? Речь шла о том, кто из братьев произведет на свет обетованного Спасителя, который «поразит змея в голову». Каин не сомневался в том, что это будет именно он – как старший брат, занятый возделыванием земли. И когда Творец неожиданно принял другое решение, «Каин сильно огорчился, и поникло лице его» (Быт. 4: 5). Подставляя вторые значения ивритских слов в этот текст, мы получили:

ОПУСТОШИЛСЯ КАИН И ПОЛНОТА ЖИЗНЕННЫХ СИЛ (ЭНЕРГИЯ «МА-ЭЙД») ИЗВЕРГЛАСЬ ИЗ НЕГО.

Потеря Каином энергии жизни (вероятно, мужской силы) должна была вызвать у него панику, так как это лишало его возможности продолжить свой род. Каин не откликнулся на призыв Господа к покаянию: «У дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4: 7).

На основе адамитского языка тот же библейский текст может быть расшифрован иначе, если связать его с преданием о похищении Каином сестры, предназначеннной Авелю. Так как братьям она казалась единственной женщиной, способной произвести на свет их потомство, соперничество между ними не было обычной житейской ситуацией. Звучание ивритских слов позволяет восстановить возможное имя этой женщины – ХАЛВАИ (напоминающее имя ее матери – ХАВВА), а также наказ Господа:

ПОХИЩЕННАЯ ХАЛВАИ У ВХОДА ЛЕЖИТ; К ТЕБЕ ВЛЕЧЕНИЕ ЕЕ, ТЫ ЖЕ ВЛАСТВУЙ НАД НЕЙ.

Наше толкование последних слов точно соответствует сказанному Еве: «К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3: 16). А весь текст можно понять так, что Халваи уже отдалась Каину, она готова войти в его дом («у входа лежит»), и Всевышний утверждает этот брак, призывая мужа «властвовать» над страстями жены.

Кто-то может возразить: хотя такое прочтение делает данный текст более понятным, сама версия о споре братьев из-за женщины (пусть даже единственной на свете) выглядит либо уступкой «народному» вкусу, либо вариацией на тему египетского мифа об Осирисе, коварно убитом его братом Сетом. К тому же становится совершенно непонятным, зачем Каину было убивать брата, если Бог согласился на его брак с похищенной сестрой. Но главное возражение состоит в том, что традиционное прочтение этого места («у дверей грех лежит...») – содержательнее и глубже, чем Ваше толко-

вание: призыв Бога «властвовать над грехом» относится не только к Каину, но и к каждому человеку, сердце которого открыто для Всевышнего.

Дело в том, что наше толкование отражает первичный, «адамитский» смысл обсуждаемого текста, который сейчас действительно выглядит слишком простым и «житейским». Составители и переводчики Библии сумели превратить это «малое семя» в духовно значительное повествование.

Вернемся к основной сюжетной линии. Когда Каин впал в отчаяние из-за обиды на Творца и потери жизненных сил, духи преисподней смогли воспользоваться этим. Они возбудили в нем готовность на этот раз идти до конца – на то преступление, о котором в Библии сказано: «И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4: 8). Если заменить в этом тексте слово «поле» на второй смысл стоящего в оригинале слова ШАДА (ивр. «злой дух Шейд»), мы получим более содержательную версию: Каин завлек брата не просто «в поле», а «к Шейду» – в такое место, где он уже имел опыт магического общения с «духами злобы преисподней».

Пролив братскую кровь, Каин осквернил священную землю АДАН и услышал грозные слова Господа: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. ...Ты будешь изгнаником и скитальцем на земле» (Быт. 4: 10-12); в Септуагинте сказано еще сильнее: «Стенающим и дрожащим ты будешь».

Заменив слово «земля» на «адамá», мы можем увидеть еще один важный смысл этого текста:

ГОЛОС КРОВИ БРАТА ТВОЕГО ВОПИЕТ КО МНЕ ОТ АДАМА. И НЫНЕ ПРОКЛЯТ ТЫ ОТ АДАМА, КОТОРЫЕ ОТВЕРЗЛИ УСТА СВОИ, ОБЕЩАЯ ВОЗМЕЗДИЕ ЗА КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО ОТ РУКИ

ТВОЕЙ; ВЕЧНЫМ СКИТАЛЬЦЕМ БУДЕШЬ ТЫ НА ЗЕМЛЕ ЭРЕЦ.

Здесь речь идет о страшном потрясении людей из племени адамá, когда они узнали об убийстве одного из тех, кто казался им бессмертными богами или, по крайней мере, великими жрецами Всевышнего. Согласно своим традициям, адамá считали справедливым отомстить за смерть Авеля убийством Каина («око за око» Ветхого Завета). Тогда становится понятным следующий текст (абсолютно непонятный, если считать семью Адама единственными людьми на земле): «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, Ты сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнаником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. ...И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4: 13-15).

Вопрос о том, почему Господь защитил Каина от мести соплеменников и позволил «каинитскому духу» распространяться по земле, остается загадочным. Он может быть решен только в русле общей богословской проблемы места и роли различных воплощений сил зла в сотворенном Богом мире: РАХАВА и его подручных, САТАНА, искушающего человека, ИУДЫ, КАИНА, а в конце времен – АНТИХРИСТА.

О РИТУАЛАХ ПРИОБЩЕНИЯ К РОДУ АДАМА

Разговор возле дольмена, высоко в горах

Мы считаем нужным предупредить читателя, что к нашим сегодняшним высказываниям еще в большей степени, чем обычно, стоит относиться лишь как к гипотезам, далеко не всегда «научным».

Л. Регельсон. Зачем же заранее вызывать недоверие читателя? Он вполне способен самостоятельно решить, насколько убедительны аргументы в пользу предлагаемых нами версий.

Прежде всего, нужно выяснить, кто имеется в виду в грозном библейском тексте: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6: 5). Эти слова, без сомнения, относятся не только к потомкам Каина по крови, но и ко многим племенам, приобщенным к человеческому роду через особое древнее таинство. Судя по одинаковым именам многих предпотопных патриархов, сифиты и каиниты боролись между собой за право быть жрецами этого таинства вочеловечивания – сначала для ближнего окружения, а затем и для населения всех известных тогда земель.

И. Хварцкий. Отолоском этого древнего таинства может служить сохранившийся до недавнего времени на Кавказе обычай «аталычества» (АТАЛЫК – тюрк. «воспитатель»). Согласно описанию абхазского этнографа Ш. Д. Инал-Ипа, ребенка из знатного рода было принято отдавать на воспитание в крестьянскую

семью, которая растила его до совершеннолетия, после чего между семьями устанавливались отношения, почти неотличимые от родственных.

Относительно атрибутов ритуала приобщения к роду Адама существует несколько версий. Жертвениками могли служить знаменитые кавказские ДОЛЬМЕНЫ – вертикальные каменные плиты (чаще всего – с круглым отверстием в одной из них), накрытые сверху массивными плоскими камнями. В Абхазии принято торжественно величать дольмены словом АДАМРА («место Адама»), что подразумевает их символическую связь с местом погребения АДАМА; возможно, где-то в земле Эрец еще предстоит найти горную пещеру со следами этого погребения.

Сохранились старинные абхазские поговорки: «Со страху он залез в АЮ», «Я загоню тебя в АЮ» (АЮ – абх. «дом» и «дольмен»); имеется в виду священное место, куда не посмеет войти даже кровный враг, если там спрячется беглец. Известный археолог Л. Н. Соловьев обнаружил в верховьях р. Кодор два дольмена архаического типа (без отверстий), которые он датировал 5-м тыс. до н. э. – на 2 тысячелетия старше основного кавказского массива дольменов. Активность загадочного «дольменного народа» приходится приблизительно на 2800-1800 гг. до н. э., когда многочисленные мегалиты (дольмены, менгиры, кромлехи) появились не только на Кавказе, но и на берегах Средиземного моря, Атлантического океана; Николай Рерих с «радостным изумлением» обнаружил их даже в Тибете.

Вторая версия ритуала адамитской инициации (вполне совместимая с первой) связана с преданиями о священном камне АБР (АБГ), к которому можно возвести этноним АБХАЗ. Понятие АБГАРА означает «дать клятву», стать приемным, но законным сыном; тот же смысл имеет корень БЕН (ивр. «сын»), входящий в состав слова ЭБЕН (ивр. «камень»).

В древнем таинстве АБР сначала мог использоватьсь священный эдемский камень (светлый, светящийся АБРЛАШ) – колыбель самого Адама, но для посвящения дальних кавказских племен понадобились уже его копии. Центральным ритуальным действием было возложение посвящаемого на камень с углублением, которое считалось отпечатком «стопы Бога».

В глубокую древность уходит совершаемый поныне круговой танец АИБАРКЫРА (абх. «держаться друг за друга»), с пением ритуального рефрена: «Да обойдем мы вокруг Твоей Золотой Стопы!»; те же корни имеет мусульманский экстатический танец ЗИХР. Средневековый итальянский путешественник сообщает о том, что взрослые абхазы носили шапки «в виде стопы» – возможно, в знак их адамитской инициации. В самом деле, абхазское слово АХАЦАРА можно перевести и как «надевать», и как «верить», а АХАЦА – это «зрелый человек, настоящий мужчина».

Л. Регельсон. Возможно, отголоском адамитского предания является тот образ Божественной стопы, который пронизывает все Писание. Например: «Все святые в руке Твоей, и они припали к стопам Твоим, чтобы внимать словам Твоим» (Втор. 33: 3); «И Я прославлю подножие ног Моих» (Ис. 60: 13); «Так говорит Господь: небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих» (Ис. 66: 1); «Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножию Его; свято оно!» (Пс. 98: 5); «А Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его» (Мф. 34: 35).

И. Хварцкия. Жрецы, совершающие посвящения АБР, на абхазо-адыгских языках именовались АБРАГАМИ («абреками»). В наше время абреками называют живущих вне закона одиноких «благородных разбойников», но в древности АБРАГЬ (абх. «рождающий на

камне», где ГЬ – женский орган) – это отшельник и аскет, вызывающий особое почтение местного населения. Есть основания предполагать, что этот образ и само слово «абрагъ» – аналог изначального понятия АЕРГ, АЕЫРГ (где ЪР – абх. «рай»), означающего прямых потомков Адама – сифитов. Окончание слова АЕРГ твердым звуком (Г Ъ) позволяет сближать его с термином «аиерг», который Ш. Салакая толкует как «светящийся фаллос», что вполне органично для культа рождающего отцовского начала. Появление мягкого окончания (ГЬ) в понятии АБРАГ(Ь) еще раз напоминает о постепенном отступлении от «первичного монотеизма» в пользу языческих женских культов. Отголоском же древнего значения слова АЕРГ является термин АДАМЫГ (буквально – «фаллос Адама», но сейчас – «клеймо, тавро»). Мы предполагаем, что «адамыгом» изначально назывался священный жезл адамитского посвящения, – как в средневековой Европе посвящали в рыцари с использованием меча или шпаги.

У многих древних народов существует «фаллический» образ мотыги, сохи, плуга – орудий, взрыхляющих землю (особенно с помощью быков). Это связано с представлением о том, что АЕРГИ – «боги, спустившиеся с гор», обучили людей земледелию. Сифиты, жившие «на высотах», были «пастухами стад» (как и Авель), и нуждались в растительной пище, которую они получали от земледельцев долин и предгорий; возможно, именно так сложился обычай «жреческой десятины». Интересно, что в Абхазии и поныне пастушество (как и охота в горах) считается более почетным занятием, чем земледелие.

Согласно преданиям, АЕРГИ обязательно носили особый посох АЛАБАШЬЯ – с развилкой у рукояти и железным наконечником; такой посох и сейчас держат в руках старейшины абхазских родов во время общих сходов. Посох АЛАБАШЬЯ стал прообразом двойного абхазского копья АБРЗАЛ и двойного топорика ЛА-

БРИС (а затем и трезубца греческого бога моря Посейдона). Вероятно, посвящения в АЕРГИ (вначале – от самого Адама, потом – от его избранников, передающих по цепочке эту миссию) удостаивались не все потомки Сифа, а только самые достойные из них. В ритуале такого посвящения, который назывался АСРА (абх. «удар»), такие избранники могли получать символический удар посоха АЛАБАШЬЯ, призывая Божественный свет АНЫХИ. Забегая вперед, отметим, что понятие АСРА содержится в имени героя абхазской версии нарцского эпоса – САСРЫКВЫ.

Л. Регельсон. Первичный адамитский ритуал в грандиозных масштабах воспроизведен в библейской картине знаменательных событий на Синае: «И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы. Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне» (Исх. 19: 17-18). Здесь посвящение получает все племя сразу, камнем АБР служит целая гора, жрецом – МОИСЕЙ, которому сам Всевышний дарует каменные скрижали с заповедями избранному народу. Затем уже ученики Иисуса Христа воспроизведут миссионерское служение адамитов, исполняя повеление Господа: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19).

Может быть, для того чтобы мы научились ценить духовное родство выше, чем родство по крови, Всевышний рассеял по земле и смешал прямых потомков Адама со многими народами. Аналогом древнего адамитского ритуала на камне АБР может служить христианское таинство крещения, а ритуал АСРА (возводящий в АЕРГИ) соответствует церковному посвящению в духовный сан.

И. Хварцкий. У сифитских жрецов, использующих АДАМЫГ как священный жезл, ритуал посвящения предадамитов носил характер утверждения их человеческого достоинства, равенства с потомками Адама по крови.

В то же время в руках кайнитов, присвоивших право посвящения в качестве жрецов, адамыг стал раскаленным прутом для нанесения рабского клейма на тело преадамита, и со временем само слово «адамыг» получило преnебрежительное значение «клеймения скота».

Память о кайнитах, возможно, сохранилась в абхазском предании о малорослом народе АЦАНОВ, которые «в незапамятные (райские) времена, когда не было ни снега, ни дождя, ни ветра», строили каменные ограды для скота. Слово АЦАН (абх. «то, что внизу, на дне») перекликается с именем Каина: (А)ЦАН – ЧАН – КА(И) Н. Это хорошо согласуется с гипотезой о первоначальном расселении кайнитов по левому берегу р. Кодор («в земле Нод» Библии), а затем – дальше на восток, в долине Риони. Возможно, построенные рабами ацанов-кайнитов «ограды» играли ту же роль, что «магические круги» у многих народов древнего мира, используемые для заклинания духов природных стихий.

Народная фантазия превратила ацанов в крошечных человечков, «влезающих на листья папоротника», «ездящих верхом на зайцах», что соответствует образам и ГНОМОВ – кузнецов германской мифологии, а также русскому названию «кузнечики» – для насекомых, живущих в траве. Главными качествами ацанов, сближающими их с кайнитами, считаются их хитрость, коварство, гордость, кощунство, отрицание заповедей Творца. Кроме того, они обладают какой-то магической властью над «великанами», рост которых приравнивается к большому дереву или даже к горе, хотя в ряде сказаний обычный мужчина женится на ацанке, а великан берет в жены обычную женщину. Характер ацанов отражает такой эпизод: беременная ацанка в споре со своим мужем вспорола себе живот, выбросила его ребенка и ушла домой.

Абхазское предание изображает великанов, поработленных ацанами, злобными и глупыми существами; скорее всего, от самозванных кайнитских жрецов они не получили адамитской души (оставшись «плотью»,

как сказано в Библии). В талантливом рассказе абхазского писателя Станислава Лакобы передается народный опыт возвращения людей к своим природным (звериным) корням:

– Черные ягоды. Они налились кровью ночей, выросли прямо из сновидений. <...> И вот, чтобы поклониться им, к Волчьей горе рычащими стаями стекались стаи мохнатых волков и горцев. <...> Теперь трудно было сказать, где лежит волк, а где человек, они перевоплощались, переливались друг в друга. <...> Состояние бесконечности просачивалось в деревья, – и деревья запели, затанцевали, поднимая на руки то человека, то волка. Казалось, что сама ночь отведала черных ягод. Когда язык касался их нежной поверхности, блаженство по венам ног впадало в землю, и тогда человек ощущал, чувствовал землю как часть своей плоти.

Л. Регельсон. В отличие от таких великанов, у племен, получивших посвящение от сифитских жрецов АЕРГОВ, принадлежность к роду Адама становилась наследственной и постепенно распространялась на все народы земли. Поэтому со временем посвящение на камне АБР стало ненужным, и только через много веков его смысл был восстановлен в таинстве крещения, приобщающего человека к роду нового Адама – Иисуса Христа.

Гораздо раньше посвящение АСРА было заменено ритуалом обрезания (который сохранился в иудаизме и исламе). Исторические источники свидетельствуют о том, что в древнем Египте этой чести удостаивались только жрецы и воины – представители высших словес. Согласно Библии, обрезание всех потомков Авраама означало их избрание Богом для жреческого, пророческого и царского служения. То, что первоначально в этом обряде использовался острый каменный нож, может свидетельствовать о его связи с адамитским посвящением на камне АБР.

Отголосок культа этого камня можно найти в видеении библейского патриарха Иакова, который, устраиваясь на ночлег вблизи города Луз, «взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте» (Быт. 28: 11). Во сне Иаков увидел лестницу, идущую от земли до неба, по которой «ангелы Божии восходят и нисходят», а наверху стоит Яхве, обещающий патриарху: «И благословятся в тебе и семени твоем все племена земные» (Быт. 28: 14). Проснувшись, Иаков дал этому месту имя ВЕФИЛЬ, БЭЙТ-ЭЛЬ (ивр. «дом Божий»); точно так же он назвал камень, на котором спал, причем «поставил его памятником, и возлил елей на верх его» (Быт. 28: 18). Корень БЭЙТ (ивр. «семья», «династия», «основа», «авторитетный источник») придает смысл «священного» тем словам, в состав которых входит: БЭТЭЛИ – «священные камни», БЭЙТ-ИСРАЭЛЬ – «святой народ Израиля», БЭЙТ-КНЕССЕТ – «синагога».

Упомянутые в Библии камни УРИМ и ТУММИМ, которые священники носили на груди, каким-то образом связывались со «скрижалями завета»; существует теория, что эти камни первоначально хранились в Ковчеге Завета (тоже каменном). Мы можем предположить, что Ковчег служил одновременно символом Адамова камня и Небесного престола, на котором восседает Всевышний АН. В христианской Церкви эта символика переносится на Престол в алтаре каждого храма и любой «горницы», где участники таинства Евхаристии – причащения к Телу и Крови Христа – «горе имеют сердца».

На особую, священную роль камня АБР, возможно, намекают и слова Иоанна Крестителя: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3: 9). Апостол Петр называет «камнем живым» не только Иисуса Христа, но и его учеников, усыновленных Ему при крещении (1 Петр. 2: 4-5). Свое прозвище «камень» (греч. ПЕТРА) апостол получил от самого Иисуса, относя

к Нему слова пророка Исаи о грядущем Мессии: «... так говорит Господь Бог: вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится» (Ис. 28: 16). В Откровении Иоанна Богослова приводится обещание Господа: «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень (вспомним абхазский АБРЛАШ!) и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2:17). Все это хорошо согласуется с нашей гипотезой о первичном адамитском таинстве камня – той колыбели, из которой восставал пробужденный (одухотворенный) «новый человек».

Э. Волкова. Культ священных камней существовал у многих народов. Возможно, библейская идея о «помазании» на царство связана с архаическим обычаем натирать священные камни елеем (душистым маслом). Царские троны и «престолы могущества» богов первоначально ассоциировались с такими камнями (например, в древнеисландском эпосе «старшая Эдда»).

Согласно еврейским преданиям, царю Соломуну от предков достался обломок священного камня, который он оправил в серебро, начертав на нем знак мудрости; сила камня помогла царю пленить демона Асмодея. Средневековые алхимики возводили к этому амулету Соломона идею «философского камня», способного превращать простые металлы в золото и даровать человеку здоровье, радость, добродетели – и даже бессмертие. Широко известен культ каменной чаши ГРААЛЯ (слово, означающее на старофранцузском языке одновременно «сосуд» и «надпись»); согласно кельтским легендам, эту чашу, испещренную таинственными письменами, настойчиво искали средневековые рыцари.

Подобные представления существовали не только в Европе: персидскому царю Джамшиду принадлежала

«Чаша всеведения», которая позволяла ему знать обо всем, что происходит в мире; индийский принц ГАУТАМА БУДДА отказался от собственной золотой чаши и обрел вместо нее чашу каменную, которая чудесным образом возникла путем слияния четырех чащ – со всех сторон света.

Теофраст сообщает, что древние греки при встрече с гладким камнем необычной формы поливали его маслом и совершали возле него молитвы богам. В Дельфах, возле храма Аполлона, лежал камень, который смазывали маслом ежедневно, ожидая знамения свыше – появления двух выпущенных Зевсом орлов, слившихся в одного двуглавого. В Афинах хранится камень, на котором девять правителей города (архонтов) приносили присягу.

У древних ариев во время обряда бракосочетания жених давал клятву верности, семь раз ставя правую ногу невесты на камень-жернов.

В русских былинах важное место занимает АЛАТЫРЬ – «бел-горюч камень, всем камням отец». У былинных богатырей седла коней «обсажены драгоценным каменьем», что позволяет им угадывать путь в темноте и в непогоду. Герою тибетских и сибирских сказаний ГЭСЭР-ХАНУ, спустившемуся с гор (или с неба), сияющий камень тоже освещал дорогу, когда он отправлялся бороться с демонами и чудовищами.

В Белоруссии почитались гранитные глыбы с отпечатками человеческой ступни (так называемые «следовники»); один такой огромный камень до сих пор лежит в центре Минска, на берегу р. Свислочь.

И. Хварцкия. Самые яркие свидетельства о древнем культе священного камня, «рождающего» человека, мы находим в нартском эпосе, который складывался в доисторическую (предпотопную) эпоху. В нем отражены какие-то реальные события, в которых участвовали абхазы, адиги, кабардинцы, карачаевцы, бал-

карцы, чеченцы, ингуши и осетины; каждый из этих народов оспаривает честь создания исходного варианта данного эпоса.

Само понятие НАРТ, смысл которого до сих пор вызывает споры исследователей, мы истолковали из абхазского слова АНАРТ – «принадлежащий к Божьему войску». Это выражает самую суть предания о нартах как о самой первой в истории человечества воинской дружине, ставшей прообразом рыцарского ордена. Их главными противниками и были «великаны», упомянутые в нартском эпосе всех народов. Если забыть о легендарных преувеличениях, речь шла о воинственных мужчинах высокого роста и большой физической силы, которые похищали людей и скот у соседних кавказских племен. Нарты состояли в самых тесных связях (иногда родственных) с божественным пастухом диких животных по имени АЖВЕЙПШ; в абхазских сказаниях упомянут архаический обычай – отпускать в лес (в дар Ажвейпшу) одну сотню из каждой тысячи выращенных овец и коз.

Герой нартского эпоса САСРЫКВА (в абхазском варианте этого имени) был зачат от удара о камень мужского семени некоего пастуха – «дряхлого старца». Мы предполагаем, что за этим образом скрывается сифитский патриарх ЕНОХ – уже «переселенный» и ставший безымянным странником. По легенде, семя чудесного старца «как огненное облако» перелетело через реку (в некоторых версиях – через Кубань), в которой купалась красавица по имени САТАНЕЙ-ГУАЩА. Она и стала приемной матерью Сасрыквы, а рождению героя из камня содействовал мифический кузнец (АЙНАР-ИЖЬИ – у абхазов, ТЛЕПШ – у адыгов, КУРДАЛАГОН – у осетин), который выковал Сасрыкву у себя на коленях – вместо камня АБР. Абхазские сказители рассказывают: «Голос Сасрыквы был таким громким, что задрожали все скалы; камни величиной с дом скатились вниз в ту сторону, откуда примчались дьяво-

лы». Уязвимость незакаленной ноги Сасрыквы (представление об «Ахиллесовой пяте» многих мифологических героев) – отголосок древнейшего предания, отраженного в словах Всевышнего библейскому Змею: «ты будешь жалить его (потомка Евы) в пяту» (Быт. 3: 15). Важная деталь: Сасрыква женится на дочери АЕР-ГА, мизинец которой излучает свет.

И. Хварцкия. Многие исследователи предполагают первичность абхазской версии нартского эпоса, так как в ней ярче всего проявляются следы «матриархата»: большую семью нартов (из 100 братьев и сестры ГУНДЫ) возглавляет незамужняя САТАНЕЙ-ГУАЩА, авторитет которой непререкаем. В осетинской же версии проявляются черты более поздней военной демократии: нарты входят в одну боевую дружину, все важные решения принимает мужской совет (без участия матери). Имя САТАНЕЙ неизменно сопровождается титулом ГУАЩА, ГУАЩЭ (адыг. «хозяйка», «княгиня»). По мнению Ш. Х. Салакая, слово «сатаней» не поддается расшифровке на основе современных языков абхазо-адыгской группы. Мы предлагаем истолковать имя «княгини нартов» на основе адамитских компонентов (СА – «свет, энергия»; Т – отголосок АТАРА, «давать», АНЕЙ – «Божий мир»); в результате получаем: САТАНЕЙ – «Распределительница тварных энергий Бога АН». Это имя символизирует женский, материнский аспект тварного мира, тогда как АДУНЕЙ (абх. «космос», «вселенная») – его мужской, отеческий аспект.

Связь САТАНЕЙ-ГУАЩА с матерью-землей подчеркивается тем, что легенды приписывают ей огромную физическую силу: она легко вырывает с корнем большое дерево (бук), сдвигает целую скалу, а «начав ткать с великой силой», заставляет дрожать небо и землю. В одном из сказаний ее образ вырастает до космических масштабов: Сатаней поднялась на небо и оказалась на пути солнца; чтобы не столкнуться, они оба (на рав-

ных!) по дуге обогнули друг друга и потом продолжили движение; Сатаней добралась до Поляны богов, о чем-то поговорила с Создателем и вернулась на землю; на прощанье Бог подарил ей маленькое солнце и осыпал волосы двенадцатью звездами.

Л. Регельсон. Сходство имен САТАНЕЙ и САТАН (скорее всего случайное созвучие) вызывает тревогу у некоторых христиан. Однако мать нартов – как распределительница тварных энергий – может быть поставлена в параллель с самой Богородицей, которая, согласно св. Григорию Паламе, после Успения и вознесения на небо выполняла именно эту миссию. А легендарные признаки космической моци Сатаней уподобляют ее образ апокалиптической «жене, облеченнной в солнце», о которой Иоанн Богослов говорит: «Под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12: 1).

Сын Сатаней-Гуаша САСРЫКВА – «сын светоносного удара» (жреческим посохом АСРА) добывает для нартов огонь, сбивает с неба звезду, чтобы обогреть братьев. Его осетинский аналог СОСЛАН приносит людям семена проса, захваченные хтоническими чудовищами, герои других кавказских народов доставляют нартам из подземного мира плуг, водяную мельницу, фруктовые деревья. Все это говорит о более поздних земледельческих вариациях на тему абхазского эпоса, сложенного охотниками и пастухами (где нарты понимают язык птиц и животных). В народных преданиях абхазов гибнет только главный герой Сасрыква, тогда как в других версиях – все нарты (в наказание за грехи или предпочтя посмертную вечную славу земному бесславному существованию).

И. Хварцкия. Особняком от нартского эпоса в абхазских сказаниях появляется образ героя-богоборца АБРСКИЛА, который отражает ситуацию более позд-

ней, земледельческой эпохи. Само его имя может быть расшифровано двумя способами: «Тот, кто имеет долю священного камня АБР», либо «Тот, кто имеет силу мечом рассечь камень АБР». Первый вариант толкования оправдан тем, что по легенде Абрскил родился от непорочной девы и стал непобедимым защитником народа; к тому же он уничтожал препятствующие земледелию папоротники, колючки, дикую виноградную лозу. Второй вариант имени опирается на другой эпизод той же легенды, в котором Абрскил в досаде разрубил мечом большой камень, – возможно, именно священный АБР.

Абхазское сказание повествует о том, что Абрскил вступил в состязание с самим Всевышним АНЦВОЙ (как с богом грозы): поднявшись в небо на своем крылатом коне, он начал сбрасывать огромные валуны из кожаных мешков, привязанных к седлу, а также рассекать мечом облака, вызывая гром и молнии. Разгневанный АНЦВА велел поймать Абрскила и приковать его вместе с конем к железному столбу в глубокой пещере (абхазы даже указывают ее «точный адрес»: это Чилоуская пещера в Очамчырском районе). Могучий Абрскил вновь и вновь пытается расшатать и вырвать столб (чем объясняются землетрясения), но когда герой оказывается близок к освобождению, на столб садится птичка-трясогузка; Абрскил замахивается на нее и ударом молота сам загоняет столб в землю вдвое глубже прежнего. По некоторым поздним версиям сказания, Абрскилу в конечном итоге удается освободиться, но на воле он слепнет от дневного света и удаляется в горы.

Э. Волкова. Этот герой вошел в мифологию многих народов под разными именами. Например, в вайнахском варианте нартского эпоса ПХАРМАТ на богатырском коне достигает вершины горы Казбек и похищает головешку из очага бога грозы и молний; грузинский герой АМИРАНИ (АМРАН) похищает у бога-

громовержца небесную деву КАМАР, олицетворяющую небесный огонь.

Но самый известный богоореша – греческий ПРОМЕТЕЙ, который стал апофеозом кайнитской (и советской) идеологии. Коммунистическая пропаганда нередко называла Каина «первым революционером», а Прометея – образцом гордого бунтаря против высшей власти, каким и должен быть героический спаситель человечества. Вероятно, греки заимствовали этот образ из древних кавказских мифов, сделав его достоянием мировой культуры.

Герой трагедии Эсхила «Прометей» увидел, что человек «беспомощен, наг, не обут, без ложа и без оружия». Чтобы помочь ему, Прометей крадет у бога огня и кузнецкого дела ГЕФЕСТА его искусство, а у богини АФИНЫ – искусство шитья одежд; герой наделяет разумом жалких людей, живших в пещерах как муравьи, учит их строить дома, корабли, читать и писать, считать различать времена года. Автор вкладывает в уста Прометея такие слова:

Я всесожженьям смертных научил
И знаменьям глубоким, сокровенным,
Являемым в пылающем огне.

Л. Регельсон. Все эти претензии Прометея – явное проявление кайнитского самозванства, так как библейская традиция определенно считает учителем человечества сифитского патриарха ЕНОХА.

Имя Абрскила получает новый, более глубокий смысл при истолковании его на базе чанского языка, изученного Н. Я. Марром: там оно звучит как БЕРСКИЛ, что значит «сын неба». Такая этимология позволяет предположить, что Абрскил, подобно библейским исполнам (и великакам, поработленным ацанами), был зачат с участием одного из ангелов, изменивших своему

служению. Напомним: они появились на земле «с того времени, как сыны Божии (ангелы) стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им» (Быт. 6: 4). Существует абхазское сказание о том, что мать Абр斯基ла во сне попадает в «неземной сад», где ее посещает некто в белом одеянии, окруженный сиянием радуги. В другом варианте зачатие Абр斯基ла прямо приписывается демону (духу зла), похитившему у Бога часть семян, оплодотворявших землю. Во всяком случае, «девушка вдруг сделалась беременною», и родители признали в этом сверхъестественное вмешательство.

Христианские богословы могли бы сказать по этому поводу, что мать Абр斯基ла не проявила «духовного трезвения» и «впала в прельщение» (от слова «лесть», т. е. «ложь»). Невольно напрашивается сравнение этой истории с тем, как повела себя дева Мария, когда архангел Гавриил возвестил ей «благую весть», что она станет матерью Спасителя. Согласно церковному преданию, Мария в сомнении спросила архангела: «Не хочешь ли ты соблазнить меня, как змий Еву?». Марию убеждает только свидетельство архангела о вмешательстве в Ее судьбу Святой Троицы: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всеышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк. 1: 35).

В отличие от Сына Божьего Иисуса, Абрскил проникся самомнением, утверждая: «Творец – товарищ мой, а не повелитель!». В абхазских легендах говорится, что слава этого непобедимого богатыря «грремела по всему миру», сказители восхваляли силу и ловкость Абр斯基ла. Прямая параллель этой хвалы – оценка исполинов в Библии: «Это сильные, издревле славные люди» (Быт. 6: 4). По сути, Абрскил стал прообразом того участника событий «последних времен», которого апостол Павел называет так: это «человек греха, сын погибели, противившийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею» (2 Фес. 2: 3-4).

И. Хварцкия. Действительно, Абрскил, по легенде, рубит виноградную лозу, мешающую ему двигаться с гордо поднятой головой; он использует священный жезл АЛАБАШЬЯ для того, чтобы поражать всех поклоняющихся Богу. Но одновременно он же сражается с племенем рыжеволосых и сероглазых людей, отмеченных веснушками (имена КАИН, АЦАНозвучны слову АКАН – абх. «веснушки»). Сохранилось народное суеверие, что рыжеволосые способны «сглазить», навести порчу, что может быть отголоском предания о вредоносной кузнечной магии кайнитов-ацанов. Отметим и такую знаменательную параллель: по легенде, Всевышний АНЦВА запретил Абрскилу истреблять рыжеволосых людей, – а в Библии Бог запретил людям мстить Каину и его потомку – убийце Ламеху.

Абхазы относятся к своему легендарному герою Абрскилу двойственno: он заслужил их горячую любовь как защитник родной земли, но одновременно принято сожалеть о его непомерной гордыне, молиться о возращении непокорного сына к Отцу – Всевышнему.

Л. Регельсон. Итак, наша гипотеза состоит в том, что нартский эпос (как и легенда о Абрскиле) изначально сформировался на земле нынешней Абхазии и на Северном Кавказе, примерно в 4300-3300 гг. до н. э. – в эпоху перед «всемирным потопом». Чтобы разобраться в некоторых особенностях ситуации, сложившейся в это время, нам снова придется использовать метод интерпретации библейских текстов на основеprotoабхазского языка.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕФОРМЫ

Казалось бы, решающая роль в преодолении духовного кризиса эпохи принадлежит религии, но, к сожалению, дело обстоит не так просто: практически все высокоразвитые традиционные религии также охвачены кризисом. Новые секты, растущие как грибы и полные бодрого оптимизма, как правило, возвращают человеческую душу к более примитивным формам организации – всегда находится множество людей, у которых бегство от трудностей личного становления вызывает прилив энтузиазма. В духовной жизни, как и в материальной, пути назад не бывает – реакционные утопии могут привести не к выходу из 1 физиса, но лишь к окончательной катастрофе. Впрочем, как показал опыт реального коммунизма, прогрессистская утопия ведет туда же. Всякая утопия есть попытка уйти от реальности, путем построения фантастического внутреннего мира и тоталитарного внешнего мира: действительной творческой силы утопия не имеет – даже если она окрашена в религиозные тона.

Традиционное христианство на пороге новой эпохи оказывается глубоко расколотым. Главные различия между конфессиями лежат не в сфере догматических или даже культурных различий. Решающее различие в действительности лежит в сфере взаимоотношений церкви с государством и обществом. Прежде всего речь идет о роли пастырского или духовного сосло-

вия в общественной и внутрицерковной жизни. Если католицизм провозглашает абсолютный приоритет священства, то в православии нормой (редко, впрочем, достигаемой) является соглашение, равновесие между церковной и государственной властью; в протестантизме же государство полностью доминирует. Чем выше роль государства, тем соответственно больше автономии по отношению к духовенству имеют рядовые верующие, миряне. В конфессиональных противоречиях, таким образом, на передний план выступает древний конфликт и в то же время общественно необходимое сотрудничество высших сословий – духовенства и политической элиты, их влияние и авторитет в народных мас- сах. Вероучительные различия, возникшие в процессе конфессиональных размежеваний, главным образом, служили обоснованию той или иной роли священства.

Так, лютерансское учение об оправдании только верой или кальвинистский догмат предопределения имели своей целью и результатом резкое ослабление власти и влияния духовенства. Объединяющая роль католицизма в средневековой Европе привела к учению о власти Папы над королями, к разделению церкви на учащую и учащуюся, в конечном счете – к догмату о папской непогрешимости в вопросах веры. Оборонительная позиция православного духовенства по отношению к императорской, царской, вообще государственной власти – выдвинуло на первый план учение о Церкви как хранительнице догматического и литургического предания. Но при всех противоречиях христианские конфессии сохраняют общий фундамент: Св. Писание и основные достижения христианской мысли святоотеческой эпохи. И всему христианству как целому брошен один и тот же исторический вызов.

Кризис религии – прежде всего христианства – на пороге Нового времени – сопровождался настоящей духовной революцией: вторжением идей возрожденческого гуманизма и впечатляющими успехами научного мировоззрения. Человек в эпоху Возрождения впервые выступил как суверенная личность, как подлинный хозяин своего внутреннего мира и творческий деятель в мире внешнем. Прорыв к более высокому статусу человеческого существования сказался, к несчастью, проникнутым антikлерикальным и даже богооборческим духом: этот конфликт до сих пор не разрешен. Между тем возросшие требования человеческой личности, вошедшей в новый, более зрелый возраст, были сначала заявлены внутри самой церкви – но оказались в итоге ею отвергнуты. В католицизме все решилось уже в первой половине XV века. Это была эпоха духовных движений, связанных с расцветом ордена францисканцев; с таким необычным явлением, как Жанна д'Арк, с ее всемирным духовным кругозором; с выдающейся группой мистиков и теологов во главе с великим Жерсоном – проповедником христианских начал гуманизма и соборности; с реформаторскими соборами – Пизанским, Констанцким и Базельским, которые выводили Западную церковь на качественно более высокий (но и более сложный) уровень самоорганизации и реально сближали ее с церковью Восточной.

Но весь этот великий духовный порыв был задушен силами охранительной антиреформаторской инерции: Западная церковь ограничила себя простейшими пастырскими и политическими задачами – благодаря этому она осталась наиболее массовой, но ее внутреннее развитие было надолго приостановлено или приобрело лишь декоративный характер. Верховная власть, смысл которой заключается не только в задаче воспитания масс, но и в ограждении соборно-иерархического строя от агрессии стороны тех же масс,

в удержании конфликтующих элементов в рамках одного организма – на этот раз необходимой широты и гибкости не проявила. Прямыми следствием этой победы дисциплинарного начала над творческим были: гуманистический антицерковный бунт и протестантская Реформация. Новому человеку в Католической церкви места не нашлось – и он покинул ее. Она же, сохранив свою видимую прочность и внешнюю мощь (угашение духа ради этого и совершалось), внезапно оказалась на обочине исторического процесса.

Духовная катастрофа аналогичного типа – и по тем же причинам – постигла и Восточное православие, которое после крушения Константинополя в 1453 году сосредоточилось прежде всего в Русской Церкви. Рождение нового типа человеческой личности произошло в поздней Византии – компактном осколке прежней Империи, восстановленном после нашествия крестоносцев, и было связано с предыдущим многовековым монашеским опытом «синергизма»: совместного действия Бога и человека. В период, ознаменованный сотрудничеством таких великих деятелей, как патриарх Филофей Коккин, император Иоанн Кантакузин и богослов Григория Палама, этот опыт стал внедряться в повседневную социальную жизнь. Здесь начало реально воплощаться в жизнь библейское учение о человеке как образе Бога-Творца: уподобление Богу было пережито, а затем и понято как сложный процесс не только исправления, но и возрастания человека – в единстве его сложного внутреннего мира и многогранного творчества в мире внешнем.

Этот, по выражению П.Флоренского, «тип возрастания» был не только перенесен, но обрел новое качество на Руси – в лице преподобного Сергия и воспитанной им национальной духовной элиты. Все лучшее, что сохранилось в символической памяти Российской

Церкви и русского народа, сложилось именно в этот период. Духовное течение «нестяжателей», восходящее к Сергию, было разгромлено в начале XVI века: как веком раньше в католицизме, и здесь победило направление близоруко-прагматическое, упрощенческое, дисциплинарное. Достоевский говорил, что «Русская церковь в параличе с Петра Великого»; но дело обстоит еще хуже: Русская Церковь в параличе с разгрома нестяжателей. Последствиями самоубийственной победы были: беспомощная растерянность или слепое озлобление при встрече с европейским (уже антицерковным) гуманизмом; старообрядческий раскол; интеллектуальная слабость и зависимость церковной школы от вульгаризированной католической схоластики.

Попытки преодолеть кризис – самоотверженные, но запоздалые и недостаточные, начались в XIX веке с Паисия Величковского и Оптиной Пустыни, с Филарета Московского и Феофана Затворника, и это снова встретило яростное сопротивление: воинствующий примитивизм уже превратился в прочную традицию, которую даже стали выдавать чуть ли не за специфику русского национального характера. Разум и воля были изгнаны из церкви – только сердце осталось областью живой, искренней веры. Неудивительно, что русская церковь стала церковью женщин (как, в значительной мере, и католическая). Разумному, мужественному,циальному духу никакого жизненного руководства она дать не может: скорее помешает ему своим упорным недоверием к самостоятельности мышления и личной инициативе.

Этим объясняется тот несомненный факт, что лидерство в современном мире принадлежит протестантам и атеистам, тогда как католикам или православным, активно участвующим в жизни мира, приходится соглашаться на своего рода хроническое «расщепление

ние личности». Прибегая к своей церкви для сердечного отдыха и утешения, они в своей сознательной религиозности невольно становятся теми же протестантами, а в практической деятельности – атеистами. Огромные преимущества протестантов: стремление к личному, без посредников, предстоянию перед Всешим; обязанность самостоятельного толкования Писания; бесконечное разнообразие практически автономных общин; возможность выбора наиболее близкой себе по духу протестантской конфессии, которые насчитываются сотнями; постоянное упражнение ума в миссионерской и межобщинной полемике; наконец, всегда открытая возможность основать новую конфессию при возникновении новой духовной и социальной ситуации или появлении сильного лидера.

Но столь же очевидна слабость протестантизма: отсутствие непрерывной и глубокой традиции делает невозможным длительное накопление духовных ценностей и решение всемирно-исторических задач, требующих многовековых целенаправленных усилий. Главные из потерянных протестантами ценностей: святоотеческое богословское наследие, достижения монашеского «внутреннего делания» и соборный литургический опыт. Хорошо известно, что традиция не может быть передана лишь через текст, помимо прямой преемственности. Это связано с тем, что большая часть человеческого знания носит неявный, неформализуемый характер и может быть передана только через непосредственный и глубокий личный контакт. Такая совокупность неявного знания и образует то, что называют живой традицией. Если нить традиции полностью прервалась, то она уже не может быть восстановлена. Поэтому протестантский интеллектуализм часто производит впечатление блестящего и острумного, но формального и неглубокого умствования.

Создается впечатление, что ресурсы протестантизма в современном мире близки к исчерпанию. Бесконечные перетолкования одних и тех же текстов, постоянная демонстрация вымученных и неискренних эмоций, интенсивные мистические переживания, смысл и ценность которых остаются неясными – все это уже не соответствует современным требованиям широты и универсальности сознания в сочетании с интеллектуальной, психологической и фактической достоверностью.

Сформулировав эти требования, мы вступаем в ту область человеческого духа, которую обычно связывают с научным мировоззрением. Раскол между научным и богословским мышлением проходит через самое сердце нашей цивилизации и представляет собой труднейший творческий вызов в человеческой истории. Эти два типа мышления резко отличаются как содержанием, так и методом. Ученый мыслит о мире как о бесконечно сложном объекте; богослов мыслит о Личности, причем бесконечно его превосходящей. Результат научного исследования полностью зависит от усилий и способностей ученого; результат богословского творчества зависит прежде всего от Самого Бога. Ученый не спрашивает у своего объекта, хочет ли он быть познанным; в познании Бога это основной вопрос. С точки зрения богословия наука занимается вещами, не имеющими для человека решающего значения; с точки зрения науки богословское знание лишено всякой достоверности.

Главное возражение против религии: если Бог есть, то почему Он так последовательно и неуклонно скрывает Себя от всякого объективного и систематического наблюдения? В какой-то мере (хотя это лишь одна сторона дела) мы уже ответили на этот вопрос: очевидно, Всевышний не хочет, чтобы Его воспринимали как объект, хотя бы и самый высший среди других объектов.

тов. Если бы его существование можно было доказать, то на сегодняшнем уровне нашего развития это угрожало бы всеобщим идолопоклонством, т.е. отказом от собственной ответственности за самих себя и за окружающий мир. Поэтому богословскому знанию обязательно предшествует вера как свободное согласие на бытие Бога, как готовность вступить с Ним в личное общение, в духовный диалог. Инициатива общения может исходить от любой из сторон, но согласие на общение должно быть взаимным. Непосредственное познание Бога возможно только через Его откровение о Себе Самом, причем каждое «прикосновение» Всевышнего глубоко воздействует на воспринимающего человека. Чередование самооткровения Бога с Его самосокрытием есть главный метод Божественной педагогики, воспитывающей человека как самостоятельную личность.

Еврейский теолог Франц Розенцвейг (нач. XX в.) энергично усиливает этот тезис, утверждая, что Всевышний не только скрывает Себя, но создает ситуации, доказывающие невозможность Его существования: «Чтобы различить между свободными и рабскими душами, недостаточно скрыть от них Его действия в мире. Ибо всегда найдутся осторожные, которые на «всякий случай» будут придерживаться того, что им не только не повредит, но и – с весьма большой вероятностью – может оказаться полезным. Однако Бог, желающий отдельить зерно от плевел, должен не только не помогать, но и по-настоящему мешать. Иначе невозможно: Он должен испытывать людей. Недостаточно просто скрыть Его пути от человека: надо воистину вводить его в заблуждение. Всевышний должен воздвигать перед человеком препятствия и даже скрыть от него возможность увидеть Свои деяния – чтобы человек мог верить в Него и полагаться на Него по-настоящему, то есть исходя из своей свободы» (Таргум. М. 1990, вып. I, стр.37),

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ И АБХАЗИЯ

В дореволюционном издании «История города Москвы», ее автор И. Зебелин в числе нескольких людей, живших в том месте, где выросла Москва, указывает на некоего Сару (с. 29). Автор опираясь на сочинения 15 века «Краткое описание о начале Словенского народа» («Синопсис» Иннокентия Гизель), рассказывает о князе Данило Ивановиче, который пришел в московские земли из Великого Новгорода в лето 1206 года. Согласно приведенной истории, вначале князь построил град и церковь в Суздале во имя Святого Георгия. Град он построил для своего сына Георгия. Далее, князь Данило Иванович вместе с приехавшим к нему в гости греком Василием, «щадра и знающа зело и ведающа чему и впредь должно быти», пошел изыскивать место, «где ему создати град престольный к Великому Княжению своему». К тому времени, когда он заложил сей град, у него родились два сына – Алексей и Петр. Князь решил построить другой град и для своих сыновей. Но, в том месте, где он решил воздвигнуть град, стояла хижина некоего римлянина по имени Подон, который не посоветовал князю построить здесь град по причине того, что «здесь созиждут Храм Божий и пребудут архиереи Бога Вышняго служители». Эти слова святого человека глубоко взволновали князя и он, «в седьмое лето на горах Подонских заложи церковь Всемилостивого Спаса и устрои ее светолепну. Он же князь великий Данило Иванович вельмя любя сына

Алексея Даниловича, во имя его созда град к Северу и нарече имя ему Алексин и тама обрете в острове мужа именем Сара из страны Иверская свята и благоговейна зело и на его хижине заложи град Алексин. И по девятом лете приде из Грек Епископ Варлам к князю Данилу Ивановичу и многия чудотворные мощи с со-бою принесе; и князь Данило Иванович принял его с великою честию и любовию повеле ему освятити храм на горах Подонских и да ему область Крутицкую и на-рекома его Владыкою Сарским и Подонским: тако на-рекоша Крутицы» (с. 29).

Из этого текста явствует, что Сара (заметим, на абхазском языке это слово означает «я» или «я здесь», «я есмь» : СА-АРА, а Иверией в эпоху Абхазского царства называли нередко весь Кавказ, точнее, территорию Абхазии и Грузии) почитался как святой. Доказательством тому, что это имя не вымышлено, является тот факт, что вплоть до 18 века Митрополиты Крутицкие и Коломенские именовались Епископами Сарскими и Подонскими.

Но, если предположить, что место Саров, по зву-чанию и смыслу обнаруживающее несомненное сходство с именем древнего святого Сары Иверского, связан с тем местом, которое спустя столетия прославил Свя-той Серафим, окажется, что святые места России и Аб-хазии мистически скреплены издревле и неразрывно.

ВРАЩАЮЩИЙСЯ ОГОНЬ

В связи с образом АНЫХИ рассмотрим таинственное видение Иезекииля, в котором предсказывается событие исключительной важности в священной истории, уход ШЕКИНЫ (Славы Божией) из Иерусалимского храма для окончательного вселения в другой храм на новой святой земле. Но перед этим пророк видит, как Слава на короткое время возвращается в Иерусалим: «И я видел; и вот бурный ветер шел от севера, великое облачко и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня» (Иез 1:5).

М. Скабалланович («Толковая Библия» стр. 195 и далее) вслед за другими эзегетами отмечает необычность того обстоятельства, что ветер шел «с севера»; в других видениях Господь и Его Слава обычно приходят «с юга» (Втор. 33:2; Авв. 3:3), где находится гора Синай. Учитывая, что это видение Иезекииля имело место на реке ХОВАР в Месопотамии, многие толкователи в качестве «севера» считают возможным понимать КАВКАЗ (стр. 200). В конце же книги Иезекииля, где показано вселение Славы Божией в новый храм на новой святой земле, ШЕКИНА идет уже не с севера и не с юга, но «с востока» (Иез. 43:2-4).

В приведенном тексте выражение «клубящийся огонь» — перевод ЭШ МИТЛАКАХАТ; это сочетание встречается, кроме Иезекииля, в описании огня, который вместе с «градом» разливался по земле Египет-

ской» во время 7-й казни (Исх. 9:24). Септуагинта переводит МИТЛАКАХАТ – как греч. ΞΚΑСΤΡΟΤΙΘΩΝ, exastropton: из молний (греч. ΑΣΤΡΑΠΕ, astrape: молния; ЭКС. ex: из), т. е. в целом: «огонь из молний», но для обозначения молнии есть слово БАРАК, которое много-кратно повторяется в Библии. Евр. МИТЛАКАХАТ – взаимновозвратная форма от глагола ЛАКАХ: брать; русский перевод вслед за латинской Вульгатой понимает эту форму как, «огонь клубящийся, завивающийся, свертывающийся», по аналогии с русским «братьсяя», в смысле «цепляться друг за друга», «составлять круг».

ЭШ МИТЛАХАКАТ Иезекииля сопоставим с абх. АНЫХА АЦПХЬ АЦРЫДДЫ: явление Аныхи – поток, ореол, сияние, из которого стремительно и с шумом разлетаются искры; свидетели четко отличают эти явления от обычной шаровой молнии, также хорошо им известной.

В приведенном тексте Иезекииля выявляются и другие важные подробности. Так, евр. ГЕН ХАШМАЛ переведено как «свет пламени»; однако, по утверждению М. Скабаллановича, в еврейском нет корня, близкого к ХАШМАЛ, так что это слово является вполне загадочным. Абх. параллели ХАШ: свет, камень, но также, «сотканный»; абх. АЛА глаз, поэтому ХАШМАЛ м. б. понято как «глаз белого камня» – в таком смысле это выражение употребил жрец АНЫХИ ДЫДРЫПШ Чичба в своем рассказе о небесном видении. Слово это во всей Библии встречается только у Иезекииля; оно повторяется у него в чрезвычайно важном месте – в описании Небесного, Божественного Человека: «Над подобием престола было как бы, подобие человека вверху на нем. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг: от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него» (Иез. 1: 26–27). Это видение Бога в виде Че-

ловека, царя на престоле, пронизывает все Священное Писание: впервые его вводит пророк Михей (3 Цар. 22: 19–22), затем Исаия (Ис 6:1–6), после Иезекииля оно более подробно повторяется у Даниила (Дан. 7; 9–10, 13–14) и, наконец, многократно воспроизводится в образе «Сидящего па престоле» в Откровении Иоанна.

В тексте Иезекииля «как бы пылающий металл» – приблизительный перевод выражения «как бы вид ХАШМАЛА»; «как бы вид огня внутри его вокруг»; буквально следовало бы перевести как: «внутри ХАШМАЛА виден был круговой огонь». Выражение «круговой огонь» понятно каждому абхазу – это снова АНЫХА. Но что такое все-таки ХАШМАЛ? М. Скабалланович указывает на егип. АШМЕР или АШМАЛ, а также на ас-сирий. ЕШМАРУ, означающее какую-то редкую драгоценность, характер которой, однако, остается неясным: скорее всего, речь идет о каком-то камне. Раввины даже пытались толковать ХАШМАЛ путем обратного прочтения как ЛАМШИАХ, т. е. МАШИАХ. Мессия.

«Мы можем предложить адамитскую реконструкцию АН-ХА-АШ-М-АЛ, где АН – Бог; ХА – камень; АШ – огонь; АЛ – глаз; М – имеющий; в целом: «Божий камень с огненным глазом». Выражение «глаз огня» может показаться странным, по у Иезекииля в данном тексте ГЕН ХАШМАЛ буквально означает: «Глаз ХАШМАЛА» Евр. ГАИН глаз – употребляется также в значении небольшой поверхности, блестящей точки: так, может быть ГЕН драгоценного камня – ГЕН ТАР-ШИШ, глаз топаза (Иез. 1. 16); ГЕН струпьев проказы (Лев. 13:2); ГЕН искрящегося в чаше вина (Притч. 23:31). Параллель таинственному слову ХАШМАЛ мы можем усмотреть в не менее таинственном назывании «камня ШЕХАМ», употребленном в описании Эдема и переведенном как «камень ОНИКС» (Быт. 1:13). Если это так, то понятие АНЫХИ как-то свя-

зывается с понятием священного эдемского камня. В новозаветном апокалиптическом контексте явление Иисуса в «пламенеющем огне» описывает ап. Павел (2 Фес. 1:8); возможно, вслед за Иезекиилом апостол подразумевал здесь тот же ГЕН ХАШМАЛ.

АНИ-ХУ: Я ЕСМЬ (Ани – Я; ху – Есмь (евр.)). Именно так называет себя Иисус: «Прежде чем был Авраам, Я ЕСМЬ (АНИ-ХУ)» (Ин. 8:58).

Во время суда, на вопрос Каиафы «Ты ли, Христос, сын Благословенного? – Иисус сказал: Я (АНИ-ХУ)».

В год один раз в праздник Кущей произносилось тайное имя Бога – АНИ -ХУ («Земля Адама» стр. 75)».

О ГРЯДУЩЕЙ АПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ

*Разговор после утихшей бури – на Иверской горе,
в ограде часовни, невдалеке от трехствольной сакральной церкви*

Л. Регельсон. Конечно, нам не дано знать о божественных планах на будущее. И все же крайне важно подготовиться к испытаниям апокалиптической эпохи, которые поставят человека перед вызовом нечеловеческих начал – стихийных сил природы и враждебных духовных сущностей. Главная опора для христианина в этой подготовке – библейские пророчества и «Откровение» Иоанна Богослова, толкование которых имеет длительную традицию. И хотя может показаться, что современной библеистикой уже выверен каждый аргумент и оттенок смысла этих текстов, возможности прочитать их по-новому, сквозь призму событий нашей эпохи, далеко не исчерпаны. Попробуем доказать это.

Э. Волкова. Давайте уточним сначала само понятие «апокалиптическая эпоха», которое считается тождественным более выразительному термину – «последние времена». С точки зрения автора Откровения, эта эпоха уже началась с прихода Иисуса Христа в мир, а закончится Его Вторым пришествием и всеобщим воскресением мертвых, которое уже «при дверях».

В святоотеческую эпоху имперско-церковный синтез был результатом грандиозной реформы как Империи, так и Церкви. Чтобы собрать обильные плоды этого синтеза, нужно было обеспечить относительную устойчивость жизни. Однако это было бы совершенно невозможно, если бы народ со дня на день ожидал на-

ступления царства Божия на земле. Человек ведь не умеет откладывать свои чаяния на далёкое будущее – для него все, что не происходит здесь и теперь, не происходит вообще. Чтобы избежать народных волнений, но не отказаться от буквы пророчества, отцы Церкви нашли мудрое решение: они объявили, что наступившая «симфония» Империи и Церкви – это и есть «тысячелетнее царство», и никакого другого ожидать уже не следует. Именно такое толкование Откровения, выдвинутое бл. Августином и св. Иоанном Златоустом, стало господствующим. Однако в понимании церковно-имперского синтеза акценты расставлялись по-разному: «царство Божие» на западе – это господство Церкви над Империей, на востоке – господство Империи над Церковью. Со временем это разномыслие стало одной из причин разделения христианства на католичество и православие.

Как показывает опыт интерпретации пророчеств, вся картина апокалиптических событий может быть отождествлена с любыми историческими персонажами, эпохами и государствами – в зависимости от идеологии и кругозора каждого интерпретатора. Можно ли как-то избежать произвола при толковании всех этих «зверей, откуда-то выходящих», драконов, ангелов, «чаш гнева», всадников на конях разного цвета и, наконец, пресловутого «антихриста»?

Л. Регельсон. Никто не может дать гарантий, что предлагаемые интерпретации апокалиптических образов верны, но это не может служить основанием для отказа от расшифровки Священного текста. По словам евангелиста Петра, мы должны быть «всегда готовы дать отчет в своем упоминании».

Э. Волкова. Прежде чем отправляться в этот трудный путь, напомним о сложившихся в библеистике подходах к проблеме авторства «Откровения» (при обратном переводе этого слова на греческий мы и

получаем «Апокалипсис»). Наиболее полная сводка сведений по этому вопросу содержится в монографии авторитетного современного критика Ч. Г. Гиблина «Открытая книга пророчества», которая в 1991 году вышла на английском языке, а в 1993-м – на русском (в переводе Ольги Меерсон).

Принято считать, что в дошедшем до нас виде Откровение было создано в период 70 – 100 г. н. э., при римском императоре Домициане, который воспринимался христианами как новое воплощение их гонителя Нерона.

Автор Откровения Иоанн – это странствующий пророк, сосланный за свидетельство об Иисусе на остров Патмос. По мнению большинства комментаторов, Иоанна Патмосского нельзя отождествлять ни с евангелистом Иоанном, ни с автором «Посланий от Иоанна». Согласно о. Павлу Флоренскому, Откровение было получено Иоанном от самого Иисуса Христа, и оно «снимает для читателя завесу с невидимого небесного мира», помогает понять смысл земных событий. В тексте Откровения три фокуса внимания: что было, что есть и что грядет. Римская империя выглядит карикатурой на «всемирное царствие Божие» – эсхатологическую цель истории человечества.

Основные темы Откровения представлены Иоанном Патмосским сериями из семи символических событий (число семь в древности означало полноту и целостность). Мы находим в нем 7 посланий христианским церквям Малой Азии, 7 трубных гласов ангелов, изливающих 7 «чаш гнева Божия». Каждое следующее видение помогает уяснить смысл предыдущего, причем многие из них повторяются – сначала как предвидение, а затем ретроспектива.

У меня вызывает недоумение какая-то странная глухота к прямому указанию Иисуса, который на вопрос апостолов «не в сие ли времена, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» отвечает: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил

в Своей власти» (Деян. 1: 6-7). Между тем, толкователи Откровения вновь и вновь стараются определить «точные даты» будущих ужасов Апокалипсиса.

Л. Регельсон. Прежде всего, библейские пророчества акцентируют внимание вовсе не на ужасах, а на светлом образе мессианского «тысячелетнего царства». Именно таким – радостным и творческим – был апокалиптический настрой преподобного Сергия Радонежского и его учеников, которые ожидали «второго пришествия» Иисуса Христа в 1492 году (в 7000 году «от сотворения мира», а по нашему толкованию – от сотворения Адама). В широко распространявшихся апокрифах того времени (устных и письменных) подробно описывалась праведная и счастливая жизнь в приближающемся царстве Божием на земле. Эти апокрифы воспринимались верующими того времени с полным доверием. Сергий Радонежский, его ученики и сподвижники поощряли и участвовали в созидании храмов, монастырей, городов; церковное искусство того времени проникнуто светлыми, радостными тонами; все это было бы невозможно при ожидании скорого конца земной жизни.

В отличие от тех, кто считает конкретные числа пророчеств лишь символами, я убежден, что к ним можно и нужно относиться с высокой степенью доверия, а проблематичной остается только начальная точка отсчета указанных сроков.

Рассмотрим в этой связи знаменитое библейское пророчество: «С того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седьмин и шестьдесят две седьмины; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена» (Дан. 9: 25-26).

Я предполагаю, что небесные кары грешников, описанные в Откровении, относятся к 49 годам («семи седьминам») после «повеления», а также к следующим 7 годам самой напряженной борьбы между силами до-

бра и зла (Дан. 9: 27). Второе число («62 седьмины» = 434 года) означает длительность царства Христа, которое Иоанн условно именует «тысячелетним» (Откр. 20: 6). Но остается тайной главный вопрос: когда уже состоялось (или еще состоится в будущем) упомянутое в Библии «повеление о восстановлении Иерусалима»?

Одни современные толкователи ведут отсчет от создания государства Израиль в 1948 году, другие – от завоевания Иерусалима в 1966-м, третьи – от законодательного закрепления его аннексии в 1980-м. Именно такая неопределенность, характерная для Божественных откровений, ограждает человеческую свободу от «принудительного» (без вариантов) толкования библейских чисел. По нашему убеждению, апокалиптические часы пока не запущены, и началом отсчета послужит мистически наиболее важное событие: некий правитель, еще не явленный миру, издаст постановление о восстановлении Храма на его прежнем месте – там, где сейчас стоит мечеть Омара. Как сказано у пророка, «храм устроится по-прежнему» (Иер. 30: 18).

И. Хварцкия. Меня всегда раздражало мнение, что вскоре после 2000 года начнутся какие-то важные события, свидетельствующие о начале апокалиптической эпохи. Многие считают признаком этого начала атаку на башни-близнецы и на Пентагон 11 сентября 2001 года, а также последующее вторжение США в Афганистан и Ирак. А сегодня – Сирия и Украина. Более того, среди глубоко религиозных людей есть немало таких, которые уверены в том, что апокалиптические события уже приближаются к своему завершению.

Л. Регельсон. Мы призваны искать духовный смысл всех важных событий, происходящих во всех концах земли, но помнить о том, что «последние времена» – всегда «здесь и сейчас». Еще в XV веке на Руси христиане пережили настоящий духовный надлом,

когда православное Царство (Византия) погибло, а Второе Пришествие так и не состоялось. И все же мировая история обретает смысл, только если мы верим в ее устремленность к царству Божьему на земле. Христианская монархия была его прообразом, хотя и несовершенным; самые значительные духовные и социальные движения последнего тысячелетия прямо или косвенно связаны с чаяниями этого Царства («хилизмом» или «милленаризмом» – от греческого или латинского слова «тысяча»). В католическом богословии XII – XIII вв. милленаризм начал возрождаться в виде учения Иоахима Флорского об эпохе Третьего Завета – как о будущем царстве, возглавляемом монашескими орденами. В XV веке те же идеи вдохновили чешских «таборитов» на грозный массовый мятеж против католической церкви и светских властей. Европейские эмигранты в Северной Америке, с Библией в руках, хотели построить «новую землю под новым небом» (Откр. 21:1). Милленистским пафосом были проникнуты и коммунистические движения Европы; безумная идея большевиков построить «царство божие» без Бога была извращенным проявлением подсознательных хилиастических ожиданий народа; фашисты тоже обещали «тысячелетний рейх» для немцев.

Пророческое описание Царства выглядит так: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пасть с медведицею и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змея. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей: ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11: 6-9).

Э. Волкова. Разве можно представить, что все это когда-нибудь реально осуществится на нашей грешной земле, а не в утопическом царстве «не от мира сего»?

Л. Регельсон. Иисус действительно говорит Пилату: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18: 36). Но этот же стих заканчивается знаменательным уточнением: «Ныне Царство Мое не отсюда». Слово «ныне», меняющее смысл речения, сохранено в греческом и славянском Евангелии от Иоанна, но латинские переводчики его предусмотрительно опустили, чтобы «не смущать умы». А ведь это слово значит, что Иисус вовсе не отвергает надежды своих соплеменников, в том числе учеников, на будущее земное мессианское Царство.

Внутрицерковные споры по этому вопросу, как и по поводу телесного воскресения мертвых, начались еще в послеапостольскую эпоху. Гностические учения восточного происхождения пытались переосмыслить, исказить самые основы христианства. Поток апокрифов, ложных евангелий и лжепророчеств (от имени апостолов и великих праведников древности) стремился увести верующих от земной реальности к бесплодным ангелическим фантазиям. Этому гностическому, сверхаскетическому духу была ненавистна идея земного царства Божия, но в раннехристианской Церкви ее отстаивали апостолы Варнава, Иустин Богослов, Мефодий Патарский, Лактанций, Ипполит Римский. Наиболее мощно учение о «тысячелетнем царстве» было развернуто Иринеем Лионским, который верил в будущее исцеление и преображение земли, превращение ее в Эдемский сад – во исполнение той задачи, которая была поставлена Господом перед Адамом.

И. Хварцкий. Интересно отметить, что этот великий Отец Церкви (ученик учеников Иоанна) рисует картину Царства в духе наивных народных представлений: земля будет отличаться таким необыкновенным плодородием, что ее питательной и вкусной соломой сможет питаться даже лев! Более того, Ириней утверждает, что тогда солнце будет светить в семь раз ярче; психическая компонента солнечного излучения, может быть, сделает его намного более животворным?

Л. Регельсон. По учению Иринея, тысячелетний период истории предназначен Богом для активной и сознательной подготовки человечества к будущему всеобщему воскресению. Но еще в разгар грозных испытаний перед началом «тысячелетнего царства» являются те избранники, которые сохранят верность Богу и не поклонятся Его врагам. В Откровении Иоанна эти 144000 праведников «в белых одеждах» названы «Новым Израилем» – народом, избранным (не по крови, а по духу) со всех концов земли. Об этих «первенцах Богу и Агнцу» сказано, что они «не осквернились с женами, ибо они девственники» (Откр. 14: 4); эта метафора напоминает о ветхозаветном требовании к «воинам Господа», чтобы во время Священной войны они воздерживались от женщин. Во время Царства «обезглавленные» мученики воскреснут и станут «царственным священством». Их «первое воскресение» вслед за претерпевшим смерть и воскресение Агнцем Божиим Иисусом – прообраз воскресения всеобщего.

И. Хварцкия. По нашей версии, грандиозные по своему значению события развернутся именно на земле. Но мы не должны забывать и о тех, кто уже сейчас находится в многочисленных «обителях Отца Небесного». Это – святые, мученики, исповедники, преподобные, активно влияющие на нашу жизнь здесь и сейчас. Они все, кроме Иисуса Христа и Богородицы, пребывают там в бестелесном состоянии, ожидая своего воскресения. Согласно преданию, Пресвятая Богородица редко находится в этом небесном Раю: Она невидимо ходит по земле, помогая людям. О некоторых из них сказано: «И я увидел под жертвенником ДУШИ убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели» (Откр. 6:9). В другом месте о них же говорится: «И увидел я ... души обезглавленных за свидетельство Иисуса... Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет» (Откр. 20:4).

Большинство верующих христиан нашего времени в Тысячелетнее Царство не верят и представляют себе дело так, что после Второго Пришествия и всеобщего Воскресения избранные будут жить не на земле, а в Небесном Иерусалиме. В пользу такого видения можно, например, истолковать слова Христа: «Сказываю вам: в ту ночь двое будут в одной постели: один будет взят, а другой оставится; две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая оставится» (Лк. 17:34-35).

В пользу же того, что Царство Божие с центром в новом Иерусалиме, и после окончания Тысячелетнего Царства, будет не на небе, но на земле (на «новой», то есть обновленной земле) свидетельствуют строки Откровения Иоанна: «И я Иоанн увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» Откр. 21:2). Это означает, что на небе происходит только духовное «приготовление» Царства, а после всеобщего телесного воскресения оно «сходит» с неба на землю.

Э. Волкова. В Откровении действительно «пульсирует тема Священной войны» (по удачному выражению Гиблина), что характерно для всего первого столетия христианской эры. Однако у Иоанна мотив реальных военных действий преображается в духовную войну между силами добра и зла, причем это вовсе не пассивное толстовское «непротивление»: мученики призывают «отмщающую» Божью справедливость, и победа мессианской армии описывается как вполне реальное событие. Иоанн именует Бога Вседержителем (греч. Пантократор, ивр. Саваоф), т. е. «главнокомандующим» своего войска.

Л. Регельсон. Согласно Откровению, главный космический враг Бога, Христа и Церкви – «зверь, выходящий из моря» (или «из бездны», преисподней). Его пособник – «зверь, выходящий из земли», производя-

щий чудеса и побуждающий людей принять «начертание зверя» и поклониться его изображению (Откр. 20: 20). Как мы уже знаем, в течение всей истории человечества «дух преисподней» РАХАВ не оставляет попыток вырваться из заточения и вернуть себе власть над землей (которую, по-видимому, он имел в Атлантиде). Библейский образ этого падшего ангела является олицетворением преступного начала, которому противостоит «закон, написанный в сердцах» (Рим. 2: 15) – совесть духовных потомков Адама. В апокалиптические времена Рахав сможет натворить множество бед, но в конечном итоге «пойдет в погибель» (Откр. 17: 8).

Как мы знаем, на роль спасителя человечества от власти преисподней претендует другой мятежный ангел – САТАН, ЛЮЦИФЕР, действующий «в сынах противления» (Еф. 2: 2). В Откровении этот «дракон» и «клеветник» назван «диаволом и сатаною, обольщающим всю вселенную» (Откр. 12: 9). Напомним, что по нашей версии это тот самый «древний змей», который в Эдемском саду совратил нашу прародительницу Еву, приняв облик кайнитского жреца Нахаша. Согласно пророчествам, его вражда с Творцом и Его творением станет явной именно в апокалиптическую эпоху. Еще один символ враждебных Богу сил – «мирской город» Вавилон, названный «вавилонской блудницей».

Всем этим демоническим персонажам противопоставлен сам Иисус (в образе царя и воина), архангел Михаил и космическая Жена, рождающая Михаила как человека. Грандиозность масштаба битвы между силами добра и зла передана в Откровении такими образами:

«И явилось на небе великолепное знамение – жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от боли и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим... Дракон сей стал пред женой, которой надлежало ро-

дить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца» (Откр. 12: 1-4).

Воздух и земля помогают роженице спастись от преследований «змия, дракона» (по нашей версии, САТАНА):

«И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия... И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою. Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей» (Откр. 12: 14-16).

И. Хварцкия. В образе «жены» можно увидеть саму душу нашей Земли, которая, став человеком, впервые обрела полноту личного бытия. Солнце, Луна и двенадцать звезд (указывающие, вероятно, на знаки Зодиака) выделяют те элементы ближнего космоса, которые влияют на земную природу. Мать нартов Сатаней-Гуаша тоже отмечена «двенадцатью звездами».

Э. Волкова. Как же так: в Библии можно встретить множество грозных обличий поклонников солнца, луны, звезд и самой земли, а в Откровении все эти атрибуты персонажей неожиданно выступают в положительном контексте?

Л. Регельсон. Не только в Откровении, но и в Ветхом Завете, и в Евангелиях земля выглядит одушевленным существом. Так, Творец дает ей творческое задание: «Да произведет земля душу живую» (Быт. 1: 24); земля отказывается служить братоубийце Каину (Быт. 4: 12); земля «потряслась», содрогнулась в момент смерти Иисуса на кресте (Мф. 27: 51). Однако в языческих религиях (а нередко и в искусстве разных эпох) природа обожествляется в качестве «мировой души». Об опасности забывать самого Творца этой души предостерегает один из ангелов Откровения: «Убойтесь

Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море, и источники вод» (Откр. 14: 7).

Согласно Иоанну, после низвержения «великого дракона» наступило «царство Бога нашего и власть Христа Его» (Откр. 12: 10); святые ожили и «царствовали со Христом тысячу лет» (Откр. 20: 6). Дело в том, что в самых надежных первоисточниках слово «Христос» не имеет грамматической формы, характерной для имен собственных, и означает просто титул – «помазанник» (при переводах его следовало бы писать с маленькой буквы). Мы предполагаем, что во всех этих случаях речь идет не об Иисусе Христе, а о другом Помазаннике, имя которого прямо названо: «Михаил и Ангелы его воевали против дракона» (Откр. 12: 6). Создается впечатление, что образ архангела Михаила в Откровении сливаются с образом человека Михаила – младенца, воина и царя-помазанника.

В неканонической Третьей книге Ездры, которая была авторитетна в раннехристианскую эпоху, читаем: «Вот, придет время, когда придут знамения, которые Я предсказал тебе... Ибо откроется Сын мой Иисус с теми, которые с Ним, и оставшиеся будут наслаждаться четыреста лет. А после этих лет умрет Сын Мой Христос и все люди, имеющие дыхание» (3 Ездр. 7: 26-29). Большинство исследователей считает, что имя «Иисус» в этом тексте – позднейшая вставка, так как во всех восточных переводах оно отсутствует, а вместо него стоит слово «мессия» («христос»). Так как все христиане знают, что Иисус Христос умер и воскрес «при Понтийском Пилате», к Нему не может относиться пророчество о будущей смерти; значит, в преддверии Царства Божьего Иисус только «откроется» (проявит свою мощь), а через 400 лет умрет «второй мессия».

Ранняя Церковь, верящая всей лавине библейских пророчеств, ожидала воцарения на земле либо самого Иисуса, либо помазанного им князя. Пророк Иезеки-

иль, подробно описывая какой-то таинственный будущий храм, многократно упоминает о «князе» и лишь однажды, в связи с картиной воскресения мертвых (Иез. 37: 22), говорит о «царе», которого принято отождествлять с воцарившимся Иисусом.

Если это так, то рядом с Иисусом действительно появляется «второй мессия» (помазанник, машиах). Это утверждение опирается на два пророчества ветхозаветного патриарха Иакова (отца 12-и колен Израилевых). Первое из этих пророчеств относится к судьбе потомков Иуды (среди них – царь Давид): «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49: 10). Второе пророчество посвящено колену Иосифа, которое рассеялось среди других народов (как и потомки 10-и других колен): «Иосиф – отрасль плодоносного дерева,... ветви его над стеною. Огорчали его, и стреляли, и враждовали на него стрельцы; но тверд остался лук его, и крепки мышцы рук его, от рук мощного бога Иаковлева. Оттуда Пастырь и твердыня Израилева» (Быт. 49: 22-24).

Пророк Иезекииль передает важное откровение о будущих совместных действиях двух помазанников: «Так говорит Господь Бог: вот, я возьму жезл Иосифов, который в руке Ефрема (сына Иосифа) и союзных с ним колен Израилевых, и приложу их к нему, к жезлу Иуды, и сделаю их одним жезлом, и будут одно в руке Моей» (Иез. 37: 19). Мы считаем, что это пророчество относится к власти князя Михаила (из колена Иосифа), который станет воителем, готовящим воцарение Иисуса Христа (из колена Иуды). Еще одну параллель между этими мессиями можно увидеть в образах двух апокалиптических всадников на белых конях, первый из которых (Михаил) имеет лук и венец, а второй, по имени Слово Божие (Иисус), – острый меч, исходящий из Его уст (Откр. 19: 15).

И. Хварцкия. В пользу нашей версии говорит адамитская символика ЖЕЗЛА, ПОСОХА у Иоанна Богослова: «Младенец мужского пола» будет «пасти все народы жезлом железным» (Откр. 12: 5); всадник по имени Слово Божие тоже пасет народы «жезлом железным» (Откр. 19: 15).

Скорее всего, эпитет «железный» указывает не столько на крепость жезла, сколько на его священное достоинство (вспомним о пастушьем посохе адамитских жрецов – АЕРГОВ). Неоднократно упоминаемый посох или жезл библейских пророков является символом власти и, одновременно, сотрудничества адамитских миссионеров.

В Еврейской Энциклопедии (в статье «Эсхатология») упомянуто раввинистическое предание о том, что Мессия из колена Иосифа произойдет «из стран полнощных» – т. е. с севера и от «чужого семени» (АХАР – ивр. «чужой», АХАРА – абх. «далеко», протоабх. «изначально»). Возможно, раввины отождествляли такого Помазанника с библейским «семенем жены», которому Бог изначально предназначил «поражать змея в голову» (Быт. 3: 15).

Л. Регельсон. Существует ошибочное мнение о том, что II Вселенский собор осудил учение о земном царстве Христа. В действительности было осуждено лишь учение Аполлинария Лаодикийского, который утверждал, что Сын меньше Отца, потому что царство Отца – вечное, а царство Сына – временное (всего лишь тысячелетнее). В противовес этой ереси Собор принял уточнение к Символу Веры относительно Сына: «Его же царствию не будет конца». Аргумент Аполлинария окончательно теряет смысл, если во главе «мессианского царства» стоит не сам Иисус, а Его верный служитель и помазанник Михаил.

Рождая архангела МИХАИЛА как «младенца мужского пола», облеченный в солнце Жена соединяет

три сферы сотворенного Богом мира: сферы ангелов, природы и человека. Тем самым она завершает миссию, уготованную Деве Марии, которая соединила человека с Богом в своем Сыне. Однако отождествление образов этих двух великих женщин мы считаем неправомерным: Пресвятая Богородица – сосуд Божественных, нетварных Энергий, тогда как апокалиптическая Жена – средоточие энергий тварного космоса. Кроме того, согласно церковному учению, Дева Мария рождала своего Сына «безбольно» – в отличие от Жены, которая «кричала от болей и мук рождения».

Сокровенное пророчество об этих женщинах можно усмотреть в евангельском эпизоде с двумя сестрами Лазаря: Мария «села у ног Иисуса и слушала слово Его», а Марфа энергично занималась хозяйством и «заботилась о большом угождении» (Лк. 10: 38-42). В традиции Православной Церкви, где этот текст читается на Богородичные праздники, Мария Лазарева отождествляется с Матерью Иисуса; можно предположить, что ее сестра Марфа – прообраз апокалиптической Жены, которой предстоит управлять обширным «хозяйством» земли – природой нашей планеты.

Э. Волкова. Гиблин полагает, что «жена, облеченная в солнце» (Откр. 12: 1) – это символ древнего Израиля, «в муках рождающего» христианство. Те комментаторы, которые отождествляют это небесное знамение с образом Богородицы, предполагают, что «муки жены» означают Ее предвидение мучений Сына и гонений на христиан.

И. Хварцкий. Напомним, что в нартском эпосе мы тоже находим прообразы апокалиптических персонажей. Так, предания о подвигах Сасрыквы глубоко созвучны библейскому образу князя Михаила. Действительно, на гербе независимой Абхазии Сасрыква изображен как всадник с луком, сбивающий с неба одну

из трех звезд. Прямая параллель в Откровении – образ Михаила, которому предстоит победить и сбросить на землю дракона, а вместе с ним – третью часть его воинства, так как хвост дракона «увлек с неба третью часть звезд» (Откр. 12: 4).

Зеленый цвет половины абхазского герба – это цвет Михаила как архангела и его Матери («души природы»), тогда как белый цвет другой его половины – символ Иисуса и Богоматери. К тому же на флаге Абхазии изображена раскрытая ладонь правой руки с семью звездами – один из главных атрибутов апокалиптического Иисуса: «Он держал в деснице своей семь звезд» (Откр. 1: 16).

Чрезвычайно громкий голос Сасрыквы («выкованный кузнецом») соответствует характеристике Михаила: он – тот «ангел сильный, сходящий с неба», который «воскликнул громким голосом, как рыкает лев» (Откр. 10: 1, 3). После этого семь громов «прогремели голосами своими», что можно поставить в параллель с семью АНЫХАМИ Абхазии и семью священными площадками святилища ДЫДРЫПШ (абх. «владение грома»).

Абхазо-адыгский эпос говорит о зависти братьев-нартов к благородному Сасрыкве, постоянно выручавшему их из беды, что сближает этого эпического героя с Иосифом (сыном Израиля) – библейским прообразом князя Михаила. Подобно Сасрыкве, Иосиф не мстит своим врагам-братьям, а в трудную минуту спасает их от голодной смерти.

Э. Волкова. Вернемся к описанию Священной войны в Откровении, опираясь на ее основную схему в расшифровке Гиблина. Все начинается с того, что Иоанн видит «отверстое небо» и Сидящего на Престоле Творца мира, в руке которого – книга, запечатанная семью печатями. Снять печати и прочесть эту «книгу судеб человечества», писанную на небесах, сможет только Иисус – «лев от колена Иудина, корень Дави-

дов» (Откр. 4: 1; 5: 1-5). Когда Он снимает первую печать, являются 4 всадника: первый, с луком, – на белом коне (этот цвет предвещает победу Божьего войска); второй, на рыжем коне, развязывает войну (ее цвет – красный, кровавый); черный цвет коня третьего всадника символизирует траур, скорбь, притеснения и голод (за пшеницу и ячмень требуют непомерную плату); четвертый всадник, на «коне бледном» (цвета разлагающегося трупа), приносит в мир смерть, «и ад следовал за ним» (Откр. 6: 1-8).

По Гиблину, снятие печатей означает предварительный просмотр всей картины Священной войны, причем ее символическое описание затем расширяется и поясняется вставными сюжетами, – как бы при «фотоувеличении». Последний символ в каждой цепочке из семи событий (напряженность которых постепенно нарастает) открывает первое событие следующей седьмицы. Так, после снятия седьмой печати звучит первый трубный глас, означающий начало сражения между небесным и вражеским воинством, а кульминация событий наступает при седьмом трубном гласе (аллюзия на «Иерихонские трубы», разрушившие стены города).

При звуке пятой трубы Иоанн видит падающую звезду – ЛЮЦИФЕРА, САТАНА, который отворяет «кладезь бездны», выпуская РАХАВА (Откр. 9: 1-2). Саранча со скорпионным жалом, которая при этом нападает на землю, – символ демонических врагов человечества и наказания людей за грехи. Шестой трубный глас вводит в действие «Евфрат»: согласно библейским пророчествам (1 Енох. 56: 5 – 57: 3; Иез. 38: 1 – 39: 8), орды воинственных парфян разрушат Римскую империю и избавят Израиль, т. е. враги «народа Божьего» передерутся между собой.

Последний трубный глас вводит новую седьмицу – «чаши гнева», излияние которых наносит семь язв нераскаявшимся людям и возвещает последнюю битву с врагами Божьими. В этих «чашах» сильны аллюзии на

«казни египетские» Ветхого Завета, особенно в упоминании трех нечистых духов в виде жаб; одновременно эти бесы – святотатственная троица, включающая зверя из моря, дракона и лжепророка.

Апогей победы над ними (после излияния седьмой чаши) – падение «Вавилонской блудницы» как символической крепости демонической гордыни (Откр. 16: 19; 18: 2). Это падение открывает путь к «браку Агнца», так как «жена Его подготовила себя» (Откр. 19: 6-7). Большинство толкователей полагает, что автор Откровения отождествляет эту «жену» с христианской Церковью как Новым Иерусалимом и «истинным Израилем».

144000 избранных в белых одеждах названы «первенцами» Бога, что напоминает о первых плодах нового урожая, которые было принято приносить в жертву ради будущего обильного урожая; в Откровении речь идет об особой «жатве Божьей» – новых христианах. Они собраны в святом Новом Иерусалиме – не покоренные, а просвещенные светом Христовым. Древо жизни, которое питается из «источника воды живой» и плодоносит 12 раз в году (т. е. непрерывно), – это явный аналог Древа жизни в Эдемском саду (Быт. 2: 9).

По мнению Ч. Гиблина, многие события, которые Иоанн вынужден излагать последовательно, по смыслу Откровения происходят одновременно (точнее, вне времени). Так, поражение врагов Божьих и творение новой земли и нового неба предполагают и дополняют друг друга. Падение Вавилона (символ языческого Рима, вообще «мирского града») необходимо для того, чтобы на его место с неба сошел Новый Иерусалим как Невеста Христова, замещающая блудницу. Ангел приглашает блаженных избранных на брачную вечерю Агнца (Откр. 19:9); ужасное соответствие этой вечери – ангел призывает хищных птиц на пир победителей, пожирание трупов врагов (Откр. 19: 17-18).

Два свидетеля Божьих, которые пророчествовали 1260 дней (классический «бездожный» период в 3,5 года –

Дан. 8: 25, 12: 7), – это в богословском смысле «близнецы», выполняющие одну миссию: «мучить» грешников своими обличениями. Их должно быть именно два, в соответствии с библейским указанием, что истинным считается обвинение двух свидетелей. Эти пророки убиты «зверем, выходящим из бездны» и оставлены на 3,5 дня на улице «великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят» (Откр. 11: 8). Иоанн имеет в виду не Иерусалим его эпохи, а символический центр языческого мира, всегда «побивающего пророков камнями». Последние враги Бога Гог и Магог, возглавляющие бесовскую армию, тоже спарены, подобно Смерти и Аду.

Л. Регельсон. Все эти соответствия, как и другие особенности структуры текста Откровения, не должны затемнять дарованного нам обетования: Иисус Христос как «Царь царей и Господь господствующих» (Откр. 19: 16) сойдет с отверстого неба в виде всадника на белом коне, с исходящим из уст мечом справедливого суда. И воинства небесные, которые последуют за Ним, вступят в последнюю битву Армагеддона с армией врагов Божьих. В результате грандиозной победы сил небесных будут схвачены и «живыми брошены в озеро огненное» и сам Рахав, и его подручный – антихрист, «лжепророк» (Откр. 19: 20). В отличие от них, «дракон, змий древний» в это время еще не погибнет, но будет «скован на тысячу лет», причем эту миссию выполнит «Ангел, сходящий с неба» (Откр. 20: 1-2) – по нашей версии, архангел Михаил, ставший воином и царем.

В конце этого светлого тысячелетия произойдет последний мятеж сил зла: «Сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, и собирать их на брань; число их – как песок морской» (Откр. 20: 7). Но «ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их», а диавол, сатана был «ввержен в озеро огненное и серное» – в компанию к Рахаву и лжепророку (Откр. 20: 10). После

этого «судимы были мертвые», которых отдали море, смерть и ад, «сообразно с делами своими» (Откр. 20: 11).

Наконец, наступит апофеоз торжества замысла Божьего, рождающий в сердце Иоанна величественный благодарственный гимн: «И увидел я новое небо и новую землю... и святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их; И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» (Откр. 21: 1-4).

Э. Волкова. Очень хочется надеяться, что хотя бы наши далекие потомки доживут до чего-нибудь подобного этому великолепному видению Иоанна. А вот то, что действительно может оказаться актуальным для нас (или для наших детей и внуков), так это вызов многообразных сил зла, различить которые совсем не просто, так как они обычно весьма успешно маскируются.

«Зверь, выходящий из моря» (Откр. 13: 1-3) – это метаисторический символ любой безбожной власти (например, советской), а не только имперского Рима. Однако, по мнению Гиблина, семь голов «зверя» и десять его рогов с коронами непосредственно могут быть истолкованы как подвластные Риму языческие цари и полководцы римских легионов. Раненная, но зажившая голова зверя – намек на Нерона, который после смерти вернулся как Лженерон. «Число зверя» – это шифр его имени, так как и на иврите, и в греческом языке числа обозначались буквами. Знаменитое число 666, которое даже в наши дни так пугает христианских фундаменталистов, соответствует сумме греческих букв-чисел в словосочетании «кесарь Нерон»; известны и другие варианты подбора имен зверя на разных языках, дающих ту же сумму. Буквы арамейского языка,

составляющие титул Иисуса – «Царь царей, Господь господствующих», приводят в сумме к числу 777, которое считалось противоположным «числу зверя».

Другой зверь, «выходящий из земли» (Откр. 13:11) – это, по определению Гиблина, «антихрист, антибог и антидух». Его рога, «подобные ангчим», пародируют Ангца Божьего Иисуса; этот зверь клеймит своих подданных, – так же как Бог накладывает печати на «верных» Ему. Образ Антихриста символизирует языческих жрецов и чародеев, которые «передразнивают» не только Бога и Христа, но и Духа, «глаголющего пророка». Своими чудесами и знамениями «зверь из земли» заставляет людей поклоняться «первому зверю» (из преисподней) – имперской власти, претендующей на божественность.

Великий русский религиозный философ В. С. Соловьев, автор «Краткой повести об Антихристе» (в составе «Трех разговоров») предвидел, что Европа в XXI веке станет союзом демократических государств. Успехи их внешней культуры пойдут «ускоренным ходом», но вопросы жизни и смерти, судьбы мира и человека останутся по-прежнему без разрешения. И для этой (нашей!) эпохи В. С. Соловьев предсказывает появление Антихриста и объясняет, чем он сможет привлечь людей на свою сторону. Приведем здесь краткое, но близкое к тексту изложение этой «Повести».

– Некий «сверхчеловек» (термин Ф. Ницше) к тридцати трем годам прославился как великий мыслитель, писатель и общественный деятель, автор гениального труда «Открытый путь к вселенскому миру и благоденstвию». И когда заправили европейской политики решили учредить пост пожизненного президента Европейских Соединенных Штатов, именно он был единогласно выбран на эту должность, а затем провозглашен императором. Ему удалось установить мир во всем мире, а затем и «равенство всеобщей сытости».

А когда сверхчеловек приступил к «окончательному решению религиозного вопроса», к нему на службу

поступил великий маг, владеющий всеми достижениями западной техники и приемами восточной мистики, так что он «и огонь с небес способен сводить». По инициативе императора был создан вселенский собор христиан всех конфессий в Иерусалиме, в огромном здании храма-дворца. Католиков на соборе возглавлял папа Петр II, православных – старец Иоанн, евангелистов (протестантов) представлял немецкий теолог профессор Эрнст Паули.

Император предложил облагодетельствовать их всех, точно назав «самое дорогое» для каждой христианской конфессии: у католиков это духовный авторитет, у православных – священное предание, у евангелистов – свободное исследование Писания. И потому правитель обещал: католикам – восстановить власть папы в Риме над всеми христианами; православным – принять меры, чтобы современный быт, нравы и обычаи всех христиан соответствовали установлениям святой православной церкви; евангелистам – учредить Всемирный институт для свободного исследования Священного писания.

За все эти благодеяния правитель хотел от христиан только признания его своим единственным воождем, заступником и покровителем. И тогда почти все члены собора выразили императору свою благодарность и преданность, но папа Петр II, старец Иоанн и профессор Паули («с малыми кучками людей, жавшихся к ним») отказались следовать за большинством, но сблизились между собой. И на раздраженный вопрос императора, чего же им еще не хватает, старец Иоанн ответил от имени всех: «Великий государь!.. Исповедуй здесь теперь перед нами Иисуса Христа, Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего, – исповедуй Его, и мы с любовью примем тебя как истинного предтечу Его второго славного пришествия».

Услышав это, император потерял самообладание, его лицо исказилось дьявольской злобой, и старец Иоанн

вдруг в ужасе отпрянул и сдавленным голосом крикнул: «Детушки, антихрист!». Тогда великий маг произвел какие-то манипуляции, огромная шаровая молния коснулась старца, и через мгновение он лежал мертвый.

Папа Петр II встал и, направив свой посох в императора, гневно воскликнул: «Вон от нас, Каин-братоубийца! Вон, сосуд дьявольский! Властию Христовой я, служитель служителей Божиих, навек извергаю тебя, гнусного пса, из ограды Божией и предаю отцу твоему, Сатане! Анафема, анафема, анафема!» Пока он говорил, великий маг снова произвел свои манипуляции, и папа пал бездыханным.

Император распорядился выставить публично, на улице, трупы «двух возмутителей, убитых небесным огнем, чтобы все могли убедиться в их действительной смерти». Профессор Паули сказал: «Да свершится написанное», и через три дня «дух жизни» вошел в умерших, так что оба встали на ноги целыми и невредимыми. Старец Иоанн обнял папу Петра, предложив всем признать его пастырскую власть, а профессор Паули крепко сжал руки обоих со словами: «Итак, отцы, отныне мы едины во Христе». Так совершилось соединение церквей...

А евреи, которые сначала признали императора Мессией, случайно обнаружили, что он не был обрезан, и восстали против него как наглого самозванца. И тогда «враги еврейства увидели с изумлением, что душа Израиля в глубине своей живет не расчетами и вожделениями Мамона, а силой сердечного чувства – упованиею своей вековечной мессианской веры». Император приговорил к смерти всех непокорных евреев и христиан – многие тысячи и десятки тысяч человек. Но рядом с лагерем армии императора, под Мертвым морем, открылся кратер огромного вулкана, и огненные потоки слились в одно пламенное озеро, поглотившее и самого императора, и его мага, и все их войско. А над святым городом Иерусалимом «небо

распахнулось великой молнией от востока до запада», и все увидели Иисуса Христа, сходящего к ним в царском одеянии и с язвами от гвоздей на распостертых руках. Ему навстречу кинулись Иоанн, Петр и Павел (Паули), а за ними – все христиане и евреи, ранее казненные антихристом. Как и сказано в Откровении, «они ожили и воцарились с Христом на тысячу лет».

И. Хварцкия. Мне кажется не менее актуальной для нашего времени интерпретация образа антихриста Ф. М. Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» он вкладывает рассказ о нем в уста Ивана Карамазова – типичного русского интеллигента той эпохи. Достоевский – знаток человеческой души, глубоко заглянувший в ее бездны: извращенные желания, преступные импульсы, иррациональные страхи. Именно на манипуляции этими темными началами построил свою власть над человеком антихрист – Великий Инквизитор, которого Достоевский изображает таким же проникновенным психологом, каким был он сам. Как трезвый реалист и заботливый отец, он принимает на себя бремя ответственности за пороки и преступления своих неразумных и слабых детей. Он явно пародирует Иисуса Христа, который «взял на Себя наши болезни и понес наши грехи». Властвуя от Его имени, Инквизитор в действительности он служит тому «страшному и умному духу», который искушал Христа в пустыне. «Мы не с тобой, мы с ним», – говорит он живому Иисусу, который неожиданно появляется на улицах Севильи на исходе пятнадцатого века. Вот как выглядят (в кратком изложении) претензии служителя сатаны:

– Зачем ты пришел нам мешать? Ведь ты уже не имеешь права ничего прибавлять к тому, что уже было сказано тобой прежде! Ты сам дал нам право связывать и развязывать, и не можешь отнять у нас это право теперь. Ничего и никогда не было для человека невыносимее свободы! Великий дух в пустыне предлагал тебе обратить

камни в хлебы и накормить голодных, чтобы они за это пошли за тобой. Но ты не захотел лишить человека свободы и купить его послушание хлебами. Кончится тем, что люди принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Ведь они малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики.

– Нет заботы мучительнее для человека, чем отыскать поскорее того, пред кем преклониться, но так, чтобы и все уверовали в него и преклонились перед ним, и чтобы непременно все вместе... Люди всегда соиздали богов и взывали друг к другу: «Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!»

– Ты не сошел с креста, потому что не захотел поработить человека чудом и жаждал его свободной любви, а не рабских восторгов невольника перед могуществом. Столь уважая его, ты как бы перестал ему сострадать, потому что слишком много от него потребовал. Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо, и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар свободы.

– А зачем ты отверг меч кесаря, предложенный тебе могучим духом (по нашей версии – САТАНОМ)? Приняв его, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться всем в бесспорный общий и согласный муравейник. Ты мог бы основать всемирное царство и даровать людям всемирный покой. Но именно мы взяли меч кесаря, отвергли тебя и пошли за ним (Сатаном). У нас все будут счастливы, и не будут уже ни бунтовать, ни истреблять друг друга. Мы докажем им, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. О, мы разрешим им и грехи, а наказание за них возьмем на себя. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей, и они будут нам покоряться с весельем и радостью. И счастливы будут все миллионы существ,

кроме нескольких тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Все это сбудется, и царство наше созиждется. Завтра же ты увидишь послушное стадо, которое по первому же мановению моему бросится подгребать горячие угли к костру твоему, на котором я сожгу тебя за то, что ты пришел нам мешать.

И после всех этих обвинений и угроз Иисус, который слушал инквизитора «проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза», вдруг молча приближается к старику и «тихо целует его в бескровные уста».

Мощная проповедь Достоевского (самого читающегося русского писателя на западе) пробуждала в сердце образованного человека глубокую ненависть ко всяко-му духовному порабощению личности. В отечественном опыте такое порабощение исходило, прежде всего, от государства, тогда как в европейском сознании образ Великого Инквизитора стал олицетворением худших сторон папизма.

Л. Регельсон. Мы видим, что у Достоевского образ антихриста-инквизитора двоится, даже идеализируется: возглавляемая им иерархия якобы берет на себя «бремя свободы», готова страдать за грехи жалких людей и потому заслуживает чуть ли не одобрения (поглупя!). Господин В. С. Соловьев тоже признает некие возвышенные намерения и полезные для человечества исторические достижения сверхчеловека-императора.

Я же убежден, что антихрист будет выглядеть и действовать гораздо прямолинейнее и страшнее. С прообразами этого «зверя из земли» – сподвижника «зверя из бездны», нам уже было дано познакомиться в XX веке. Коммунистическая революция в России и фашистская – в Германии были самыми глобальными попытками перехватить инициативу и построить на земле царство антихриста. Чем ближе эта эпоха, тем выше накал борьбы темных сил против Бога.

Для непосредственного религиозного чувства ясно, что происшедшее в Германии 1933-1945 гг. вписа-

но в какую-то нечеловеческую, пугающую парадигму фантастического, ирреального существования: Гитлер действительно выпустил на арену истории силы преисподней, хотя это была только страшная «репетиция» будущих событий.

Силы зла, обычно враждующие друг с другом, на короткое время объединяются – против юного царя Михаила, привлекающего сердца к Иисусу Христу. Ведущей силой богооборчества будет мистический фашизм, связанный с древней традицией Атлантиды. Самое ужасное, что в этот преступный союз могут быть частично вовлечены и нормальные, обычные человеческие общества: ведь западные демократии уже запятали себя пособничеством и Сталину, и Гитлеру. Подготовка такого союза и есть «тайна беззакония», о которой говорит апостол Павел (2 Фес. 2:7).

«Зверь» потребует от людей не только отречения от Бога, но и отречения от самой человеческой природы. Человек должен будет претерпеть радикальную трансформацию и стать существом принципиально иного типа, не такого, который был задуман Богом. Элите будет предложено войти в состав избранной «расы человеко-богов» и разделить «сладкое бремя» господства над «массами». А этими массами, потерявшими веру в Бога Вседержителя, овладеет всепоглощающий страх в сочетании с восторженным преклонением перед якобы «необоримой» Силой. Именно это предвидел Иоанн Богослов: «И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? И кто может сразиться с ним?» (Откр. 13: 4).

Мистический фашизм может показаться далекой и неактуальной угрозой на фоне реальной вражды между людьми (между христианами, иудеями и мусульманами – в особенности). Но интенсивная и глубинная подготовка к пришествию Зверя уже идет. Его современные пророки сознают, что идеология Третьего Рейха была слишком узкой, стратегически бесперспективной, так как ставка делалась на одну нацию («выс-

шую расу»). Сейчас рождается новый тип фашизма – интернациональный и глобальный, вербующий своих adeptov среди всех народов, рас и религий земли.

Нам еще предстоит пережить «великое отступление», когда власть над землей захватит «человек греха, сын погибели» (2 Фес.2:3), которого церковная литература называет Антихристом.

Пока что этот Зверь только готовится к прыжку...

Э. Волкова. Страшно, аж жуть! Но если бы борьба между силами добра и зла была столь открытой и явной, то для большинства нормальных людей не было бы никаких сложностей в выборе «стороны баррикад». Я вижу ценность двух образов Антихриста (Соловьева и Достоевского) в том, что они предупреждают нас о двойственности, соблазнительности будущих претендентов на роль вождей человечества. Опасность в том и состоит, что враги Божии надевают маску добра, а подлинное добро рискует вызвать подозрения в свое-корыстии, «воле к власти». Примером могут служить «бестселлеры» Эрнста Мулдашева, который уговаривает нас подчиниться могучим и мудрым представителям древних цивилизаций («лемурам» и «атлантам»), которые готовятся выйти со дна моря и из своих пещер. Их апологет опасается, что кто-то окажет сопротивление, рассердит их и навлечет гибель на всех остальных. Поэтому автор с маниакальной настойчивостью повторяет, что «Бог никогда не проявляет силу», что самый большой грех – это власть, что самое страшное преступление – воевать с этими «высшими силами».

Проблема в том, что Божественная стратегия не обеспечивает потомков Адама надежными и однозначными признаками, которые позволяли бы отличить царственного воителя Михаила от изощренного демагога Антихриста.

Но тема человеческой свободы выводит нас уже за пределы толкования Апокалипсиса и требует особого обсуждения в нашем последнем разговоре.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИЛИ АДАМ И ЕГО ПОТОМКИ

В связи с этим интересно отметить, что еврейские книжники считали иврит языком Адама; исламские теологи, в свою очередь, были уверены, что Адам сначала говорил по-арабски, но потом выучил и другие языки; высказывалось и такое мнение, что Адам говорил на языке БАСКОВ, поскольку еще Геродот считал язык басков самым древним на земле. Здесь мы опять возвращаемся в Абхазию, поскольку язык басков в своих древних пластах наиболее близок к абхазскому, лучше сказать, вместе с абхазо-адыгской группой языков в наибольшей степени сохранил следы адамитского, реконструкция которого представляет собой задачу для будущих лингвистов.

Мощность «адамитского» слова может быть очень различной в разных языках – в зависимости от уровня развития базисного языка и от степени духовной восприимчивости племени к адамитскому влиянию, открывшему человечеству высшие религиозные понятия. Хотя в дальнейшем адамиты, вследствие смешанных браков, растворились среди возглавляемых ими племен, однако, их вклад в генофонд во всех случаях невелик из-за их относительной малочисленности; но решающее значение имеет их вклад в духовность, культуру и язык. Уникальность абхазского языка в этом отношении обусловлена тем, что племена, жившие на территории Абхазии, находились в тесном и постоянном контакте и под культурным водительством рода

адамитов – «аергов» в течение четырех тысяч лет: половину этого времени – до потопа, и столько же – после него.

Часто нас, авторов книги «Земля Адама» в Абхазии спрашивают: «Исходя из вашей книги, абхазы происходят от евреев?». Мы приводим аргументы в пользу того, что, скорее, «евреи произошли от абхазов», хотя и это надо понимать очень условно. Точнее, жреческие и царские роды евреев произошли от тех же прямых потомков Адама, что и подобные роды у абхазов. Но, поскольку, как мы доказываем, Адам жил на территории нынешней Абхазии, то удельный вес Адамовой генетики (как и адамитской традиции) здесь выше, чем у любого народа на земле. Тут надо пояснить: мы считаем, что Адам был сотворен Богом не «из глины», а путем специального воспитания, которому Он лично подверг одного из младенцев, взятого Им из местных племен. Потом прямые потомки Адама стали вождями и жрецами этих местных племен – прародителей абхазов. И уже после Черноморского потопа (3.300 лет до н.э.) адамитская проповедь и адамитская кровь (как правило, царская и жреческая) постепенно распространялись по всей планете. Авраам, согласно Библии – прямой потомок одной из адамитских ветвей, а евреи как народ возникли от его внука Иакова. Первенец Авраама – Измаил, также стал родоначальником высших родов среди арабов. Но везде прямые потомки Адама сильно перемешались с местными, доадамитскими племенами. В любом случае, абхазы – «родственники по Адаму» всем народам земли.

«...Абхазский язык и в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему, более архаичную, чем язык шумерских клинописных надписей, имеющих сейчас изначальную дату почти шесть тысяч лет» (Марр Н. Я. Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык. Избр. работы, т. 4, М.-Л., 1937,

стр. 62-64). Современная лингвистика имеет бесспорные успехи в изучении родственных связей и генетической принадлежности так называемых «изолированных» языков. В этой связи абхазо-адыгские языки представляют собой исключительную ценность как сохранившиеся в живом употреблении реликт древнейших языков, современных шумерскому или даже древнее его. Так, в шумерском языке выделены древние заимствования неизвестного происхождения: так называемый «банановый субстрат» – открытые слоги, напоминающие слово banana; это дает основания предполагать, что предки шумеров пришли на свою историческую родину с какой-то другой территории. Наиболее вероятными считаются гипотезы, связывающие шумерский язык с эламским, дравидийским или северокавказским. Наше предположение о яфетическом жреческом миссионерстве позволяет связать эти гипотезы воедино: имеются автохтонные, независимые пласти северокавказского, шумерского, эламского, дравидийского и др. языков, на которые наложен общий родственный пласт адамитского языка, в наибольшей степени представленный в современном абхазском. В частности, «банановый субстрат» в шумерском, естественно, объясняется как пласт религиозных понятий, связанный с именем Всеышнего Бога АН, с которого в адамитском языке начинались все существительные (сохранившийся префикс А – в абхазском).

Вопрос об Адаме в значительной мере сводится к вопросу – что такое человек вообще? С одной стороны, мы имеем научно-материалистический ответ, который подразумевает непрерывный эволюционный переход от животного к человеку: человек, в этом смысле, есть «разумное» или «общественное» животное. С другой стороны, заимствованная с Востока версия иудейских, христианских и мусульманских гности-

ков: человек – это ангел или даже Бог, вселившийся в животное тело. Есть животное, есть ангел или есть их сочетание – собственно человека во всех этих версиях как бы и нет совсем. Поэтому, когда мы говорим, что первым человеком был библейский Адам, то возникает вопрос: чем он принципиально отличался от кроманьонца, который появился, по крайней мере, за 40 тыс. лет до Адама? Биологически он тождественен Адаму, трудится, изготавляет простейшие орудия, владеет речью и зачатками пиктографии, великолепно рисует, наконец, является носителем естественной религии и охотничьей магии. Больше того, мы можем почти с уверенностью утверждать, что человек кроманьонского типа, с детства попав в нашу среду, вырос бы вполне культурным человеком.

С другой стороны, любой из нас, изолированный в младенчестве от людей, вырос бы дикарем, значительно уступающим кроманьонцу по уровню развития.

Где-то здесь, во взаимодействии между людьми, и лежит разгадка: то, что отличает человека от животного, собственно человеческая сущность, пробуждается или прорастает только под влиянием других людей, в которых эта сущность уже проявлена. Это можно сравнить с возжиганием огня или засеванием семени. Разумеется, огонь возгорится или семя взойдет, если есть горючий материал или плодородная почва. Все это уже было у кроманьонца, но кто-то должен был зажечь первый огонь – сам по себе он не мог возгореться; кто-то должен был посеять первое зерно – само по себе оно не могло зародиться: возможности чисто природной эволюции были исчерпаны. Таким первым огнем и стал Адам – и зажег его Сам Всевышний. Дальше этот огонь человечности передавался другим преадамитам; так возник или, лучше сказать, постепенно сложился адамитский человеческий род.

АПОКАЛИПСИС В АБХАЗСКОЙ МИФОЛОГИИ

Доклад на международной конференции «АПОКАЛИПСИС: Самосознание культуры на рубеже XXI века». Москва. Российский государственный гуманитарный университет. 23–25 ноября 1995 г.

Духовное наследие абхазского народа: мифы, легенды, предания, эпос, весь язык и, наконец, сама земля абхазская несут в себе живую струю самого древнего, изначального единобожия. «Я есмь Альфа и Омега, Начало и Конец» – говорит Иисус в Откровении Иоанна (1:8). Нельзя ли предположить, что первая «репетиция» Апокалипсиса произошла уже в начале человеческой истории? Эти события отражены в общекавказском эпосе о нартах.

Главная черта этого эпоса: окончательная, смертельная схватка мирового добра в лице нартов с мировым злом во всех его видах: исполины, драконы, колдуны. Само имя «нарты» можно истолковать как «Божье войско»; в священной битве, которую оно ведет, принимают участия даже природные стихии. В отличие от последней апокалиптической битвы, первая закончилась поражением и полной гибелью нартов. И причина этого поражения – внутренние раздоры в нартском стане, измена братьев заветам общей матери нартов Шьянаней-Гуаша. В этом заключался трагический урок для всей человеческой истории: зло будет побеждено лишь тогда, когда люди преодолеют небратское отношение друг к другу и вновь соединятся в одну семью.

Нартский мир изображен в эпосе как некое идеальное общество, как семья, спаянная рыцарской честью,

священным обычаем «аламыс»: это прообраз Тысячелетнего Царства Откровения Иоанна. Народ убежден, что лучшее в нем взято у нартов, и пока не нарушается аламыс, народ непобедим.

В Откровении есть таинственные слова: «Семь громов проговорили голосами своими, и я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего» (10:4).

Возможно, с этим как-то перекликается название «Дыдрыпшь-Аныха» т. е. Владение Грома: это одна из семи главных святынь Абхазии, одно из мест схождения Божественных Энергий на землю, от начала человеческого рода и до наших дней.

Центральная фигура эпического Божьего воинства – нарт Сасрыква, безупречный носитель самой нартской сущности, любимый и преданный сын своей великой Матери, смиренный перед братьями и несгибаемый перед врагом. Эпос наделяет его явными мессианскими чертами: Сасрыква не умер, но взошел на небо живым и снова придет на землю в роковой час, чтобы спасти людей – гласит одна из легенд.

Если события, отраженные в нартском эпосе, были историческим прообразом грядущих событий Апокалипсиса, то возникает вопрос: с каким из персонажей Откровения может быть сопоставлен Сасрыква?

Между тем, в образе Сасрыквы, при всей его мощи, подчеркивается зависимость от его великой матери, повелевающей земными стихиями.

Хотя рождение Сасрыквы сопровождается сверхъестественными событиями, он никогда не выступает в мифе как сын Бога или воплощение божества.

В этом – разительное отличие нартского эпоса от других древних мифологий, например, греческой. Здесь можно видеть проявление древнейшего, добиблейского монотеизма, с его запретом обожествлять человека или природные стихии. Сасрыква никогда не

нарушает верность Всевышнему, в отличие от такого более позднего героя абхазского эпоса, как Абрскил. Рядом с нартом Сасрыквой действуют представители рода Аергов, о которых эпос говорит с большой почтительностью. Возможно, в их лице представлены древнейшие жрецы или священники Единого Бога. Образ Сасрыквы включает в себя некоторые черты слабости: так, чудесный кузнец Айнар-Ижы оставляет у него незакаленной голень, что, согласно многим вариантам легенды, и привело героя к гибели.

Убедительную параллель образу Сасрыквы мы находим в библейском образе Иосифа.

В своем благословении сыновьям Иаков говорит: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49:10). Сам Иисус в Евангелиях совершает символические действия, чтобы подтвердить, что это пророчество относится именно к Нему. И в Откровении Иоанна о Нем говорится:

«Вот, лев от колена Иудина» (Откр. 5:5). Но тот же Иаков дает мессиансское обетование и другому своему сыну – Иосифу. Ввиду его особого значения для нашей темы, приведем этот замечательный текст полностью: «Иосиф – отрасль плодоносного дерева над источником; ветви его простираются над стеною. Огорчали его, и стреляли и враждовали на него стрельцы; но тверд остался лук его, и крепки мышцы рук его, от рук мощного Бога Иаковлева. Оттуда пастырь и твердыня Израилева. От Бога отца твоего, который и да поможет тебе, и от Всемогущего, который и да благословит тебя благословениями небесными свыше. Благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцов и угробы, Благословениями отца твоего, которые превышают благословения гор древних и приятности холмов вечных. Да будут они на голове Иосифа, и на темени избранного между братьями своими» (Быт. 49:26). Его можно отождествить с «князем Михаилом» у пророка

Даниила и одновременно с Архистратигом Михаилом в Откровении Иоанна: «И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце: под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем.

Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его... И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе» (Откр. 12:1-8).

Напрашивается мысль о том, что младенец, рожденный женой, это и есть тот, которому «надлежит пасти все народы». Он будет служителем и наместником Иисуса. К этому же князю можно отнести слова Откровения: «Вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный и чтобы победить» (Откр. 6:2).

Этот образ возвращает нас к наrtle Сасрыкве, главным атрибутом которого является лук и который немыслим без своего коня. Чудесный конь Бзоу понимает человеческий язык и при необходимости может взлететь: намек на ангельскую природу Михаила, прообразом которого является Сасрыква. Напомним, что лук служит атрибутом в благословении Иакова роду Иосифа.

Сам Иосиф имеет яркие черты сходства с Сасрыковой: любимые сыновья своих матерей, они оба терпят вражду и зависть братьев. Как Иосиф простил братьев и спас их от голодной смерти, так и Сасрыква спасает братьев от голода и холода.

Распевая песни, выехали братья в широкие ворота, Сасрыкva остался один как если бы был сирота. Как ветер носятся братья, подвиги совершают, громкая слава повсюду их сопровождает. А Сасрыкva стоит неподвижно, руки скрестив на груди. Почему же его не взяли? Что ждет его впереди? Неужели его оставили навсегда стоять у ворот, телят и коров пасти, да пугать ворон? Оскорбленный Сасрыкva жалуется великой матери нартов, которая властно вмешивается в отношения своих сыновей. Она подняла глаза свои к небу и молитвенно проговорила: «Пусть вас, братья Сасрыквы, обидевшие сына моего, настигнет невиданный дождь – страшнее любого града, и ветер пусть дует вам в глаза – страшнее любого ветра, и пусть жизнь ваша зависит от сына моего Сасрыквы». Огнеподобный Бзоу летит вперед, и все ему нипочем – ни дождь, ни град, ни ветер, ни встречные реки. Он несется по долинам и горам, точно быстроногая серна. Двое суток ехал Сасрыкva, ехал в горы, все в горы. И вот усилился дождь. И повалил снег. И ветер подул, да такой, что казалось, горы обратятся в прах. А когда прояснилось – Сасрыкva увидел своих братьев. Они жались друг к другу так тесно, что можно было набросить на них одну шапку. Бороды их обросли сосульками, и сосульки касались земли. Они погибли от холода». (Абхазские сказки и легенды. М. 1994, стр. 99–101.) Сасрыкva спасает своих братьев тем, что сбивает с неба утреннюю звезду, чтобы обогреть их. Но тепло звезды оказывается недостаточным, и герой совершает свой следующий подвиг: рискуя жизнью, похищает у великана настоящий огонь. Это предание впоследствии обросло различными вариантами, вплоть до мифа о Прометееве, который, как известно, древние греки принесли с Кавказа.

«Ангелические» черты образа Сасрыквы выражаются в деталях мифа: так, он «светился в утробе матери» и она видела лицо его еще до рождения. Атрибу-

ты, связанные с природой и матерью, подчеркнуты в образе второго Мессии в обетовании Иакова: «Благословение гор древних и холмов вечных», «Благословение сосцов и утробы». Как Иосиф в своих лучших чертах подобен своей матери Рахили, так и Сасрыкви всеми своими необыкновенными способностями обязан матери. Это она повелевает стихиями и дает мудрые советы своему любимому сыну. В одной из легенд Всевышний призывает ее к себе для беседы, и она возвращается с двенадцатью звездами в волосах и «маленьким солнцем в руке». Здесь прямая параллель с образом «жены, облаченной в солнце», матери грядущего «повелителя народов». Это один только из архетипических образов абхазской мифологии, которая при углубленном рассмотрении содержит и многие другие библейские параллели и апокалиптические мотивы. Удивительным образом древние архетипы проявили себя в государственной символике новой Абхазии. Герб, изображающий Сасрыкву на коне и сбивающей звезду с неба (одну из трех!) можно понимать и как изображение Михаила, низвергающего дракона с неба на землю («третья часть звезд пала с неба»). А на флаге Абхазии: «Десница, держащая семь звезд»!

ГДЕ СПАСАЛОСЬ СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО?

Древнее христианское предание сообщает: когда воскресший Иисус послал апостолов проповедовать Евангелие всем народам, то они собрались, чтобы бросить жребий, кому куда идти. Бывшая с ними Мария, Мать Иисуса, тоже пожелала участвовать в метании жребия. Ей выпала страна под названием «Иверия».

Однако идти Самой на проповедь апостолы Ее отговорили. Сказали: «Избери кого-нибудь из нас, чтобы он пошел вместо Тебя, сверх собственного жребия. Ее избранником оказался Симон Кананит (Зилот), видимо, Ее родственник, в свое время пригласивший Марию вместе с Иисусом на свою свадьбу в Кане Галилейской (Ин. 2, 1–11). Завершив проповедь в своем уделе (у бриттов), он пришел в удел Богородицы. И претерпел там мученическую кончину.

В начале XIX века преподобному Серафиму Саровскому в откровении дается напоминание о том, что «первый удел Богородицы на земле – Иверия» (второй – старый Афон, третий – Киево-Печерская Лавра и четвертый – будущая Серафимо-Дивеевская женская обитель).

Что же это за страна – Иверия?

Сейчас так называют Грузию, и существует предание, что Богородица, явившись во сне святой Нине, послала ее в Мцхету на проповедь (315–340 гг.), тем самым подтверждая, что Грузия – Ее удел. Впрочем, академик Н. Я. Марр считал, что святая Нина проповедовала в районе Кутаиси; во внутреннюю же Грузию христианство проникло позже, через Армению.

В апостольские же времена центральная и восточная Грузия входила в состав враждебного Риму Парфянского царства, и с любого апостола там немедленно содрали бы кожу как с римского лазутчика. Доступным для христианской проповеди было только побережье Черного моря, находившееся под контролем Рима. Во всяком случае, в таких оживленных торговых центрах, как Питиунт (Пицунда) и Себастополис (Сухум), стояли римские гарнизоны.

Именно на эту страну (нынешнюю Абхазию) и выпал жребий Марии, здесь проповедовал Симон Кананит, место мученической кончины которого – Анакопия, нынешний Новый Афон. Здесь, у подножия Анакопийской (Иверской) горы на могиле Симона стоит старинный, много раз перестроенный храм его имени. На вершине горы, в часовне, поставленной русскими монахами в конце XIX века, в алтарной апсиде помещены вырезанные из окрестных пещер камни с древними рисунками и надписями. Особенно примечательны изображения рыб: тайный знак христиан II века. Есть все основания предполагать, что община, созданная апостолом Симоном, пережила эпоху римских гонений. Тот факт, что на Первом Вселенском Соборе в 325 году принимал активное участие Питиунтский епископ, свидетельствует о глубокой укоренности христианства в Абхазии к этому времени.

Сама гора издавна считается «горой Богородицы», и с ней связан ряд замечательных местных преданий. Например: «Господь спрятал рай в земле и накрыл его Иверской горой». Еще: «Под Иверской горой начинается подземный ход, который ведет прямо к Храмовой горе в Иерусалиме». Или вот такое пророчество: «Приближается время, когда все истинное православие, которое останется во мгле, соберется вокруг этой горы».

Намек на «удел Богородицы» содержится в раннехристианской легенде о том, что голубь принес к изго-

ловью «усопшей» Марии оливковую веточку из «земного рая». Авторы этой статьи в своей книге «Земля Адама» пришли к выводу, что библейский рай мог находиться именно на территории нынешней Абхазии. (Краткое изложение этой гипотезы см. в «НиР», 1999, № 1.)

Известный историк и филолог Г. Дзидзария писал, что существует абхазское предание о том, будто бы Бог происходит из семьи Хеция. Это утверждение выглядит совершенно абсурдным, если учитывать, что абхазы издревле веруют в единого, невидимого и всемогущего Бога. Есть, конечно, пророки, ангелы и даже русалки, но Бог это Бог... При чем тут семья Хеция?

Мы спросили об этом у одного из современных представителей рода Хеция, профессионального историка. Он улыбнулся и сказал: «Дзидзария все перепутал, из нашего рода происходит не Бог, а Богородица».

Час от часу не легче!

В связи со всем этим возникает вопрос, не скрывает ли предание о «метании жребия» какой-то намек на более глубокую и органичную связь Богородицы с Ее земным уделом – Абхазией?

Чтобы ответить на этот вопрос, сделаем небольшой экскурс в совсем другую эпоху – во времена Геракла.

Древнегреческий миф о Геракле содержит одну странную географическую «неувязку». В поисках «яблок Гесперид» герой проходит мимо «седого Кавказа», освобождает прикованного Прометея, через страну амазонок приходит в Киммерию (район Тамани), где с помощью Атланта обретает искомые яблоки. До сих пор мифологическая топография вполне «логична», но вот назад он возвращается почему-то через... Египет! Как сказали бы абхазы: «Где Кавказ и где Египет?»

Многие комментаторы ломали голову, пытаясь разрешить этот парадокс. Но есть одно удивительно простое и логичное решение. Дело в том, что самоназвание Древнего Египта – «Мыср» (в Библии – Миц-

раим). А в районе Пицунды есть священное абхазское урочище «Мысра» (Мюссера). Вот через какой «Египет» возвращался Геракл, каким путем пришел, таким и ушел! Нередкий в исторических легендах «филологический казус»: предание о Геракле было записано тогда, когда в памяти осталось только название местности, а где она находится, уже забыли. Зато про другой Мыср, а именно Египет, знали все...

И нам пришло в голову, если однажды такая географическая путаница произошла, не могло ли это повториться еще раз?

Вот что говорит ангел, сразу после ухода волхвов, явившись во сне Иосифу: «Возьми Младенца и Мать Его, и беги в Египет» (Мф. 2, 13). Если вспомним, как тогда назывался Египет, то получается, что ангел сказал «беги в Мыср».

А вдруг здесь опять имелся в виду абхазский Мыср. Тем более что никаких реальных признаков пребывания Святого семейства в Египте нет – только цветистые восточные сказки.

В повествовании Матфея нас всегда удивляло поведение волхвов: зная о злодейских намерениях Ирода, почему они просто не забрали Святое семейство с собой? Может быть, в действительности так оно и было, и именно поэтому волхвы на обратном пути постарались избежать встречи с Иродом.

Если так, то приобретает решающее значение, откуда эти волхвы пришли У Матфея сказано: «С востока» (Мф. 2, 1). Мы решили выяснить: а как это звучало на языке того времени, иврите (точнее, на близком к нему арамейском). Берем в руки современный обратный перевод Нового Завета с греческого на иврит и... испытываем настоящий шок!

«Страна Востока» звучит на иврите (и на арамейском) как «Эрец Мизрах»!

Но это почти то же самое, что «страна Мыср». Причем толкование этого слова как «Египет» исключается, потому что здесь оно означает именно «Восток», а Египет находится на юго-западе от Вифлеема.

Тут все становится на место, хотя и весьма неожиданным образом.

Волхвы – это адамитские жрецы, которые получили пророчество о рождении Иисуса и пришли, чтобы спасти Его от опасности, забрать с собой в землю Адама и там приобщить к древней мудрости. «Звезда», которую они увидели «на востоке» («ва-мизрах», то есть у себя в Мысре) и которая привела их к месту рождения Иисуса (Мф. 2, 9), – это могла быть одна из «Анных»: так называются световые явления Божественной силы, и поныне широко распространенные в святых местах Абхазии.

Святое семейство возвращается на родину после отстранения от власти в 7 году новой эры Архелая, наследника Ирода: «Ибо умерли искавшие души Младенца» (Мф. 2, 20). Несомненно, что они сразу же по прибытии пришли на поклонение в Иерусалим. Если взять наиболее вероятную дату рождения Иисуса – 6 год до новой эры, – то Ему в это время было 13 лет (Лк. 2, 42), так что Он уже вполне мог проповедовать в Храме (Лк. 2, 46).

Теперь вернемся к загадочному преданию рода Хеция.

Возможно, события разворачивались следующим образом.

В самом Мысре Святому семейству оставаться было небезопасно – рядом был крупный город Питиунт с римским гарнизоном, так что ищечки Ирода, верного слуги и союзника римлян, могли напасть на след. Тогда абхазские жрецы переправили семью в удаленное глухое селение, где выдали их за родственников семьи Хеция – чтобы не было лишних вопросов. Надо полагать, абхазский язык они к тому времени уже выучили, или, может быть, евреи в те времена просто считались одним из абхазских родов. И лишь позже стало извест-

но, что это за «родственники». Так и родилось предание, что «Богородица – из рода Хеция»: ведь у абхазов приемное родство ставится выше кровного. Как раз за Иверской горой есть селение Анухва (Анхуа), что можно перевести как «Удел Матери». Абхазские женщины рассказывали нам о нередких явлениях Богородицы в этих местах. Ее особая любовь к этому месту вполне естественна: здесь прошли годы Ее юности, здесь прошло детство и отрочество Иисуса.

Если так, то становится понятным, почему в действительности эта земля стала уделом Богородицы и почему Анакопийская гора считается Ее горой.

Правда, для религиозного сознания остается загадкой, почему все это до сих сохранялось в такой глубокой тайне. И почему тайна начинает приоткрываться именно теперь? С научной же точки зрения мы имеем дело лишь с правдоподобной гипотезой. Ключ к доказательствам – информация, которую хранят древние рисунки и надписи, часть из которых была обнаружена на стенах многочисленных небольших пещер в этом районе. Но их систематическим поиском и расшифровкой еще никто не занимался.

Богородица до времени хранит тайну Своей земли.

АБХАЗСКИЕ ЦАРИ ИЗ РОДА МЕССИИ

Мессианские корни абхазских царей династий Леонидов и Багратидов выражались в том, что их генеалогия возводилась к великому царю Давиду: из рода Иессея, Давида, Соломона, Панкрата. Греческое Панкрат (Баграт), где Пан: все, Кратос: держу – прямо указывает на Мессию из рода Давида: то ли он должен произойти из рода Багратидов, то ли род Багратидов понимался, как коллективный Мессия, осуществляющий Царство Божье на земле. Такое понимание подтверждается надписью на фамильном гербе Багратидов: «Клялся Господь Давиду в истине и не отречется ее: От плода чрева твоего посажу на престоле твоем» (Пс. 131:11). Обращает на себя внимание сохранившаяся до наших дней звезда Давида, на западной части стены Лыхненского дворца владетельных князей Абхазии.

Как пишет абхазский историк Е. Аджинджал в своей статье «О титулатуре абхазских царей»: «... персидский трактат 13 в., хранящийся в Тебризской публичной библиотеке дает представление об этикете, которому придерживались царствующие персоны. В частности, рекомендовалось к абхазскому царю обращаться такими словами: «Великий соборный, возведенный царь, представитель знатнейшего рода, могущественный правосуд; превеличие страны и государства, защитник христиан, покровитель последователей Иисуса, самодержавец наследственных престолов и корон, стефанос Востока и Запада, хранитель

веры в Бога, помощник Мессии, защитник царства абхазов и алан, рыцарь и герой Артмана....» (Грузино-персидские этюды. Сост. М. Тодуа. Тбилиси, 1979, с. 5, 26, 28.)

Многие славные страницы истории православного Абхазского государства приоткроются, когда будут изучены церковные архивы, сохраненные монастырями старого Афона. Сейчас известны лишь некоторые узловые события: победа над арабами, освобождение от власти Византии, церковная автокефалия, династия Леонидов, перенос столицы в Кутаиси, распад Абхазского царства и возникновение политически самостоятельного Абхазского княжества. Громадное впечатление на весь Кавказ должен был произвести разгром «непобедимого» Мурвана-Кру абхазским царем Леоном I в 737 г. у стен Анакопии. Неожиданная эпидемия, которая разразилась в арабском стане, но не затронула защитников крепости, была, несомненно, воспринята как вмешательство Всевышнего. Верующие христиане хорошо знали библейскую историю о том, как царь Сеннахирим с огромными силами осадил Иерусалим, и по молитве царя и народа о помощи и спасении был послан «Ангел Господень», поразивший ассирийское войско (4 Цар. 19:35); очевидно, это была подобная же эпидемия. После этой победы Абхазия на несколько веков становится непререкаемым лидером всего региона; вскоре она освободила от арабов большую часть территории нынешней Грузии и подчинила своему влиянию Северный Кавказ до реки Кубань. Более того, Абхазское Царство добилось независимости от самой Византии, ослабленной иконоборческой смутой, а Абхазская церковь стала самостоятельной, автокефальной: событие по тем временам исключительное (католикос Пицундский присутствует на VII Вселенском Соборе в Никее в 787 г.). Кроме Пицунды на территории нынешней Абхазии были учреждены епископские кафе-

дры: Анакопия, Дранда, Илор, Моква, Бедиа. Нельзя не увидеть действие Божьего Промысла в том, что Анакопийская битва произошла практически одновременно с битвой при Пуатье (733 г.), положившей предел исламской экспансии на Западе. Здесь особой воинственностью отличались родственные абхазам горцы – баски, которые отстояли свою независимость от вестготов и арабов, а в 778 г., в знаменитой битве в Ронсенвальском ущелье, разгромили войска самого Карла Великого, возглавляемые прославленным Роландом; впоследствии баски стали главной ударной силой Реконкисты – войны против арабов (мавров) за освобождение Испании.

Многовековой кризис в отношениях между Абхазией и Грузией привел в конечном счете к очередной войне в конце 20 столетия, после которой образовалось на Кавказе еще одно независимое государство – Абхазия.

Об истоках напряженных отношений между двумя кавказскими народами рассуждает историк Е. Аджинджал в статье «О титулатуре абхазских царей»: «Почему в грузинских письменных источниках мало этатических материалов об Абхазии, но, в то же время в греческих, армянских, персидских, азербайджанских и др. древних хрониках их гораздо больше? Это объясняется тем, что в начале 18 века, как свидетельствуют грузинский историк, царевич Теймураз, европейские ученые – Дюбуа де-Монпере, Клапрот, Сен-Мартен, а так же академик Мари Броссе, грузинская правящая элита собрала «ученных мужей» для исправления и переписывания грузинской истории. «Картлис Цховреба» подверглась таким редакционным изменениям, что она во многом стала отличаться от прежней». (Г. К. Григолия. Очерки по источниковедению истории Грузии. Ахали Цховреба. Тбилиси, 1954, с. 325.)

Вторая волна фальсификации истории Абхазии прошла уже в советское время, в 1954 году, после выхода в свет книги Павле Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века». Грузинский писатель и историк впервые выдвинул теорию о том, что

средневековые абхазы – суть грузины, говорившие на грузинском языке и были ассимилированы спустившимися с гор Кавказа племенем «апсу». При этом историк как-то не придал значения тому факту, что царица Тамара назвала своего сына Георгия вторым именем Лаша («Светлейший» на абхазском языке), а в древнегреческих источниках фигурируют апсылы на побережье Черного моря в районе Восточной Абхазии.

Смысл этой, глубоко порочной, авантюристической идеи прост: не получилось уничтожить полностью историю Абхазии, нужно постараться присвоить ее полностью.

В нынешнее время полку грузинских историков неожиданно прибыло – реанимацией теории Павле Ингороква вдруг занялся христианский богослов и публицист, протодиакон Андрей (Кураев), очевидно после неудачной миссионерской деятельности его в Абхазии. Но, вместо реанимации получился последний предсмертный вздох бесславной теории П. Ингороква.

Согласно «новой» теории Кураева, нынешние абхазы – это потомки не тех абхазов, которые в средние века строили христианские храмы и возносили молитвы, а спустившиеся с гор «апсу». (Выступление Андрея Кураева, протодиакона Русской Православной Церкви, писателя, богослова, философа и публициста, проповедника и миссионера на Первой православной миссионерской конференции, организованной Православным миссионерско-апологетическим центром «Ставрос», прошедшей 26 июня – 1 июля 2013 года в Череменецком Иоанно-Богословском монастыре по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира). По его мнению, ассимилировать абхазов им помогали турки. Очевидно, в свободное от войны, время. Обиженный протодиакон пишет:

«И те, кто раньше называл себя абхазами – это была часть грузинского этноса... Нынешние абхазы унаследовали только название – да и то не для себя, а для туристов». Научные изыскания, достойные перу не христианского миссионера, а незадачливого туриста!

В эпоху позднего средневековья национальная идея абхазских царей превратилась в мессианское притязание грузинских Багратидов (Сакартвэлос Самотхэ: Рай Грузии). В наше время эти «мессианские» мечты получили неожиданное воплощение в лице Иосифа Джугашвили, которого отделял буквально один шаг от полного господства над миром. Нужно ли говорить о том, какую духовную опасность для грузинского народа представляют собой эти самозванные притязания. В этом контексте нечто большее, чем кавказское витийство, слышится в словах Католикоса – Патриарха всей Грузии – Каллистрата в поздравительной телеграмме И. В. Сталину: «Уповаём, что в первые же годы второго Вашего семидесятилетия противники истории и справедливости прозрят, придут к Вам и скажут: прав ты, Иосиф премудрый, и справедливы суды твои, научи же нас, как зажить в мире с братьями, сыздавна нами обижаемыми и унижаемыми. Буди, Господи, буди!» («Журнал Московской Патриархии», 1950, №1, стр. 5). Подобные слова в устах церковного иерарха лишний раз подтверждают, что Stalin среди исторических фигур всех времен и народов был самым близким и реальным прообразом того «человека греха и сына погибели», который «в храме Божием сидет как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2:3-4).

НИЖНЯЯ ВОДА И ВЕРХНЯЯ ВОДА

САТАН «ниспал с неба» (Лк. 10:18). Куда же он «ниспал»? На это отвечает апостол Павел, когда говорит о «воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф. 2:2). Здесь «князь», очевидно, САТАН. Но что такое этот «воздух»? В общих чертах можно сказать, что это какие-то верхние слои тварного психического пространства, более утонченные, чем слои животных эманаций. САТАН не мог перейти на «автономный режим» раньше, поскольку эти верхние слои до начала достаточно широкой духовной деятельности адамитского человечества были практически пустыми, и «питаться» там было нечем. Настоящий «взрыв» духовной активности произошел одновременно в разных частях планеты, независимо у разных народов в VI-V в. в. до н. э. Карл Ясперс назвал этот период «осевым временем». Ко времени рождения ИИСУСА эманации высоких чувств и мистических переживаний стали достаточно интенсивными, чтобы составить «питание» для той ангельской иерархии, которую возглавляет САТАН. Он, в отличие от РАХАВА, был предназначен для помощи Творцу в развитии и воспитании высших духовных начал в творении, поэтому он смог вступить в эволюционный процесс значительно позже, чем РАХАВ, – лишь тогда, когда на земле появилось адамитское человечество. В силу специфики своего служения САТАН мог воздействовать только на высшую энергию человека, в значительной мере «срод-

нился» с теми энергиями и, в конце концов научился «питаться» ими. Но в этом ему необходимо какое-то согласие или содействие самого человека. Существуют особые виды мистической практики, как бы специально созданные для этой цели. Так, в практике ЙОГИ первичная жизненная (животная) энергия КУНДАЛИНИ, сконцентрированная у основания позвоночника, перерабатывается, «сублимируется» (от лат. Sublimatio: возгонка) в более тонкие формы, постепенно поднимаясь вверх вдоль позвоночного столба. Через макушку головы (чакра САХАСРАРА – санскр.) тонкая энергия идет в «космос». В мистическом экстазе «слияния с Абсолютом» ЙОГ отдает свою энергию «мировому духу», в роли которого выступает, конечно, САТАН.

В этом «воздушном» пространстве высших человеческих эманаций, символом и аналогом которых служит атмосфера планеты, и поселился САТАН после неудачной попытки подчинить себе ИИСУСА в деле спасения человека от власти преисподней. Сделаем небольшое отступление с тем, чтобы попытаться найти в тексте Библии дополнительное основание для подразделения психического пространства на две большие сферы: верхнюю и нижнюю. После того, как Бог сотворил НЕБО И ЗЕМЛЮ, евр. ХАШАМАИМ ВЕТ ХА-АРЕЦ, абх. АДГЫЛИ АЖЭФАНИ, книга Бытия продолжает (1:2):

ЗЕМЛЯ ЖЕ БЫЛА БЕЗВОДНА И ПУСТА И ТЬМА НАД БЕЗДНОЮ И ДУХ БОЖИЙ НОСИЛСЯ НАД ВОДОЙ.

ВЕ ХААРЕЦ ХАИТА ТОГУ ВЕ ВОГУ ВЕ ХШАШ ЭЛЬ ПНИ ТЕГОМ ВЕ РУАХ ЭАОХИМ МЕРАХАФАТ ЭЛЬ ПНИ ХАМАИМ.

АДГЫЛГЫ ПШРА АМАМЫЗТ ИАГЬАЦЭЫН АПЫЛХАТ ЕИҚЭАТЦЭА Т҃А-ЗМАМ АЗМЫЖЬ ИАХА-ПАН АНЦЭА ИДОУХА АЗДУ ИАХАГЬЕЖЬУАН. (абх. пер. И. Хварцкия).

Здесь наше внимание привлекает понятие МАИМ, – вода, где ИМ – суффикс множественного числа, так что МАИМ – воды, а корень, означающий собственно воды – МА,ср. и. – е. МАР, mar : море, а также шумер. ТИ-АМА-Т – начальный хаос. Евр. ШЕМ имеет множество значений, но можно рассмотреть и такое сочетание: МАИМ; если понимать Ш как префикс принадлежности, то небеса ШАМАИМ – те, чьи воды; если же Ш связать с ШАМАШ, солнце, то ШАМАИМ – солнечные воды. Связь неба с водой подтверждается дальше: «И отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью» (Быт. 1:7). Твердь, РАКИЯ, небосвод – понимаемый как своего рода крыша, покрывало; ср. «простирающий небо как кожу» (Пс. 103:2); «Он распостер небеса как тонкую ткань, и раскинул их как шатер для жилья» (Ис. 40:22); Пс. 148:4 говорит о «водах, которые превыше небес»; Быт. 7:11 в описании потопа: «Окна небесные растворились».

Вода, в соответствии с древней мифологией, символ первичной жизненной силы (в нашей терминологии – психической материи), которая разлита вокруг и превращает мертвое в живое. Книга Бытия, таким образом, дает различие двух видов психической материи, силы или энергии: вода, которая внизу и вода, которая вверху – верхняя вода может ассоциироваться также с воздухом, в котором образуется туман, облака и живительный дождь. Нижняя вода: животная, витальная психическая материя. Верхняя вода – психическая материя, из которой «сделаны» ангелы, а в человеке – мысли, чувства, духовные переживания. Символом нижней воды в процессе ее превращения в верхнюю может служить пар, евр. ЭЙД, греч. АТМОС, отсюда «атмосфера», то есть область водяного пара.

В абхазском нижняя вода символизируется понятием ТЦАМ-ТЦАМ – глубокий чистый родник; об адамитском

происхождении этого понятия свидетельствует такое же название священного источника в Мекке ЗАМ-ЗАМ; такой же смысл имеет абх. АЗМЫЖЬ: глубокая вода. Абх. АМ входит в слова АМШЫН – море; АМШ – день; АМАША – ограда для могилы (очень древнее); АМГЭА – живот; АМЦА – огонь; АМЫЖЬЗЫ – соленая вода, просачивающаяся из глубины земли (адыг. АБЫРМЫЖЬУЭ); АМШТАБЗИА – положительная сила; АМШЭ – медведь; с проявлением жизненной силы связано абх. АМЧ – сила, причем ЧРА – вздуться, распухнуть. Силой АМ управляют светила АМЗА – луна и АМРА – солнце. То, что речь идет об управлении именно «водой» следует из евр. МАМШАЛАТ, управление, власть – это слово употреблено в Быт. 1:16: «светило большее для управления (АЕМАМШАЛАТ) днем и светило меньшее для управления ночью». Евр. ШАЛ также означает: управлять, но здесь употреблено именно МШАЛ; ср. абх. МШЫ – тот без которого погибнут те, которые с ним, то есть руководитель, вождь; речь, видимо, опять идет о владении силой АМ или МА. МА входит в название одного из древнейших абхазских племен МСЫ-МАН (греч. мисимиане), жившего в районе Кодорского ущелья; оно входит также в евр. АДАМА – 1) человек, 2) земля.

Поскольку жизненная сила МА есть главное достояние человека, то с ней связано понятие абх. АМАЗА-АРА – иметь и АМАМЗААРА – не иметь. Может быть, здесь надо искать происхождение абх. вопроса МА – да или нет? Так, АУМА – то ли это?; ДЦОМА – идет ли он?; ИФОМА – ест ли он? Ср. слав. ИМЕТЬ, МАЛО, МОЙ, МЫ, МАТЬ. Возможно, санскритское ОМ, АУ-МА – призывание жизненной силы, «явись (абх. АУ) сила (МА)».

О том, что нижней водой владеет змий, напоминает абх. АМАТ – змея, дракон из нартского эпоса, завладевший глубоким источником и не дающий людям эту

воду. Понятие «верхней МА» в абхазском, возможно, содержится в АМААЛЫКЬ – ангел, а также АМАЦӘЫС – молния. Для обозначения воды в абхазском употребляется два слова АПС и АЗЫ: в основном они соответствуют понятиям верхней и нижней воды. Однако в обоих случаях это не просто вода МА, но вода (энергия), структурированная деятельностью живых существ, абх. АХАРА – сотканная. Так с АЗЫ можно связать понятие АБЗА – живой, т. е. речь идет о животной энергии, в отличие, скажем, от растительной.

Вода АПС в абхазском прямо стала означать душу – АПСЫ (ср. греч. ΠΣИΧӘ, душа), в связи с этим АПСЫП – дыхание; АПСТХӘА – облако, туман, ХӘА – сгущение; АХАУА – воздух, но также АХАИР – воздух (ср. греч. ΑӘР, воздух; евр. РУАХ, дыхание, дух). Таким образом, АПС это верхняя МА, сотканная человеком – именно этой энергией управляют и питаются ангелы из иерархии САТАНА. В абхазском есть слова, объединяющие обе «воды»; так, АЗПСЫ ИХЬЫКӘКӘА – намокший; АПСЗЫ – весть о смерти.

ЭЙД СТРУИЛСЯ ИЗ ЗЕМЛИ ЭРЕЦ

Племя адамá должно стать первым среди племен земли, которому надлежало с помощью Адама сформировать в себе человека по образу Бога. Их роль была исключительно велика, поскольку именно из них предстояло создать народ миссионеров, вождей и жрецов для всей планеты. Среди множества других преадамитских племен эпохи неолита адамá, благодаря особой заботе о них Всевышнего, выделялись своим развитием и высокими нравственными качествами. Чистая животная энергия ЭЙД, струившаяся из земли ЭРЕЦ, и ее растительности, избавляла их от потребности в мясной пище, делала миролюбивыми, доверчивыми, наделяла максимальным здоровьем и долголетием, доступным на этом эволюционном уровне: можно считать, что средним биологический срок жизни 75 лет, максимальный – 120 лет.

После того как власть над ЭЙДОМ была передана Адаму и потеряна им в результате грехопадения, эту власть немедленно перехватил ШЭЙД-Рахав. Яд Рахава проник в животную энергию земли ЭРЕЦ, которой пользовались адамá. Это привело к пробуждению в них злобности, агрессивности, властолюбия – качеств, свойственных остальным неолитическим племенам. В этом и заключалось то «проклятие», на которое оказались обречены адамá из-за греха Адама. Племя адамá стало строптивым и воинственным, наконец, они нарушили главное условие, необходимое для выполнения их призыва. Они стали покидать землю ЭРЕЦ и тем самым

уходить из-под влияния своего нового великого пастыря – Адама, который, несмотря на грех, оставался для них единственным проводником Божественной творящей силы. В этом контексте и проклятие, наложенное на Еву: «В муках будешь рождать детей», приобретает дополнительный смысл – ей придется принять много страданий из-за своих строптивых и необузденных приемных детей из племени адамá, а затем и других племен земли. Ибо если Адам в таинстве усыновления становится всеобщим отцом, то Ева в том же таинстве становится всеобщей матерью.

Судьба ушедших сложилась по-разному, хотя ничего хорошего никого из них не ожидало. Те, которые ушли на запад, в район нынешней Анапы и Керчи, оказались объектом вторжения ангелов, соблазнившихся красотой «дочерей человеческих» (т. е. адамá). Ушедшие через перевалы на Северный Кавказ попали в сферу влияния сохранившихся жрецов – носителей традиций Атлантиды. На востоке, в земле Нод, они, вместо Адама, получили другого патриарха – Каина. И лишь те, которые оказались меньше отравлены влиянием Шэйда и остались на месте, исполнили пред назначенную им великую роль – стать первыми приемными детьми великого Адама.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ НА ОКРАИНЕ	3
АЛЕКСАНДР ДЮМА, АБХАЗСКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ И МЕГРЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК	20
СВЕТ ГОРЫ ДЫДРЫПШ	23
НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ УКРОТИТЕЛЬ СЛОВА	
ПЛАТОН И ОХОТА С ЯСТРЕБОМ	31
В ГОСТЯХ У МАРГАРИТЫ ОРЕЛКИНОЙ	33
ПОЧЕМУ ТАК ТРУДНО ВЕРИТЬ В БОГА?	35
САБЛЯ ГАСАНБЕЯ	44
БАРХАТНЫЙ СЕЗОН	50
КЛУБ АРГОНАВТОВ	57
ПОДУШЕЧКА	63
ПЕЩЕРА ХАБЫО	66
ТОПОЛИЯ НА БЕРЕГУ ЦИКУАРЫ	71
СТАРЫЙ КИНОТЕАТР	74
ХОЛМ БАРСКИЛОВ	77
ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ	80
ЯДОВИТОЕ ДЕРЕВО	83
НА ПРИЧАЛЕ	91
ФОТОГРАФИЯ	94
О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ЭВКАЛИПТЫ	96
БААЛОУСКАЯ ОСЕНЬ	98
ГОРА МУДРЕЦОВ	107
ДЕНЬ ВОЛЧЬЕГО КУПАНИЯ	120
ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО	127
ЗВЕЗДА АБАЗИНА	131
ЛЕДЯНАЯ ГРОЗДЬ ВИНОГРАДА	133
СВЯТОЙ ИСТОЧНИК	137
РЯДОВОЙ НЕБЕСНОГО ВОИНСТВА	139
ВИДЕНИЕ ГЕДЛАЧА	142
ХЬЯЧХУАМА	144
ДВОРЕЦ АЭТА	148
ЦЕНА МОЛЧАНИЯ	
СУДЬБА	164
ЦЕНА МОЛЧАНИЯ	165
ЛЕПЕСТКИ И СНЕЖИНИКИ	165
МОГУЧАЯ ВОЛНА	166

БЕРЕГ БЕЗ ВОДЫ	167
В СУМЕРКАХ СХЛЕСТНУЛИСЬ	167
ДАЛЕКО В НЕБЕ	168
ОСЕНЬ	168
БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА	169
ВОСПОМИНАНИЯ О ПАСХЕ	169
ВЕСНА	169

АБРЕКИ – ХРАНИТЕЛИ ТАИНСТВ ГРААЛЯ

ОБ АНГЕЛАХ БОЖЬИХ – ВЕРНЫХ И НЕВЕРНЫХ	170
АМАЗОНКИ И АБРСКИЛ	191
О ТОМ, ГДЕ И КАК БЫЛ СОТВОРЕН АДАМ	199
О ГРЕХОПАДЕНИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ	215
О РИТУАЛАХ ПРИОБЩЕНИЯ К РОДУ АДАМА	231
НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕФОРМЫ	248
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ И АБХАЗИЯ	256
ВРАЩАЮЩИЙСЯ ОГОНЬ	258
О ГРЯДУЩЕЙ АПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ	262
НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИЛИ АДАМ И ЕГО ПОТОМКИ	290
.АПОКАЛИПСИС В АБХАЗСКОЙ МИФОЛОГИИ	294
ГДЕ СПАСАЛОСЬ СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО?	300
АБХАЗСКИЕ ЦАРИ ИЗ РОДА МЕССИИ	306
НИЖНЯЯ ВОДА И ВЕРХНЯЯ ВОДА	311
ЭЙД СТРУИЛСЯ ИЗ ЗЕМЛИ ЭРЕЦ	316

Игорь Иванович Хварцкий

Дом на окраине

Рассказы, пьеса, стихотворения, статьи

Редактор *C. Цвинария*

Художник *P. Габлиа*

Верстка *K. Бигвава*

Формат 84x108/32. Тираж 300.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8.

Заказ №